

Вестник 2024

Балтийского федерального
университета
им. И. Канта

Серия
Гуманитарные
и общественные науки
№ 1

ISSN 2500-3216

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKVBU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№1

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2024

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневецкий, д-р юрид. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волчецкая, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юрид. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юрид. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф., Башкирский государственный
университет; *С. М. Маркедонов*, канд. ист. наук, доц., МГИМО;
А. О. Машовец, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Милоков*, д-р юрид. наук,
проф., Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский
государственный университет; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф.,
Санкт-Петербургский государственный университет; *Е. Р. Россинская*,
д-р юрид. наук, проф., Московская государственная юридическая академия
им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Таньшина*, д-р ист. наук, проф., РАНХиГС
при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф.,
Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Аксенов В. А., Одинцов С. В.</i> Правовая природа маркетплейсов	5
<i>Колосович О. С.</i> Экстрадиционное правовое регулирование в России: взаимосвязь международных и национальных положений	22

3

История. Исторические науки

<i>Денисов С. А.</i> Водные угодья в хозяйстве прусских условных землевладельцев в XIII—XIV веках	31
<i>Белинцева И. В., Баранова Е. В., Верецагин В. А., Маслов В. Н.</i> Виртуальная реконструкция Рыночной улицы Старого города Кёнигсберга конца XVIII столетия: источники, технологии, история зданий, модели	41
<i>Мельникова Д. А.</i> Крестьянское коневодство Российской империи во второй половине XIX — начале XX века: историографический аспект	72

Общество и политика

<i>Лялина А. В.</i> Социально-экономическое развитие Калининградской области в новых условиях: локальная специфика.....	85
<i>Сугаков Г. К.</i> Миграционная политика стран Прибалтики в контексте интересов ЕС и России	107
<i>Кадырмамбетов Т. М.</i> Военное правление в Судане: предпосылки и современность	117

CONTENTS

State and law

- Aksenov V. A., Odintsov S. V.* Legal nature of marketplaces 5
- Kolosovich O. S.* Legal regulation of extradition in Russia: the interplay between international and national provisions 22

4

History. Historical sciences

- Denisov S. A.* Water use rights in the agricultural practices of Prussian conditional landowners in the 13–14th centuries 31
- Belintseva I. V., Baranova E. V., Vereshagin V. A., Maslov V. N.* Virtual reconstruction of the Market street of 18th-century Königsberg's Old town: sources, technologies, building history and models 41
- Melnikova D. A.* Peasant horse breeding in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century: the historiographical aspect 72

Society and politics

- Lialina A. V.* Social and economic development of the Kaliningrad region in new conditions: local specifics 85
- Sugakov G. K.* Migration policy of the Baltic states in the context of EU and Russian interests 107
- Kadyrmambetov T. M.* Military rule in Sudan: historical preconditions and the current situation 117

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МАРКЕТПЛЕЙСОВ

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Москва, Россия

Поступила в редакцию 24.06.2023 г.

Принята к публикации 30.01.2024 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-1

Для цитирования: Аксенов В. А., Одинцов С. В. Правовая природа маркетплейсов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №1. С. 5–21. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-1.

Развитие информационных технологий и цифровой экономики обуславливает необходимость выработки подхода к правовому осмыслению такого явления, как маркетплейсы. Представлен обзор позиций отечественного и зарубежных законодателей относительно понимания маркетплейса. Показано, что законодатели в основе своей руководствуются сходной логикой правового регулирования и рассматривают маркетплейс как субъект правоотношений, определяя его через ряд характеризующих признаков. Отдельные законодатели принимают во внимание общую аморфность определения маркетплейса, учитывая наличие таких сходных явлений, как интернет-магазины и агрегаторы информации, и устанавливают дополнительные критерии для признания той или иной онлайн-платформы в качестве маркетплейса. Проанализирована правоприменительная практика Российской Федерации и зарубежных государств, показывающая наличие пробелов в законодательстве, чем обусловлены, в частности, сложности при определении гражданско-правовой ответственности маркетплейсов. Обобщение полученных результатов позволило выявить ряд характеризующих особенностей маркетплейса, отличающих его от иных сходных явлений. Также представлен подход к маркетплейсам как системе правоотношений, что даст возможность регулировать частноправовые отношения между сторонами внутри этой системы точно, на основе специальных норм. Необходимость такого подхода обусловлена тем, что, как показывает анализ правоприменительной практики, общие нормы договорного права не в состоянии урегулировать правоотношения должным образом, поскольку не учитывают роль ключевой стороны – маркетплейса.

Ключевые слова: маркетплейс, онлайн-платформы, агрегатор, онлайн-торговля, интернет-магазины

Введение

С развитием информационных технологий и окончательным переходом в эпоху информационного общества привычные механизмы исполнения обязательств приобретают новые формы. Традиционный поход за продуктами на рынок или в магазин постепенно заменяется покупкой товаров с использованием онлайн-платформ — маркетплейсов. Тенденция популяризации онлайн-торговли имеет место как в Евросоюзе [1], так и в Российской Федерации [2]. Даже такая консервативная покупка, как приобретение недвижимости, возможна через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» (далее — Интернет). Например, находясь в Иркутске, можно приобрести недвижимость по договору долевого участия в Москве при помощи маркетплейса с использованием электронной подписи.

6

Вместе с тем правовое регулирование с трудом поспевает за бурным развитием общественных отношений в сфере онлайн-торговли на маркетплейсах, регулярно сталкиваясь с различного рода проблемами, как теоретическими, так и практическими. Одной из важнейших задач является выработка теоретического подхода к пониманию сущности маркетплейса с позиции юридической науки.

Актуальность этой задачи обусловлена тем, что общественные отношения в сфере маркетплейсов находятся на начальной стадии развития, а терминология в этой сфере еще не устоялась, что приводит к еще большему хаосу в понимании сущности маркетплейсов.

Настоящее исследование направлено на раскрытие правовой природы маркетплейсов, выявление ряда их особенностей, освещение некоторых проблемных аспектов при комплексном изучении российского и зарубежного законодательного опыта.

Сложности выработки сущностных характеристик применительно к понятию «маркетплейс»

Следует подчеркнуть, что маркетплейсы представляют собой результат развития информационно-цифровых технологий, встраивание которого в действующую концепцию правового регулирования в России сопряжено с определенными трудностями. Как правило, явление, уже существовавшее ранее или возникшее в рамках старой парадигмы, легче принимается правовой системой. Например, упрощенное производство, введенное в гражданский процесс РФ [3], уже существовало ранее в арбитражном судопроизводстве РФ, и его введение стало своего рода отражением рекомендаций Совета Европы [4], поэтому упрощенное судопроизводство в гражданском процессе РФ сравнительно легко вписалось в существовавшую концепцию правового регулирования. При внедрении принципиально новых явлений неизбежны сложности, поэтому требуется принятие новых законов, осмысление определений и подходов государственных органов. В качестве примера приведем биткойн (Bitcoin) — «архитектуру, которая функционирует на основе *“proof of work”* (PoW — доказательство выполнения криптозадачи), то есть алгоритма достижения консенсуса в блокчейне, который ис-

пользуется для подтверждения транзакций и создания новых блоков» [5, с. 1155]. Эта программно-криптографическая архитектура появилась достаточно давно, и за довольно длительный период так и не сложилось четкой позиции по вопросу правового регулирования биткойна (ни как блокчейн-платформы, ни как криптовалюты), в частности в РФ. Имеются отдельные правовые нормы, разъяснения органов исполнительной власти, судебная практика, однако утверждать, что общественные отношения в данной сфере полностью урегулированы и пробелов нет, нельзя.

Сказанное применимо и к маркетплейсам как концептуально новому явлению. Как верно отмечают исследователи, «новый технологический уклад изменяет не только привычный образ жизни, но и природу правового регулирования» [6, с. 10]. В силу специфичности объекта правового регулирования необходим специфичный и выверенный подход, чем объясняется кажущаяся медлительность и нерешительность законодателя при регулировании подобного рода явлений.

7

Основные характеристики маркетплейса

Маркетплейс — это прежде всего онлайн-платформа, которая предлагает товары или услуги от неограниченного числа продавцов (исполнителей). Иногда термин «маркетплейс» используют неправильно, подразумевая под ним интернет-магазин с очень широким ассортиментом продукции [7, с. 522]. Однако интернет-магазин в первую очередь сам является продавцом. Объем ассортимента товаров или услуг никоим образом не влияет на статус — более подробно понятие интернет-магазина раскрыто в п. 57 ГОСТа 51303-2013 «Торговля. Термины и определения» [8]. Маркетплейс же представляет собой площадку, где продавцы и исполнители размещают свои товары, иными словами, это своего рода ярмарка. Маркетплейс и интернет-магазин объединяет лишь то, что они являются дистанционными площадками по предложению товаров или услуг.

Возможна ситуация, когда маркетплейс помимо товаров других продавцов продает свои. В таком случае в рамках правоотношений с покупателем своих товаров маркетплейс будет выступать продавцом, как интернет-магазин.

Таким образом, первая особенность заключается в том, что маркетплейс участвует в роли посредника в гражданско-правовых отношениях между покупателем и продавцом, или заказчиком и исполнителем.

Маркетплейс — это «онлайн-платформа», которая предоставляет доступ к товарам или услугам посредством использования сети Интернет. Онлайн-формат — основной отличительный признак, благодаря которому маркетплейсы получили популярность. Некоторые исследователи даже полагают, что маркетплейсы могут с большой долей вероятности занять место крупных ритейлеров, сблизив производителя с конечным потребителем [9]. Данная особенность является существенной, поскольку без ее учета невозможно определить участника общественных отношений как маркетплейс.

Еще одна особенность маркетплейса заключается в том, что за ним закреплен меньший объем обязанностей перед покупателями, чем за интернет-магазином. Сфера его деятельности ограничена предоставлением информации о товаре и продавце, выполнением и обеспечением порядка оплаты товара и доставки, а также другими посредническими услугами, прописанными в публичной оферте, с которой покупатель должен согласиться при покупке товара.

Важное значение имеет пользовательское соглашение между пользователем и маркетплейсом, поскольку в нем, как правило, закреплены все основные права и обязанности сторон. Кроме того, за время существования маркетплейсов в России сложился ряд правил пользования ими, которые в определенной степени представляют собой обыкновения с точки зрения гражданского права. Такого рода обыкновения можно также наблюдать в пользовательских соглашениях.

Порой встречаются очень необычные условия. Так, например, п. 2.4 правил пользования онлайн-платформой ООО «Вайлдберриз» гласит, что «маркетплейс автоматически присваивает себе возможность пользоваться результатами интеллектуальной деятельности, например фотографиями пользователей или сообщениями, без уведомления и выплаты авторского вознаграждения» [10].

Поскольку маркетплейсы по общему правилу не несут ответственность за ненадлежащее исполнение гражданско-правовых обязательств между покупателем и продавцом, зачастую они становятся ненадлежащими ответчиками. В сравнительно-правовом подходе заслуживают внимания положения федерального закона США «Об авторском праве в цифровом тысячелетии» (Digital Millennium Copyright Act) в части, касающейся условий освобождения от ответственности «агрегаторов» («онлайн-платформ») [11]. А правовым основанием и процессуальным механизмом привлечения к ответственности владельца «агрегатора» («онлайн-платформы») является стандарт оценки, выработанный прецедентным правом (case law). Так, согласно так называемому тесту Инвуда, «лицо виновное должно обладать больше, чем просто знанием о возможном нарушении, то есть необходимо также знать, кто именно и чьи права нарушает» [12].

Так, например, в потребительском споре гражданки, которая купила телевизор ненадлежащего качества с браком дисплея через маркетплейс ООО «Яндекс.Маркет» Шестой кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами нижестоящих судов о том, что «ответчик ООО «Яндекс.Маркет» является владельцем агрегатора информации о товарах (услугах). Оформляя заказ, в том числе оплачивая его на сайте, покупатель заключил договор купли-продажи товара с продавцом товара, а не с владельцем агрегатора информации о товарах. Таким образом, ООО «Яндекс.Маркет» является посредником в правоотношениях покупателя и продавца, который не уполномочен на принятие, рассмотрение претензий покупателей в отношении товаров, исполнение требований покупателей и, соответственно, не несет ответственность за ненадлежащее выполнение требований потребителя о возврате денежных

средств за некачественный товар. Предусмотренных законодательством о защите прав потребителей оснований для взыскания с указанного ответчика штрафа не имелось» [13].

Имеют место случаи, когда владелец маркетплейса не несет ответственность за предоставление недостоверной информации об исполнителе. Так, например, судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда указала, что «доводы истца — пользователя к маркетплейсу в апелляционной жалобе о том, что маркетплейсом указана недостоверная информация об исполнителе, не могут повлечь отмену решения суда, поскольку соответствующую информацию предоставляет непосредственно исполнитель и именно исполнитель обязан обеспечить достоверность соответствующей информации, а рейтинг исполнителя указывают потребители либо соответствующие пользователи» [14].

Также интересен момент с контрафактной продукцией на маркетплейсах, за которую владелец маркетплейса не отвечает, объясняя это тем, что маркетплейс лишь предоставляет информацию о товаре и продавцах. В Российской Федерации после внедрения механизма параллельного импорта для замещения продукции поставщиков, которые покинули российский рынок, проблема контрафакта приобрела особую остроту, хотя и ранее была актуальна. Однако после принятия постановления Правительства РФ № 1315 владельцы онлайн-платформ (маркетплейсов) с 1 марта 2023 г. несут ответственность за продажу контрафактной продукции и непередачу сведений в систему «Честный знак» [15].

Данная проблема не нова и распространена во всем мире. Так же остро она стоит в Китайской Народной Республике. Контрафактная продукция именуется там «шаньчжай» (山寨 — shānzhài). Первым нормативным актом об электронной торговле в Китае было постановление «Об информационной службе Интернета Китайской Народной Республики» от 2000 г., однако значительно продвинуться в воспрепятствовании контрафакту удалось уже в 2011 г. с принятием закона Китайской Народной Республики «О деликтной ответственности» (The Tort Liability Act of the People's Republic of China / 中国诉讼法律网) [16, p. 572–574].

Таким образом, можно выделить следующую особенность маркетплейсов — это ограниченная (имущественная) ответственность, сформулированная и содержащаяся в пользовательских соглашениях. Маркетплейс не несет солидарную гражданско-правовую ответственность с продавцом (исполнителем) перед пользователем маркетплейса, кроме случаев, когда маркетплейс указывает об этом в пользовательском соглашении.

Другая особенность заключается в том, что маркетплейс фактически представляет собой веб-сайт или приложение для смартфона, который принадлежит организации (независимо от ее организационно-правовой формы) или индивидуальному предпринимателю. При этом ряд законодателей различных государств отождествляют маркетплейс как веб-сайт (мобильное приложение) с владельцем маркетплейса, что вызывает некоторые вопросы. Организация, владеющая маркетплейсом, является коммерческой, поскольку основная цель использования маркетплейса — извлечение прибыли.

И наконец, еще одна особенность состоит в том, что маркетплейс — это онлайн-платформа, которая предоставляет услуги по оплате товара или услуги, выступает своего рода гарантом осуществления сделки и, например, может удерживать денежные средства до фактического получения товара пользователем маркетплейса. Таким образом, мы видим здесь элемент эскроу-счета, так как происходит блокирование денежных средств пользователя до получения им товара (услуги) от продавца (исполнителя).

Акцент на посредническом характере деятельности маркетплейса прослеживается в зарубежных законодательствах, что более подробно рассмотрено во второй части настоящей статьи.

10

Некоторые авторы определяют роль маркетплейса, исходя из объема гражданско-правовых обязанностей в рамках заключения или исполнения дистанционных договоров. Роль маркетплейса, на их взгляд, состоит в обеспечении заключения сделки путем подбора стороны договора, определения условий, содействия в достижении соглашения, а также обеспечении последующего контроля исполнения сделки [17].

Таким образом, мы выделили пять особенностей маркетплейса: 1) маркетплейс управляется коммерческой организацией (индивидуальным предпринимателем), с которой(ым) он отождествляется; 2) это онлайн-платформа, предполагающая исключительно дистанционный формат взаимоотношений между сторонами; 3) маркетплейс является посредником в гражданско-правовых отношениях между покупателем (заказчиком) и продавцом (исполнителем); 4) гражданско-правовая ответственность маркетплейса ограничена положениями, включенными в пользовательское соглашение, то есть имущественная ответственность не отождествлена с ответственностью продавца (исполнителя); 5) через маркетплейс опосредованно осуществляется функции по приему оплаты от пользователей и проведению расчетов между сторонами.

Нормативные аспекты регулирования маркетплейсов

В настоящий момент в российском законодательстве нет единого нормативного термина для обозначения понятия маркетплейса. Маркетплейсы начали распространяться довольно давно, однако законодатель в сфере защиты прав потребителей отреагировал на их появление лишь в 2018 г., приняв в федеральный закон «О внесении изменений в закон Российской Федерации “О защите прав потребителей”» [18], в котором вводятся данное понятие и ряд норм. Несмотря на невозможность для законодателя идти в ногу с развитием общественных отношений, все же он должен соблюдать базовые требования к законодательству (критерии качества закона), предполагающие полноту и своевременное обновление закона [19].

Понятие маркетплейса, закрепленное в преамбуле закона 2018 г., представлено в следующем виде: «владелец агрегатора информации о товарах (услугах) (далее — владелец агрегатора) — организация независимо от организационно-правовой формы либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или)

страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов в соответствии с п. 3 ст. 16.1 настоящего Закона и Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ "О национальной платежной системе"» [18].

В представленном определении помимо базовых критериев (организационная форма и наличие программы ЭВМ и (или) владение сайтом в Интернете (онлайн-формат деятельности)) указаны посреднически-организационный критерий (маркетплейс предлагает потребителю ознакомиться с товарами или услугами продавца, исполнителя, а также заключить договор) и критерий посредничества в сфере оплаты. Два последних критерия носят неоднозначный характер, поскольку некоторые площадки позиционируют себя как агрегаторы информации и непонятно, считаются ли они маркетплейсами согласно упомянутому закону. Данные агрегаторы соответствуют двум базовым критериям, но не обладают критериями посредничества в виде заключения договоров и вопросов оплаты. Например, в лицензионном соглашении онлайн-платформы по продаже недвижимости в РФ «Циан», принадлежащей ООО «Айриэлтор», указано, что компания предоставляет лицензиату (пользователю «Циана») доступ для использования данной программы ЭВМ [20]. «Циан» не принимает платежи в пользу продавцов квартир и со стороны собственников недвижимости показывает в гражданско-правовом смысле «приглашение делать оферты» на основании размещенных объявлений. В общих чертах аналогичный подход у другой популярной онлайн-платформы «Авито», имеющей более широкий профиль и принадлежащей ООО «КЕХ eКоммерц» [21].

При этом существуют примеры, когда критерий оплаты в пользу продавца онлайн-платформой соблюден, но она позиционирует себя как агрегатор информации. Таков известный многим сервис «Домклик» от ПАО Сбербанк: помимо того, что с помощью этого сервиса можно найти объект недвижимости и заключить кредитный договор на его приобретение, он предоставляет возможность внести оплату через сервис безопасных платежей ООО «Домклик», и эти средства будут удерживаться до момента регистрации права собственности.

Таким образом, критерий посредничества в организационной составляющей и в сфере оплаты позволяет отличить маркетплейсы от агрегаторов информации. Вместе с тем границы между этими явлениями несколько размыты, так как агрегаторы информации порой берут на себя функции по оплате и организации сделок, но их характер не такой явный и, как правило, функции по оплате позиционируются данными компаниями как отдельная и дополнительная услуга, не связанная с поиском товара или услуги на платформе.

Законодательная инициатива в последние годы активизировалась, и, вероятно, понятие маркетплейса будет введено с принятием законопроекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции” и иные законодательные акты Российской Федерации» [22]. В соответствующем пункте текста этого законопроекта дано следующее определение: «цифровая платформа — это размещенная в Интернете инфраструктура, которая используется для организации и обеспечения взаимодействия продавцов и покупателей» [23]. В заключении Минэкономразвития от 18 сентября 2018 г. №26742-СШ/Д26и к тексту данного законопроекта понятие цифровой платформы подверглось критике. Вопросы вызывает, во-первых, расширительный подход определения, под которое могут подпадать различные субъекты — от организаций, осуществляющих брокерскую деятельность с ценными бумагами, до организаций, осуществляющих услуги страхования. Во-вторых, непонятно, о каких покупателях идет речь — о конечных потребителях или в их число включаются также покупатели-оптовики. В-третьих, неясно, что понимается под «организацией и обеспечением взаимодействия продавцов и покупателей»: размещение объявлений, рекламы, непосредственная купля-продажа товара (услуги)? Под понятие «цифровая платформа» подпадают информационные порталы, а также сайты, содержащие информацию о товарах, услугах. В связи с отрицательным заключением работа над законопроектом была поставлена на паузу. Отметим, что в дальнейшем этот законопроект был внесен 7 июля 2022 г. в Государственную думу уже без использования понятия «цифровая платформа» [24]. Таким образом, представляется, что использование таких широких определений, как «цифровая платформа», неэффективно и следует закладывать в определение конкретные признаки, обеспечивающие однозначную и понятную трактовку.

Полагаем, следует согласиться с выводами заключения Минэкономразвития в том, что данное определение излишне расширительное — под него подпадают агрегаторы информации, маркетплейсы, сервисы банков и т.д. Необходимы точные признаки, способные обеспечить определенность понятия маркетплейса. Критикуя неопределенность потребителя, Минэкономразвития, вероятно, имело в виду тип маркетплейса. В зависимости от пользователей существуют три типа маркетплейсов: B2C, C2C, B2B. Под B2C понимается «*business to consumers*», когда компании продают товары потребителям (таков маркетплейс «Яндекс.Маркет»), под C2C имеется в виду «*consumers to consumers*» — это продажи частными лицами для частных лиц (в качестве примера можно назвать «Facebook marketplace»), под B2B понимается «*business to business*» — различные площадки по закупкам, например стройматериалов предпринимателями и т.д. Тип маркетплейса имеет значение, поскольку формат B2B подразумевает, что на этой площадке работают профессиональные участники рынка. Подобную классификацию использует и закон КНР «Об электронной торговле / коммерции», вступивший в силу с 1 января 2019 г., который регулирует все указанные разновидности онлайн-маркетплейсента, в том числе опосредованно через платформы мессенджеров и стриминговые сервисы [25].

В законодательстве Евросоюза, правовое регулирование деятельности маркетплейсов продвинулось значительно дальше. Так, например, Евросоюз озаботился ролью сетевых и информационных систем и услуг, поскольку они имеют важное значение для экономической и общественной деятельности. Выпущена директива (ЕС) 2016/1148 Европейского парламента и совета от 6 июля 2016 г. о мерах по обеспечению высокого уровня стандарта безопасности сетевых и информационных систем по всему Евросоюзу (далее – Директива 2016/1148) [26].

В п. 17 ст. 4 Директивы 2016/1148 дано определение маркетплейса (online marketplace): это цифровой сервис, который позволяет потребителям и (или) трейдерам в значениях, определенных п. «а» и «b» ч. 1 ст. 4 Директивы 2013/11/EU Европейского парламента и совета (далее – Директива 2013/11/EU) [27], заключать онлайн-договоры по продаже или услугам с любыми трейдерами на сайте онлайн-маркетплейса или сайте трейдера, который использует электронный программный функционал, предоставленный онлайн-маркетплейсом.

В Директиве 2013/11/EU в п. «а» ч. 1 ст. 4 под потребителем подразумевается любое физическое лицо, действующее в целях, которые выходят за рамки его торговой деятельности, бизнеса, ремесла или профессии. В п. «b» ч. 1 ст. 4 под трейдером понимается любое физическое или юридическое лицо независимо от формы собственности (публичная или частная), которое действует, в том числе через любое другое лицо, действующее от его имени или по поручению, в целях, связанных с его торговой деятельностью, бизнесом, ремеслом или профессией.

Иными словами, как принято и в российском законодательстве, в сделке участвует, с одной стороны, физическое лицо, действующее в личных, семейных, бытовых целях, не связанных с предпринимательской деятельностью, а с другой – индивидуальный предприниматель или юридическое лицо независимо от формы собственности, которое может действовать не напрямую в предпринимательских целях. Таким образом, в определении представлен маркетплейс типа B2C – так европейский законодатель ограничил возможности расширительного толкования данной нормы. Более того, в п. 55 преамбулы Директивы 2016/1148 указано, что понятие маркетплейса используется в соответствии с целями данной директивы.

В п. 15 преамбулы Директивы 2016/1148 также представлено важное положение о том, что понятие маркетплейса не распространяется на онлайн-сервисы, которые сравнивают стоимость на товары или услуги у разных контрагентов. Например, в России есть расширение в веб-браузере от «Яндекс», которое при посещении сайта маркетплейса или даже интернет-магазина демонстрирует уведомления о том, что этот же товар или услугу можно найти дешевле у другого продавца (исполнителя). Также есть отдельные сервисы не в формате расширений, как существующий в виде полноценного сайта информационный агрегатор «Сравни.ру», который показывает контрагента с наиболее низкой ценой по полису ОСАГО или страхованию объекта залога по кредитному договору.

В законодательстве ЕС существует также правовой акт, который направлен на защиту прав предпринимателей в сфере онлайн-посредни-

чества. Это Регламент ЕС 2019/1150 Европейского парламента и совета от 20 июня 2019 г. «О содействии справедливости и прозрачности для бизнес-пользователей услуг онлайн-посредничества» [28]. Защиту прав потребителей в сфере маркетплейсов обеспечивает директива Европейского парламента и совета «О недобросовестной коммерческой практике по отношению к потребителю на внутреннем рынке» [29], которая регулирует общие положения. В то же время развитие общественных отношений и возникновение новых явлений, таких как маркетплейсы, требует разъяснений, то есть вспомогательных положений. В связи с этим было разработано руководство по толкованию и применению данной директивы [30]. Оно затрагивает не только маркетплейсы, но и ряд других явлений: магазины приложений, поисковые системы, социальные медиа и т. п.

Управление по налоговым и таможенным сборам Соединенного Королевства определяет онлайн-маркетплейс как бизнес, использующий веб-сайт или приложение для мобильного телефона (например, торговую площадку, платформу или портал) для продажи товаров клиентам и отвечающий всем следующим условиям:

- каким-либо образом устанавливает условия поставки товаров клиенту;
- каким-либо образом участвует в авторизации или содействии платежам клиентов;
- участвует в заказе или доставке товаров [31].

Данный подход в целом близок к подходу европейского законодателя, хотя следует учитывать, что эти разъяснения были даны после начала процесса, известного как Брексит. Более того, в положении «О сети и информационных системах» 2018 г. [32] напрямую используется определение онлайн-маркетплейса, данное в Директиве ЕС 2016/1148, хотя после выхода Соединенного Королевства из Европейского союза правовые нормы, в сущности, не поменялись, поскольку European Union (Withdrawal) Act 2018 [33] сделал законодательство ЕС составной частью законодательства Соединенного Королевства. Вероятно, существенные отличия в подходах к правовому регулированию маркетплейсов смогут появиться лишь по истечении длительного времени.

Таким образом, правовой подход в Евросоюзе к маркетплейсам носит дифференцированный характер, включая нормы, которые защищают и пользователей-предпринимателей, и пользователей-потребителей. Вместе с тем в этом подходе используется привязка терминологии к конкретным правоотношениям, следовательно, отсутствует расширительное толкование термина «маркетплейс». Законодательство Евросоюза имеет в своем арсенале общее понятие маркетплейса и сопутствующие термины-элементы. Отечественный законодатель постепенно и с осторожностью вносит изменения и вводит новые нормы. Сравнивая российское законодательство с европейским, можно отметить, что правовая природа явления маркетплейса более полно раскрыта в нормах законодательства ЕС. Полагаем, это связано с тем, что фактически маркетплейсы изначально получили свое распространение в зарубежных юрисдикциях, а в Россию пришли позднее.

Учитывая вышеизложенное, следует отметить, что различные законодатели определяют маркетплейс как субъект права, который обладает самостоятельной правоспособностью. Ключевой детерминантой маркетплейса с позиции законодателей различных стран является его деятельность, именно через нее делаются попытки раскрыть сущность этого явления. В самом общем виде подход к маркетплейсу как субъекту права логически понятен, поскольку законодателей различных государств в первую очередь интересуют вопросы публично-правового характера, например уход маркетплейсов, осуществляющих трансграничную деятельность, от уплаты налогов [34] или злоупотребление своим положением и нарушение антимонопольного законодательства [35]. С такой позиции нужен именно субъект, чтобы привлекать его к ответственности, обязывать выплачивать налоги и сборы и осуществлять в его отношении меры государственного принуждения.

С позиции частного права законодателей различных стран интересует защита прав потребителей и, как следствие, вопросы надлежащего качества товара, услуги. В России последовали путем установления субъекта — маркетплейса, закрепив его определение в законе «О защите прав потребителей» и распространив на маркетплейсы действие норм. При этом на первый взгляд стратегия выглядит вполне логичной и рабочей, но на практике регулярно возникают проблемы, например в связи с ответственностью маркетплейсов за некачественный товар. Как только дело доходит до суда, маркетплейсы, как правило, начинают прятаться за своей ролью посредника, что создает трудности в правоприменительной практике.

Указанные проблемы носят повсеместный и трансграничный характер — они имеют место не только в РФ, но и в европейских странах и США. Так, например, в 2020 г. Верховный суд штата Нью-Йорк признал ответственность Amazon.com, Inc. за пожар, вызванный дефектным термостатом, заказанным через платформу Amazon и доставленным через программу Fulfillment от Amazon.com, Inc. [36]. Суд отклонил довод Amazon.com, Inc. о том, что ответчик не является продавцом товара, а лишь предоставляет услуги по хранению и доставке. Суд признал, что Amazon.com, Inc. контролирует все аспекты процесса продажи и получает выгоду от каждой транзакции. Суд также отметил, что компания не предоставила достаточных сведений о производителе или продавце товара, чтобы покупатель мог обратиться к ним за возмещением ущерба.

Проблема видится в том, что судебная практика сталкивается с новым, еще не урегулированным правовым явлением, когда в правоотношении участвуют три самостоятельные стороны с персональными правами и интересами. Казалось бы, при купле-продаже товара на маркетплейсе достаточно применить положения, регулирующие куплю-продажу, но фактически этого оказывается мало, поскольку невозможно игнорировать участие в сделке третьей стороны — владельца маркетплейса. Более того, порой маркетплейс играет существенную роль в сделке и продавец может в некотором роде даже зависеть от действий владельца маркетплейса. В связи с этим считаем необходимым рассматривать маркетплейс не столько как отдельный субъект в лице коммерческой организации или индивидуального предпринимателя, который

обязан выплачивать налоги и демонстрировать свою правоспособность, и не столько как отдельный объект, представляющий собой веб-страницу или мобильное приложение, а как систему правоотношений.

Маркетплейс как система отношений имеет комплексный характер. В сущности, это двухсоставная система. В некотором роде, пусть и очень отдаленно, маркетплейс напоминает правоотношения истца и ответчика в гражданском или арбитражном процессе, когда истец подает материально-правовое требование к ответчику в суд и все их дальнейшее взаимодействие осуществляется через суд. Выделяется даже самостоятельный метод правового регулирования, именуемый арбитражным.

16

В случае с маркетплейсом ситуация, конечно, иная, но суть аналогии в том, что к маркетплейсам нужен особый подход. Маркетплейс как система состоит из правоотношений: 1) между пользователем маркетплейса и продавцом товара / исполнителем услуги, которые регулируются уже существующими институтами обязательственного права; 2) между продавцом / исполнителем и маркетплейсом, в которых стороны используют различные договорные конструкции (договор комиссии, лицензионный договор, различные смешанные договоры или комплекс договоров и т.д.); 3) между пользователем (потребителем) и маркетплейсом, внутри которых, как правило, и возникают сложности в правоприменительной практике. При этом некоторые маркетплейсы включают договорные конструкции с пользователями, однако не существует каких-либо императивных или диспозитивных норм на случай, если стороны не согласовали те или иные условия.

Таким образом, мы предлагаем понимать маркетплейс как систему гражданско-правовых отношений между сторонами того или иного договора, а также между каждой из сторон и маркетплейсом. Развитие данной концепции в доктринальном плане поможет разрешить ряд сложных, проблемных моментов, касающихся частноправовых вопросов, обозначенных в настоящем исследовании. Также внедрение этой правовой концепции позволит надлежащим образом урегулировать правоотношения, связанные с маркетплейсами, избежав точечного регулирования. В дальнейшем ее разработка позволит более четким и ясным образом определить маркетплейс как субъект, избежав установления поясняющих критериев, поскольку они изначально будут заложены в концепции в группе отношений пользователей и продавцов / исполнителей с самим маркетплейсом.

Заключение

В проведенном исследовании мы обозначили ключевые особенности, характеризующие маркетплейс, и основные подходы органов государственной власти РФ и зарубежных стран к определению сущности этого понятия, что в совокупности позволяет раскрыть правовую природу данного явления.

Выявлены основные особенности маркетплейсов: 1) маркетплейс управляется коммерческой организацией или индивидуальным предпринимателем, отождествляясь с ними; 2) это платформа онлайн-формата, действующая через сеть Интернет; 3) она выступает в роли

отдельной стороны (посредника) в гражданско-правовых отношениях между пользователями маркетплейса и неограниченным кругом продавцов и исполнителей по организационным вопросам; 4) гражданско-правовая ответственность маркетплейса довольно размыта и носит обособленный характер от гражданско-правовой ответственности производителей и продавцов, которые размещаются на маркетплейсе; 5) маркетплейс участвует в расчетах между пользователями и неограниченным кругом продавцов (исполнителей).

Установлено, что существуют сходные до степени смешения с маркетплейсами явления: агрегаторы информации, интернет-магазины, информационные платформы (расширения) для сравнения цен. Благодаря обозначенным выше особенностям, особенно трем последним, маркетплейсы можно довольно легко отграничить от иных сходных явлений. Вместе с тем грань между маркетплейсами и близкими явлениями бывает довольно размытой, поэтому необходимо тщательно изучать условия соответствующих пользовательских соглашений и вникать в сущность (специфику) деятельности определенных маркетплейсов.

Действующее российское законодательство не в полной мере раскрывает правовую природу маркетплейсменты, в том числе не так детализирована терминология, отсутствуют специальные нормы, регулирующие деятельность маркетплейсов.

В российском законодательстве назрела потребность в правовом регулировании маркетплейсов. Целесообразно либо выбрать дифференцированный подход, позволяющий дать определение маркетплейсу и привязать его к конкретным правоотношениям, либо принять отдельный (специальный) федеральный закон и сформулировать универсальное определение, не пытаясь использовать точечное регулирование в разных нормативных актах, как, например, в сфере законодательства о защите прав потребителей.

Предлагается понимание маркетплейса в трех аспектах: 1) маркетплейс — веб-страница или мобильное приложение (объект); 2) маркетплейс — коммерческая организация или индивидуальный предприниматель, как его определяют большинство законодателей, что представляется довольно дискуссионным (субъект); 3) маркетплейс — система правоотношений между пользователем маркетплейса, владельцем маркетплейса и продавцом (исполнителем), размещающим свои товары (услуги) на маркетплейсе.

Список литературы

1. *Online sales continue to grow among EU enterprises* // Products Eurostat News. 2021. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-eurostat-news/-/ddn-20211228-1> (дата обращения: 28.12.2022).
2. *Интернет-торговля в России 2021*. Маркетинговое исследование команды «DataInsight». URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/eCommerce_2021_2.pdf (дата обращения: 28.12.2022).
3. *О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации* : федер. закон от 2 марта 2016 г. №45-ФЗ // Российская газета. 2016. №47.

4. Комитет министров — государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию : рекомендация Комитета министров Совета Европы №R(81)7. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901945345?section=text> (дата обращения: 01.01.2023).

5. *Odintsov S. V., Koncheva V. A., Trubina M. V.* Tokens: Actual Problems of Determining the Legal Status and Classification // Scientific and Technical Revolution: Yesterday, Today and Tomorrow, Krasnoyarsk, 5–7 декабря 2019 г. Krasnoyarsk, 2020. P. 1152–1158. doi: 10.1007/978-3-030-47945-9_125.

6. *Синюков В.Н.* Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex Russica. 2019. №9 (154). С. 9–18. doi: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.009-018.

7. *Kawa A., Wałęsiak M.* Marketplace as a key actor in e-commerce value networks // Logforum. 2019. Vol. 15, №4. P. 521–529. <http://doi.org/10.17270/J.LOG.2019.351>.

8. *Торговля.* Термины и определения. ГОСТ Р 51303-2013. М.: Стандартинформ, 2014.

9. *Gauri D., Jindal R., Ratchford B. et al.* Evolution of retail formats: past, present, and future // Journal of retailing. 2021. Vol. 97, №1. P. 42–61. <https://doi.org/10.1016/j.jretai.2020.11.002>.

10. *Правила* пользования торговой площадкой «Wildberries». URL: <https://www.wildberries.ru/services/pravila-polzovaniya-torgovoy-ploshchadkoy> (дата обращения: 13.01.2022).

11. *Digital Millennium Copyright Act.* 1998. URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/2281> (дата обращения: 31.05.2022).

12. *Inwood Laboratories Inc. v. Ives Laboratories Inc.* 1982. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/456/844/#> (дата обращения: 31.05.2022).

13. *Определение* Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 8 ноября 2021 г. №8Г-22660/2021. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

14. *Определение* судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 2 сентября 2021 г. №33-35225/2021. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/224224c0-063b-11ec-bef3-fd4d6000c829> (дата обращения: 13.01.2022).

15. *О внесении* изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2019 г. №1956 и признании утратившими силу отдельных положений акта Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 29 июля 2022 г. №1351 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202208020004> (дата обращения: 14.01.2023).

16. *Langfan F.* Liability for an online marketplace provider's trademark infringement — practice and latest development of Chinese law // The International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2013. Vol. 44, №5. P. 569–584. <https://doi.org/10.1007/s40319-013-0062-1>

17. *Бодилковский А.В.* Гражданско-правовое регулирование отношений, вытекающих из договоров, заключенных дистанционно : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

18. *О внесении* изменений в закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» : федер. закон от 29 июля 2018 г. №250-ФЗ // Российская газета. 2018. №166.

19. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника : учебник. М., 2011.

20. Лицензионное соглашение «ЦИАН». URL: https://www.cian.ru/legal-documents/licenzionnoe_soglashenie_0/ (дата обращения: 15.01.2022).

21. Оферта о заключении услуг «Авито». URL: <https://www.avito.ru/legal/rules/services-agreement/> (дата обращения: 15.01.2022).

22. *Маркетплейсы: Роскачество защищает права потребителей* // АНО «Российская система качества» : [официальный сайт]. URL: https://rskrf.ru/consumer_rights/reviews/marketpleysy-roskachestvo-zashchishchaet-prava-potrebiteley (дата обращения: 15.01.2023).

23. *О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и иные законодательные акты Российской Федерации* : проект Федерального закона. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=79428> (дата обращения: 15.01.2023).

24. *О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» (в части совершенствования антимонопольного регулирования «цифровых» рынков)* : законопроект №160280-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/160280-8> (дата обращения: 15.01.2023).

25. *Одинцов С.В.* Китайская модель регламентации цифровой трансформации // Современное право. 2022. №9. С. 123 – 133. doi: 10.25799/N1.2022.62.49.020.

26. *Concerning measures for a high common level of security of network and information systems across the Union* : Directive 2016/1148 of the European parliament of the council of 6 July 2016. URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2016/1148/oj> (дата обращения: 16.01.2023).

27. *On alternative dispute resolution for consumer disputes and amending Regulation (EC) №2006/2004 and Directive 2009/22/EC* : Directive 2013/11/EU of the european parliament and of the council of 21 May 2013. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2013/11/oj> (дата обращения: 16.01.2023).

28. *On promoting fairness and transparency for business users of online intermediation services* : Regulation (EU) 2019/1150 of the European parliament and the council of 20 June 2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/1150> (дата обращения: 16.01.2023).

29. *Concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European Parliament and of the Council and Regulation (EC) №2006/2004 of the European Parliament and of the Council* : Directive 2005/29/EC of the European parliament and of the Council of 11 May 2005. URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2005/29/oj> (дата обращения: 16.01.2023).

30. *Concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market* : Guidance on the interpretation and application of Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021XC1229%2805%29&qid=1640961745514> (дата обращения: 16.01.2023).

31. *VAT and overseas goods sold to customers in the UK using online marketplaces* : Guidance. 2022. URL: <https://www.gov.uk/guidance/vat-and-overseas-goods-sold-to-customers-in-the-uk-using-online-marketplaces#overview> (дата обращения: 18.01.2023).

32. *The Network and Information Systems Regulations 2018* : UK Statutory Instruments. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2018/506> (дата обращения: 09.05.2023).

33. *European Union (Withdrawal) Act 2018* // UK Public General Acts. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/16/contents> (дата обращения: 09.05.2023).

34. Scarcella L. E-commerce and effective VAT/GST enforcement: Can online platforms play a valuable role? // *Computer Law & Security Review*. 2020. Vol. 36. P. 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.105371>.

35. Беликова К. М. Исследование влияния созданных в условиях сетевой экономики цифровых платформ (маркетплейсов) на потребительские рынки и положения конкурентного права // *Юридические исследования*. 2021. № 6. doi: 10.25136/2409-7136.2021.6.35784.

36. *State Farm Fire & Cas. Co. v. Amazon.com Servs., Inc.* № 008550/2019. 8 Dec. 2020. Supreme Court of the State of New York // *New York State Law Reporting Bureau*. URL: https://www.nycourts.gov/REPORTER/3dseries/2020/2020_20326.htm (дата обращения: 09.05.2023).

Об авторах

Вадим Аркадьевич Аксенов — асп., Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Россия.

E-mail: aksenov.vadim.voneska@gmail.com

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1560-7633>

Станислав Валерьевич Одинцов — канд. юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Россия.

E-mail: odintsov_sv@pfur.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3403-3519>

V. A. Aksenov, S. V. Odintsov

LEGAL NATURE OF MARKETPLACES

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Received 24 June 2023

Accepted 30 January 2024

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-1

To cite this article: Aksenov V. A., Odintsov S. V. 2024, Legal nature of marketplaces, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 1. P. 5–21. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-1.

The advancement of information technology and the digital economy pose a challenge that calls for developing specific legal approaches to comprehend phenomena such as marketplaces. This article reviews the stances adopted by Russian and international legislators regarding the understanding of marketplaces. It is shown that legislators apply a similar legal regulation logic and consider marketplaces as subjects in a legal relationship, defining them based on a set of distinctive traits. Some lawmakers take account of the general ambiguity in defining marketplaces given the existence of similar phenomena, such as online stores and information aggregators, and, consequently, establish additional criteria for recognising a specific online platform as a marketplace. This paper examines enforcement practices in the Russian Federa-

tion and other countries, uncovering legislative gaps, particularly concerning the complexities of marketplace civil liability. By consolidating research findings, a distinct set of features is formulated to differentiate marketplaces from similar phenomena like online stores and information aggregators. Furthermore, an approach is proposed, suggesting the consideration of marketplaces as a system of legal relationships. By using specific norms, this approach facilitates targeted regulation of private legal relationships between parties within this system. This necessity arises from the analysis of enforcement practices, as general norms of contract law are inadequate for properly regulating such relationships since these norms fail to consider the role of the key party, namely the marketplace.

Keywords: marketplace, online platforms, aggregator, online trading, internet stores

The authors

Vadim A. Aksenov, PhD Student, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Russia.

E-mail: aksenov.vadim.voneska@gmail.com

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1560-7633>

Dr Stanislav V. Odintsov, Associate Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Russia.

E-mail: odintsov_sv@pfur.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3403-3519>

О. С. Колосович

**ЭКСТРАДИЦИОННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РОССИИ:
ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ
И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ**

Волгоградская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Волгоград, Россия
Поступила в редакцию 24.10.2023 г.
Принята к публикации 30.01.2024 г.
doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-2

22

Для цитирования: Колосович О. С. Экстрадиционное правовое регулирование в России: взаимосвязь международных и национальных положений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №1. С. 22 – 30. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-2.

Анализируются теоретические положения международных актов и отечественного законодательства, регламентирующих экстрадицию, исследуется взаимозависимость международного и национального правового регулирования экстрадиции. Сделан акцент на механизме обеспечения национальных интересов в международных договорах об экстрадиции. Исследование проводилось в соответствии с общенаучным принципом объективности с использованием формально-юридического метода, методов абстрагирования, обобщения и общелогических методов. Изучение механизмов обеспечения национальных интересов в ходе применения экстрадиционных норм позволило выявить отдельные проблемы их регламентации. К факторам, препятствующим более эффективной реализации рассматриваемых положений, отнесены их сложность, многоуровневость и недостаточная правовая регламентация, отсутствие международных договоров с отдельными странами, влияние на выполнение международных обязательств политической обстановки в сотрудничающих государствах. На основе проведенного анализа правовых норм и научных взглядов по обозначенным вопросам сделан ряд выводов: о существовании достаточно эффективного механизма обеспечения национальных интересов стран – участников многосторонних международных договоров об экстрадиции; о наличии возможностей для создания на основе национального законодательства, региональных и двусторонних международных договоров условий и порядка экстрадиции, отличных от регламентируемых универсальными международными договорами, в целях обеспечения национальных интересов; о необходимости совершенствования правового регулирования отдельных этапов экстрадиционной процедуры. Полученные результаты представляется возможным использовать при дальнейшем исследовании экстрадиции как вида международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Понимание взаимосвязи экстрадиционных международных и национальных положений имеет важное значение для последующего теоретического осмысления указанного института, унификации взгляда на рассматриваемое правовое явление в науке и в правоприменительной практике.

Ключевые слова: международное сотрудничество, правовое регулирование, уголовно-процессуальное право, экстрадиция

В Уставе Организации Объединенных Наций (ООН) в качестве одной из целей ее создания обозначено развитие дружественных отношений между нациями и осуществление «международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера» (ст. 1). Взятый мировым сообществом курс на развитие международных отношений способствовал совершенствованию совместной деятельности в различных сферах. Постепенно формировалась и нормативная база для сотрудничества государств. В последние несколько десятилетий эта практика привела к существенному росту международной активности населения многих стран. Ее пик наблюдался на территории постсоветских государств, что было обусловлено происходившими в них политическими, социальными и экономическими изменениями.

Появление цифровых технологий также оказало огромное влияние на интенсивность и характер указанных отношений, предоставляемые услуги и товары, обмен информацией, коммуникационные средства. Границы между государствами в отдельных сферах их жизнедеятельности стали формальностью, что способствовало росту международного сотрудничества преступников, появлению новых способов совершения и сокрытия преступлений, возможностей скрыться от уголовного преследования или скрыть имущество, добытое преступным путем, на территории другой страны. Данные тенденции не обошли стороной и Россию. Закономерно, что в наши дни международное сотрудничество стало обыденным явлением при производстве по уголовному делу.

Так, «в 2020 г. НЦБ Интерпола МВД России и его территориальные подразделения обеспечили информационное сопровождение 39,1 тыс. уголовных дел и 4,4 тыс. дел оперативного учета... С использованием системы удаленного доступа к информационным ресурсам НЦБ и Генерального секретариата Интерпола проверено более 56,4 млн объектов... в том числе 47,3 млн физических лиц, 2 млн автомашин, 7,1 млн документов» [1].

С момента начала специальной военной операции формат общения правоохранительных органов некоторых иностранных государств изменился, но сегодня по вопросам оказания правовой помощи Россия является участником свыше 130 международных договоров с компетентными органами зарубежных стран [2]. Однако следует согласиться с мнением отдельных ученых о необходимости продолжать практику заключения двусторонних договоров о взаимодействии «в уголовно-процессуальной сфере» [3, с. 84].

Самым древним и наиболее востребованным видом международного сотрудничества является выдача, иногда называемая экстрадицией¹.

Несмотря на выход России из Совета Европы и прекращение взаимодействия с Европейским судом по правам человека, сотрудничество по вопросам экстрадиции продолжает осуществляться на основе международных договоров Российской Федерации. В то же время одни ученые отмечают тенденцию отказа в экстрадиции в Россию по политическим мотивам [4, с. 3], другие – периодическое нарастание политической на-

¹ В настоящей статье автор будет применять термин «экстрадиция».

пряженности с одновременным отказом некоторых стран добросовестно исполнять международные обязательства [5, с. 28]. До XVII в. подобная ситуация была обычным явлением: А.Г. Волеводз пришел к выводу, что в большинстве случаев экстрадиционная практика того времени определялась случайными политическими обстоятельствами, а не потребностью во взаимной правовой помощи [6, с. 68, 73].

В качестве негативного примера следует назвать отказ Великобритании в экстрадиции Беджамова, одного из обвиняемых в хищении 156 млрд рублей [7]. Последним примером эффективного сотрудничества стало решение Черногории об экстрадиции И. Фомина для привлечения к уголовной ответственности за насильственные преступления в отношении школьницы (в международный розыск объявлен в декабре 2022 г., запрос о выдаче был направлен в марте 2023 г., и уже в сентябре того же года принято решение об экстрадиции) [8].

Несмотря на указанные негативные тенденции, количество направленных запросов об экстрадиции увеличилось (в 2022 г. — 418, в 2021 г. — 379, удовлетворено запросов за этот же период соответственно 178 и 148) [9].

С древних времен и до настоящего времени экстрадиция во многом зависела от характера сложившихся между странами отношений и ее правового регулирования [10, с. 7]. Тем не менее правовое регулирование экстрадиции до сих пор не имеет единообразного понимания ни в науке, ни в правоприменительной практике. На наш взгляд, это обусловлено несколькими обстоятельствами. Прежде всего влияние оказывает двухуровневое правовое регулирование экстрадиционных отношений: международное и национальное [11, с. 10]. Определенная сложность в понимании также обусловлена регулированием данной деятельности различными отраслями права: международным, государственным, уголовным, уголовно-процессуальным [12, с. 218]. Соответственно, экстрадиционные нормы и практика их применения анализируются учеными исходя из принадлежности норм к отраслевой науке, то есть, как правило, исследуются отдельные аспекты экстрадиции. Правоприменитель же, наоборот, при осуществлении экстрадиции должен ориентироваться во всех нюансах правового регулирования.

К сожалению, единому пониманию рассматриваемого правового явления не способствует и существование в отечественной науке различных точек зрения на исторические предпосылки возникновения экстрадиции в России [13, с. 150–151] и на сам термин «экстрадиция» [14, с. 436], а также на главенствующую роль в правовом регулировании экстрадиции той или иной отрасли права [15, с. 111].

Российское законодательство тоже не может обеспечить единообразного понимания экстрадиции как в вопросах применяемой в нормативных актах терминологии [16, с. 67–68], так и в нормативном закреплении оснований и порядка экстрадиции. Этим и обусловлена необходимость проведения дополнительного исследования правового регулирования экстрадиции.

Отметим, что экстрадиция является сложным и многогранным процессом, который зависит от множества факторов и обстоятельств, причем специфических для каждого конкретного случая. Более того,

экстрадиция, обладая правоограничительным характером, обязывает правоприменителя осуществлять деятельность по установлению требований для ее применения, обеспечению прав и законных интересов лица, подлежащего экстрадиции. При этом каждый случай экстрадиции регулируется индивидуальной совокупностью правовых норм исходя из имеющих значение для экстрадиции обстоятельств (гражданство лица, в связи с совершением какого преступления направлен запрос об экстрадиции, какой международный договор заключен с запрашивающей страной и др.). То есть по каждому запросу решение об экстрадиции принимается с учетом всех обстоятельств и норм права, включая национальное законодательство и международные обязательства страны.

Назовем основные нормативные правовые акты, регулирующие экстрадицию в России:

1. Конституция Российской Федерации, гарантирующая право каждого человека на защиту прав и свобод. Применяется в процессе экстрадиции, чтобы обеспечить справедливость и предотвратить нарушение прав личности, подлежащей экстрадиции.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), устанавливающий условия экстрадиции.

Так, в ст. 61 Конституции Российской Федерации и ст. 13 УК РФ установлен запрет экстрадиции гражданина Российской Федерации. Согласно ст. 63 Конституции Российской Федерации, не допускается экстрадиция другим странам лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в Российской Федерации преступлением. Статья 13 УК РФ также предусматривает условия для экстрадиции иностранных граждан или лиц без гражданства, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации и находящихся на территории Российской Федерации, для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), устанавливающий процедуры для передачи запрошенного лица, основания и порядок направления запроса об экстрадиции.

4. Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, заключенные Россией с другими странами, включающие положения об экстрадиции.

Согласно ст. 15 Конституции Российской Федерации, ст. 3 УПК РФ, ст. 5 федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», ведущая роль в правовом регулировании отводится общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации, которые содержат общие правовые стандарты сотрудничества, в том числе при экстрадиции. Не оспаривая это, считаем важным обратить внимание на значительную зависимость международных положений об экстрадиции от национального законодательства, о чем подробнее будет сказано ниже.

Особенности применения международного договора в конкретных правоотношениях обусловлены его видом и содержанием. Выделяют универсальные, региональные и двусторонние международные договоры (см., напр.: [10, с. 7]).

В отсутствие между странами международного договора отношения выстраиваются по принципу взаимности (ч. 1 ст. 460 УПК РФ). Это означает, что Россия экстрадирует только в случае, если соответствующая страна тоже согласна экстрадировать лицо, находящееся на ее территории, по аналогичному запросу России. Если иностранное государство не предоставляет экстрадицию лицам, обвиняемым в тех же преступлениях, Россия может отказать в экстрадиции согласно указанному принципу.

Для стран-участниц универсальным документом является Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г. (далее — Конвенция), содержащая, как представляется, достаточно противоречивые моменты, но отвечающие национальным интересам.

С одной стороны, в Конвенции заявлено о необходимости принятия единообразных экстрадиционных норм для их унификации в национальных законодательствах. С другой стороны, процедура экстрадиции регулируется законодательством запрашиваемой страны, если Конвенцией не предусмотрено иное (ст. 22 Конвенции). При этом экстрадиция зависит от ряда условий, предусмотренных национальными законодательствами сотрудничающих государств.

К примеру, экстрадиция возможна за преступления, наказуемые национальными законодательствами запрашивающей и запрашиваемой стран с «лишением свободы или в соответствии с постановлением об аресте на максимальный срок по крайней мере в один год» (п. 1 ст. 2 Конвенции).

Россия может отказать в экстрадиции лица, если сочтет, что это нарушит его основные права и свободы или противоречит внутренним интересам страны, или есть данные, указывающие на то, что экстрадиция может вызвать серьезные гуманистические проблемы для лица, подлежащего экстрадиции (ст. 1 федерального закона от 25 октября 1999 г. № 190-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней»).

Положения Конвенции также не исключают возможности заключения между странами договора о дополнении или упрощении экстрадиции, а при желании — установления ее особого порядка путем заключения многостороннего или двустороннего международного договора с последующим уведомлением Генерального секретаря Совета Европы об исключении применения положений Конвенции (ст. 28 Конвенции). Такие региональные договоры были заключены Россией со странами СНГ: конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. и от 7 октября 2002 г., благодаря чему появилась упрощенная процедура экстрадиции со странами СНГ.

Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. регулируется экстрадиция участников организованных преступных групп. Данная конвенция выступает в каче-

стве универсального договора для экстрадиции участников таких групп. Следует отметить, что этот документ, как и Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г., по разным процедурным вопросам отсылает к национальному законодательству сотрудничающих стран.

Ранее упоминалось, что одним из основных отечественных законодательных актов, регулирующих экстрадицию, является УПК РФ. Помимо него нормы экстрадиционного характера содержатся и в других законах, например в ст. 14 федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (о задержании лиц, в отношении которых поступило требование об экстрадиции).

Вместе с тем важнейшие элементы экстрадиционной процедуры не нашли отражения в отечественных законодательных актах и содержатся в подзаконных актах. Так, проведение экстрадиционной проверки осуществляется в порядке, предусмотренном указанием Генпрокуратуры России от 5 марта 2018 г. № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора», а деятельность по объявлению лица в международный розыск, действия правоохранительных органов при обнаружении на территории России лица, находящегося в международном розыске, и другие сопутствующие этому положения о международном сотрудничестве содержатся в приказе МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 6 октября 2006 г. «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола».

Неясность и непоследовательность существующих требований, предъявляемых к экстрадиции, порядка ее проведения обусловили необходимость принятия постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания».

Резюмируя изложенное, отметим, что Российская Федерация является участником ряда международных договоров, регулирующих экстрадицию и меняющих свою юридическую силу в зависимости от конкретного запроса об экстрадиции и национального законодательства сотрудничающих стран. Экстрадиция представляет собой сложный процесс, который обусловлен многими обстоятельствами, включая политические, дипломатические отношения, международные соглашения, международные стандарты прав человека. Требования, предъявляемые к экстрадиции, могут варьироваться в зависимости от изменения национального законодательства и международных двусторонних договоров России.

Таким образом, российское законодательство содержит действенные механизмы обеспечения национальных интересов при экстрадиции, а универсальность и верховенство многосторонних международных договоров определяются в каждом экстрадиционном случае и зависят от участия России в двусторонних или региональных международных договорах с запрашивающей страной по вопросам экстрадиции.

Список литературы

1. Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2020 год // МВД Медиа : информационный интернет-портал. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2126203> (дата обращения: 12.08.2023).

2. Перечень международных договоров Российской Федерации по вопросам правовой помощи, выдачи и передачи лиц, осужденных к лишению свободы // Министерство юстиции Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-mezhdunarodnyh/> (дата обращения: 12.08.2023).

3. Черепанов М.М., Бывальцева С.Г. О некоторых актуальных проблемах организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации по участию в международном сотрудничестве в реалиях настоящего времени // Международное право. 2023. №1. С. 83–95.

4. Джигирь А.И. Институт выдачи лиц, совершивших преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.

5. Безбородов Ю.С., Халафян Р.М. Международное право и мировой правопорядок: девальвация или трансформация? // Закон. 2022. №8. С. 13–29.

6. Волеводз А.Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

7. В Генпрокуратуре России утверждено обвинительное заключение по уголовному делу о хищении свыше 156 млрд рублей. 02.10.2023 // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=90596283> (дата обращения: 02.10.2023).

8. Черногория по запросу российской стороны экстрадирует обвиняемого в насильственных преступлениях в отношении несовершеннолетней. 28.09.2023 // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=90507398> (дата обращения: 28.09.2023).

9. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова «Известиям» // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=84754075> (дата обращения: 20.09.2023).

10. Михайленко К.Е. Межгосударственное регулирование оказания правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (на примере стран СНГ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

11. Несмачная Н.В. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора: правовое регулирование и порядок осуществления в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016.

12. Смолькова И.В. Правовая природа института выдачи (экстрадиции) лица для уголовного преследования или приговора // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, №2. С. 218–226.

13. Голикова О.А. Формирование института выдачи преступников в царской России // Вестник Кузбасского института. 2015. №4 (25). С. 149–154.

14. Смолькова И.В. Выдача или экстрадиция: вопросы терминологии // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23, №2. С. 435–442.

15. Евсичева Л. Л. Экстрадиция, выдача и передача как институты международного сотрудничества в российском уголовном процессе (сравнительно-правовой аспект) // Человек: преступление и наказание. 2013. №1 (80). С. 109–113.

16. Колосович О. С. Конкуренция нормативных положений и научных воззрений в понимании термина «экстрадиция» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. №3 (66). С. 67–72.

Об авторе

Оксана Сергеевна Колосович — канд. юрид. наук, доц., докторант, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Россия.

E-mail: 1019810198@mail.ru

29

O. S. Kolosovich

LEGAL REGULATION OF EXTRADITION IN RUSSIA: THE INTERPLAY BETWEEN INTERNATIONAL AND NATIONAL PROVISIONS

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

Received 24 October 2023

Accepted 30 January 2024

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-2

To cite this article: Kolosovich O.S. 2024, Legal regulation of extradition in Russia: the interplay between international and national provisions, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 22–30. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-2.

This article analyses the theoretical provisions of international acts and domestic legislation regulating extradition and explores the interplay between international and national legal frameworks for extradition, focusing on a mechanism for safeguarding national interests within international treaties on extradition. The study follows the general research principle of objectivity, using, in particular, the formal legal method, abstraction, generalisation and general logical methods. The investigation of mechanisms for defending national interests when applying extradition norms made it possible to identify specific regulation problems. Factors hindering more effective implementation of the said provisions include their complexity, multi-level nature, insufficient legal regulation, the lack of bilateral treaties and the influence of national political dynamics on the implementation of international obligations. Analysing relevant legal norms and research perspectives leads to several conclusions. Firstly, there exists a fairly effective mechanism for safeguarding the national interests of countries party to multilateral international extradition treaties. Secondly, national legislation and regional or bilateral treaties can establish extradition conditions and procedures different from those outlined in universal international treaties for the sake of national interests. Thirdly, there is a need for improvement in the legal regulation of individual stages of the extradition procedure. These findings may be utilised in further research on extradition as a type of international coopera-

tion in criminal proceedings. Therefore, comprehending the relationship between international and national extradition provisions is the key to a firm theoretical grasp of this institution and a common understanding of the legal phenomenon in research and law enforcement practice.

Keywords: international cooperation, legal regulation, procedural criminal law, extradition

The author

Dr Oksana S. Kolosovich, Associate Professor, Doctoral Student, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russia.

E-mail: 1019810198@mail.ru

УДК 94 (4)

С. А. Денисов

**ВОДНЫЕ УГОДЬЯ
В ХОЗЯЙСТВЕ ПРУССКИХ УСЛОВНЫХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ
В XIII – XIV ВЕКАХ**

31

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Поступила в редакцию 29.07.2023 г.

Принята к публикации 16.10.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-3

Для цитирования: Денисов С. А. Водные угодья в хозяйстве прусских условных землевладельцев в XIII – XIV веках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №1. С. 31 – 40. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-3.

Местное условное землевладение, ставшее опорой власти Тевтонского ордена в Пруссии, подразумевало использование различных по своему природному положению участков: от регулярно возделываемых пахотных угодий до территорий, менее благоприятных для ведения хозяйства (покрытых лесом или кустарником). Для стабильного функционирования хозяйств пруссам предоставлялось право рыбной ловли и строительства водяных мельниц на принадлежащих им наделах в дополнение к возможности возделывать участок. Данные права, рассматриваемые применительно к периоду 1242 – 1370 гг., обладали универсальным характером и принадлежали 308 персонам, имевшим различные имущественные характеристики, обязанности и правовой статус. Из них основную часть (213 человек) составляли ленники, владевшие земельными наделами в обмен на несение военной службы и/или выплату налогов, и меньшую (95 персон) – локаторы, обязывавшиеся возвести на полученном от Ордена или церкви участке поселение. Право рыбной ловли регламентировалось путем определения состава разрешенных орудий (крючок, острога, удочка, бродни, сети за исключением невода), объединенных термином «малые снасти», и выдачи разрешения соорудить преграду из кольев поперек реки. Право строить мельницы подразумевало возведение одно- или двухколесных сооружений на отведенном участке размером от 0,5 до 2 гуффенов с уплатой налога от 2 до 3 марок.

Ключевые слова: пруссы, условное землевладение, водные угодья, рыбная ловля, мельницы

Власть Тевтонского ордена в Пруссии основывалась помимо военного давления на получении лояльности автохтонного населения путем выделения его представителям земель за военную службу и/или выплату

натурального и денежного налогов. Сформированная таким образом система условного землевладения стала основой для создания местных контингентов в орденском войске и культивации земельного фонда [1, с. 43–44; 3, с. 283–287].

Вместе с тем далеко не все выделенные участки располагались на удобных для обработки землях. Там, где условия являлись неблагоприятными для землевладельцев (вследствие залесенности земель), Орден и церковь позволяли ленникам и локаторам использовать близлежащие лесные и водные угодья. Данная ситуация ставит вопрос о том, какую роль играли водные угодья (реки и озера) в функционировании системы условного землевладения.

32

В историографии данный вопрос подробно не изучался. Водные угодья кратко упоминались как часть привилегий для землевладельцев, выделявшихся, чтобы поддержать их положение [2, с. 7–8; 6, S. 270–271; 10, s. 465; 11, S. 123–124; 12, p. 34–49; 13, S. 70; 23, s. 167; 24, S. 318], или рассматривались как объект пользования в рамках кульмского права [4, с. 216–217].

Источниками для изучения данного вопроса являются акты (жалованные грамоты), фиксирующие выделение пожалования Орденом или церковью и условия его дальнейшего использования (всего 190 документов). Акты фиксировали получение участков в двух вариантах. Во-первых, в рамках кульмского права (нем. «Kulmische Handfeste»), нормы которого были сформулированы в одноименной грамоте, изданной в 1233 г. и восстановленной в 1251 г. Кульмское право подразумевало, что лица, получившие земельные наделы, должны нести военную службу и выплачивать натуральный и денежный налоги. Данное право широко применялось в Орденской Пруссии, охватывая не только немецких колонистов, но и прусских ленников [4, с. 76; 7, s. 309–311]. Во-вторых, в рамках так называемого «прусского» права, которое подразумевало владение наделом в обмен только за военную службу без выплаты налогов [19, S. 349–350, №378, 379].

Для анализа указанных источников и последующего решения сформулированной задачи применим типологический и сравнительно-исторический анализ, что подразумевает соответственно выделение групп землевладельцев, использовавших водные угодья, и последующее сопоставление их правового статуса, имущественного положения и обязанностей.

Хронологическими рамками исследования являются 1242–1370 гг., от первого упоминания права пруссов пользоваться водными угодьями до оформления социальной системы Орденского государства [5, с. 134; 7, s. 288–290].

Рассмотрим далее, каким образом данные правовые нормы использовались при формировании условного землевладения. Для этого предварительно охарактеризуем социальное положение двух основных групп прусских землевладельцев, пользовавшихся водными угодьями: ленников и локаторов. Их отличие при исполнении сходных обязанностей военной службы и/или выплаты налога состояло в том, что локатор был обязан основать на полученном участке поселение (деревню или город).

Ленники

К данной группе относятся 213 лиц, которым было предоставлено право рыбной ловли. Согласно выполняемым обязанностям ленников можно разделить на две группы: те, кто платил налоги, и те, кто был освобожден от этой обязанности.

К первой группе относятся 174 ленника (82 % от общего числа), которых по размеру владений можно разделить на две подгруппы.

К первой подгруппе относятся обладатели участков от 1 до 15 гуффенов¹ (142 персоны). Большинство из них (139 персон) были обязаны участвовать в военных кампаниях на коне и оружием, предписанным обычаем [8, S. 448—450, № 270; 9, S. 6—7, № 6; S. 71—72, № 70; S. 118, № 110; S. 119, № 111; S. 114—116, № 107; S. 120, № 113; S. 192, № 194; S. 199—200, № 200; S. 211, № 212; S. 216—220, № 219—221; S. 277, № 278; S. 299, № 299; S. 302, № 304; S. 324—325, № 308; S. 330, № 315; S. 333—334, № 319; S. 344, № 332; S. 358, № 349; S. 365, № 357; S. 365—366, № 359; S. 395, № 380; S. 396—397, № 382; 9, S. 427, № 418; S. 428, № 419; 16, S. 96—97, № 145; S. 351—352, № 520—521; S. 414—415, № 627; S. 513—514, № 775; 18, S. 316—317, № 448; 19, S. 12, № 13; S. 60—61, № 59; S. 67, № 70; S. 122, № 134; S. 278—279, № 313; S. 285—286, № 318; S. 290, № 329; S. 492—493, № 546; S. 541—542, № 600; S. 567—568, № 630; 20, S. 8—9, № 16; S. 143—144, № 256—261; 21, S. 161—162, № 285; S. 183, № 324; S. 183, № 325; S. 191, № 337; S. 198, № 354; S. 202, № 362; 22, S. 310, № 553; S. 310, № 554; S. 419, № 737; S. 466, № 814]. При этом 124 из них были обязаны возводить и ремонтировать укрепления. Трое из 142 землевладельцев были освобождены от участия в военных кампаниях и были обязаны только участвовать в строительстве фортификационных сооружений [20, S. 54, № 95].

Ко второй подгруппе относятся 24 человека, обладавшие участками размером от 20 до 77 гуффенов. Практически все они были обязаны нести военную службу на коне и с оружием, предписанным обычаем [8, S. 192—194, № 111; 9, S. 85—86, № 82; S. 113—114, № 106; S. 142—143, № 141; S. 205—207, № 204; S. 290—291, № 290; S. 384—385, № 371; S. 434—435, № 431; 16, S. 310—311, № 437; 20, S. 221—222, № 393; 21, S. 286—287, № 501]. При этом 17 из них обязывались дополнительно возводить и ремонтировать укрепления. К данной группе также относятся пруссы Надрав, Вопел, Швайвот и Петр, которые получили 8 сентября 1359 г. 130 гуффенов в лесу Асмедие в районе Алленштейна [9, p. 290—291, № 290]. Они также, согласно акту, несли военную службу, возводили укрепления и платили налог.

Размер владений еще 4 персон не указан точно в актах. Трое из них были обязаны участвовать в военных кампаниях, возводить и ремонтировать укрепления [15, S. 213—214, № 314; 16, S. 82—84, № 129, 130], а один занимал должность камерария, управляющего районом (камерамтом) в составе округа (комтурства) [8, S. 102—104, № 57].

Ко второй группе принадлежат 39 персон (18 % от общего числа). Из них 33 человека обладали участками от 4 до 20 гуффенов. Большинство ленников (29 персоны) были обязаны нести военную службу на коне и

¹ Один гуффен равен 16,8 га.

с оружием, предписанным обычаем [9, S. 128—129, №124; S. 151, №151; S. 216—217, №219; S. 344, №332; 16, S. 154—155, №236; S. 185, №286; S. 541—542, №810; S. 593—594, №879; 17, S. 86—87, №120; S. 182, №254; S. 212—213, №296; S. 187, №262; 19, S. 35—36, №34; S. 79, №77; S. 203—204, №232; S. 350, №379; S. 350, №381; S. 350, №380; S. 350—351, №382; 20, S. 38, №69; S. 382—383, №676; S. 436—437, №768; 22, S. 302, №533; S. 533, №917]. При этом 23 из 39 землевладельцев были обязаны в дополнение к участию в военных кампаниях возводить и ремонтировать укрепления.

Размеры владений 6 ленников не указаны точно. Все они были обязаны участвовать в военных кампаниях, а 2 — дополнительно возводить и ремонтировать укрепления [15, S. 205—206, №295; 16, S. 593—594, №879; 17, S. 169—170, №235; 20, S. 47—48, №85].

На часть ленников, относящихся к обеим группам (73 из 212 персон, 34 % от общего числа), распространялась отсрочка от службы и выплаты налогов, которая составляла от 2 до 20 лет. Данная отсрочка была призвана поддержать культивацию участков в тех случаях, когда условия для нее были неблагоприятными.

Таким образом, можно говорить о том, что право рыбной ловли предоставлялось ленникам, обладавшим различным положением: владельцам участков от 1 до 130 гуффенов, обязанным участвовать в военных кампаниях, возводить укрепления, платить налог или освобожденным от этих обязанностей на короткое время либо (в случае с налогообложением) на весь срок держания участка. Данная черта говорит об универсальном характере рассматриваемого права, регламентировавшего использование близлежащих угодий.

Локаторы

К данной группе относятся 95 лиц, получивших от Ордена или церкви земельный участок и обязанных возвести на нем поселение. Из них 85 пользовались правом рыбной ловли, 10 обладали правом строительства мельницы, а еще 8 владели обеими привилегиями. По выполняемым обязанностям их можно разделить на две группы.

Первую группу локаторов составляют лица, обязанные платить денежный и/или натуральный налоги. К ним относятся 72 из 95 пруссов (76 % от общего числа), получившие для основания поселения участки от 20 до 100 гуффенов [8, S. 221—223, №125; S. 290—292, №168; S. 320—322, №186; S. 460—461, №277; S. 482—483, №296; 9, S. 70—71, №68; S. 76—77, №75; S. 87—88, №85; S. 98—99, №95a; S. 106, №99; S. 131, №127; S. 148—149, №148; S. 160—161, №160; S. 162—163, №164; S. 164, №165; S. 178, №178; S. 179, №179; S. 180, №180; S. 184—185, №186; S. 185, №187; S. 189—191, №192; S. 234—235, №233; S. 246, №247; S. 248, №250; S. 260—261, №262; S. 270—272, №270; S. 277—278, №279; S. 281—282, №284; S. 282—283, №285; S. 284—285, №287; S. 297, №296; S. 298—299, №298; S. 300, №300; S. 301—302, №303; S. 328, №312; S. 331—333, №318; S. 336—337, №323; S. 340—341, №327, 328; S. 342—344, №331; S. 351—352, №344; S. 354—356, №347; S. 359, №351; S. 360, №352; S. 377, №364; S. 377—379, №365; S. 377—379, №365; S. 393—394, №379; S. 395—396, №381; S. 411—412, №399; S. 414—416, №403; S. 432, №427; S. 436, №435].

Вторую группу составляют локаторы, обязывавшиеся наряду с выплатой налога нести военную службу и/или возводить и ремонтировать укрепления. К ним относятся 20 из 95 пруссов (21 % от общего числа). Размер полученных ими участков для основания поселения составил от 10 до 64 гуффенов [8, S. 126, №120; S. 264 – 266, №153; S. 329 – 332, №193, 194; S. 337 – 339, №196; S. 343 – 346, №200; S. 452 – 454, №272; S. 488 – 489, №292; S. 483 – 484, №297; 9, S. 49 – 51, №46; S. 59 – 60, №53; S. 72 – 73, №72; S. 129 – 130, №125; S. 158 – 159, №159; S. 176 – 178, №177; S. 183 – 184, №184, 185; S. 205 – 207, №204; S. 210 – 211, №211; S. 353, №347; S. 368, №361]. К этой же группе можно отнести прусса Велуне, получившего 16 марта 1348 г. 70 гуффенов для основания поселения и исполнявшего обязанности камерария [9, S. 109 – 110, №103].

Еще 2 персоны (2 % от общего числа) несли военную службу и были освобождены от уплаты налогов [9, S. 210 – 211, №211; S. 377 – 379, №365].

Из рассматриваемых 95 персон 55 (58 % от общего числа) пользовались отсрочкой от исполнения военной службы и/или выплаты налога сроком от 2 до 27 лет.

Таким образом, так же, как в случае с ленниками, право пользования водными угодьями выделялось локаторам различного положения по обязанностям и размерам участков: тем, кто нес военную службу, возводил укрепления, платил налоги, и тем, кто был освобожден от этих обязанностей на короткий период или на все время держания участка. Это говорит об универсальном характере пожалованного права.

Правовое регулирование использования водных угодий

Рассмотрим далее, каким образом прусские землевладельцы использовали угодья, полученные в рамках кульмского и «прусского» права.

Право рыбной ловли предоставлялось ленникам и локаторам в водоемах, расположенных вблизи их участков: в реках, озерах и мельничных прудах. Размеры водных угодий, где можно было заниматься рыболовством, специально не указывались, возможно, вследствие сложности контроля за соблюдением границ. В отдельных случаях говорилось о том, что рыбная ловля возможна вдоль границ поселения [9, S. 355 – 356, №347], однако эта формулировка не упоминается в актах регулярно. Регламентация рыбной ловли осуществлялась при помощи определения состава снастей, которые можно было использовать для этого. Данные приспособления были объединены термином «малые снасти» («parvi instrumenti») [9, S. 331 – 333, №318; S. 351 – 352, №344 и др.] и включали в себя крючок (лат. hamus, ср.-нем. Hame) [9, S. 270 – 272, №270; S. 331 – 333, №318; S. 351 – 352, №344; S. 355, №347; 17, S. 182, №254], острогу (лат. aculeus) [Ibid.], удочку (ср.-нем. Angil) [9, S. 355, №347], сеть (ср.-нем. Rethen)¹ [9, S. 359, №351; S. 432, №427] и бродни (ср.-нем. Wathen) [9, S. 355, №347]. Помимо снастей землевладельцы имели право использовать преграду – «забой» (ср.-нем. Wehr), которая упоминается в различных средневековых актах, в том числе происходящих из государства Тевтонского ордена, и представляет

¹ За исключением невода, который был запрещен в ст. 12 Кульмской грамоты [14, S. 188].

собой ряд вертикальных свай или кольев, вбитых в дно водоема. Между сваями или кольями устанавливались горизонтальные перемычки, препятствовавшие прохождению рыбы и позволявшие таким образом поймать ее [4, с. 217]. Такое право получили 2 локатора: Николай 29 сентября 1345 г. [9, S. 354, №347] и Гунте 13 декабря 1349 г. [9, S. 148–149, №148]. При этом в обоих случаях пруссы имели право рыбачить только на половине «забоя», а Гунте был обязан уступить место ловли, если Вармийский епископ пожелает построить аналогичное приспособление.

При помощи перечисленных «малых снастей» и «забоя» пруссы имели право ловить столько рыбы, сколько было необходимо для нужд их семей. За продажу улова землевладельцы могли лишиться права рыбачить в водоемах [9, S. 411–412, №399]. Отдельно отмечалось, что право рыбной ловли действует только на период владения участком, в случае его продажи или обмена оно прекращается [22, S. 533, №917].

Данная система мер (ловля «малыми снастями», запрет на продажу улова, прекращение права ловли одновременно с правом владения участком) позволила сохранить популяции рыб и обеспечить их стабильный промысел на протяжении рассматриваемого периода.

Другим способом использовать водные ресурсы являлось право возводить мельницы на реках, предоставляемое локаторам. Землевладелец мог возводить мельницу с одним [8, S. 452–454, №272; 9, S. 270–272, №270; S. 342–344, №331] или двумя колесами [9, S. 336–337, №323], при которых устраивался пруд [9, S. 336–337, №323; S. 360, №352]. Мельницы использовались как для обмола зерен и последующего производства муки, так и для растирания семян любого вида для получения масла, а также для битья льна, конопли и других трав, из которых изготавливались веревки [9, S. 360, №352].

Для строительства мельниц предоставлялся участок размером от 0,5 до 2 гуффенов [9, S. 270–272, №270; S. 336–337, №323]. Налог за мельницу составлял от 2 до 3 марок [8, S. 452–454, №272; 9, S. 270–272, №270; S. 336–337, №323; S. 342–344, №331]. Еще в одном акте налог определен как 8 скотов за каждый морген участка, на котором находится мельница, однако размер участка точно не указан [9, S. 341, №328].

Характерной чертой рассматриваемой практики являлось ее функционирование в рамках системы зданий, создаваемой в поселении, к которой также относились таверна и приходская церковь.

Основное количество прусских землевладельцев, обладавших правом пользоваться водными угодьями, располагалось в прусских областях Бартии (131 землевладелец), Вармии (31), Погезании (32) и Помезании (30), тогда как в Самбии и Надровии — всего 4 и 3 соответственно. Эти земли частично или полностью были покрыты густой сетью озер и рек, позволявшей заниматься рыбной ловлей и возводить водяные мельницы в таком объеме, который был необходим для стабильного функционирования хозяйства. В соответствии с данным принципом наибольшее количество хозяйств было выделено в юго-западной части Бартии и соседних с ней юго-восточных частях Вармии и Погезании (рис.). Залогом освоения данных территорий было возведение в них опорных центров Ордена — замков Алленштейн, Бартенштейн, Гутштадт и Рёссел, ставших административными и военными центрами.

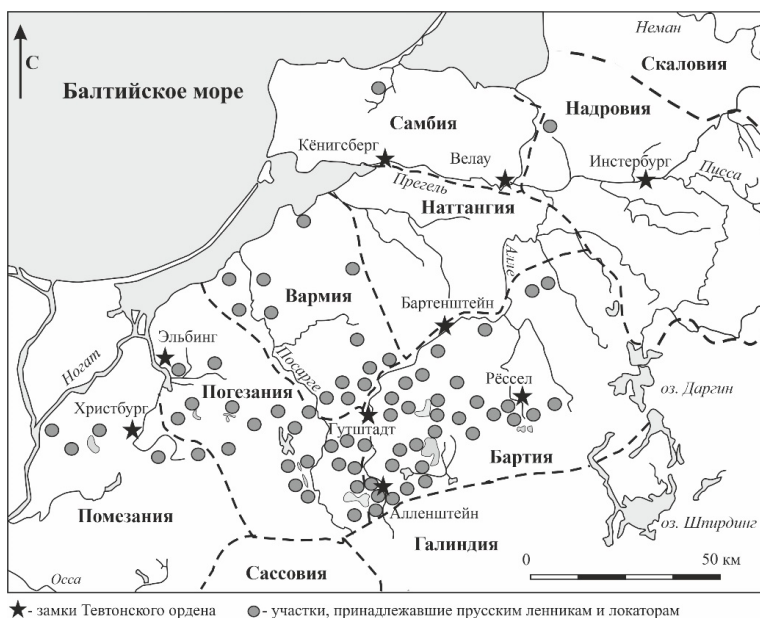

Рис. Географическое распределение земель, принадлежавших прусским ленникам и локаторам с правом пользоваться водными угодьями

Итак, использование водных угодий в хозяйствах прусских условных землевладельцев происходило двумя способами: за счет предоставления прав рыбной ловли и возведения водяных мельниц. Оба права обладали универсальным характером и предоставлялись лицам, обладавшим участками различного размера на различных условиях. Однако если право рыбной ловли предоставлялось обеим категориям землевладельцев, ленникам и локаторам, то право построить мельницу — только локаторам. Объемы рыбной ловли строго регламентировались Орденом и церковью за счет определения состава орудий («малых снастей»), которые могли быть использованы для этого (удочка, крючок, острога, бродни и сети за исключением невода). Отдельным землевладельцам было разрешено сооружать преграду («забой»). Право на строительство мельницы подразумевало возведение построек с одним или двумя колесами с выделением для них земельного участка размером от 0,5 до 2 гуффенов и налогообложением от 2 до 3 марок. При этом мельницы выполняли различные функции: помимо зерна они обрабатывали семена и стебли растений для производства соответственно масла и веревок.

Перечисленные условия позволили Ордену и церкви включить водные угодья в состав хозяйств, принадлежавших ленникам и локаторам, что в значительной мере способствовало дальнейшему освоению прусских земель в XV — XVI вв.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Материальный мир Калининградского региона от неолита до позднего Средневековья и Нового времени» (№ НИОКТР 124012400322-9).

Список литературы

1. Денисов С.А. Прусские нобили на службе у Тевтонского ордена в XIII–XV вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. Вып. 1. С. 37–47.
2. Денисов С.А. Вармийские ленники в государстве Тевтонского ордена в 1238–1370 гг. // История : электрон. науч.-образоват. журн. 2021. Т. 12, вып. 4 (102). URL: <https://history.jes.su/s207987840007728-9-1/> (дата обращения: 25.06.2021).
3. Матузова В.И. Прусские нобили и Немецкий орден // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 / отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1989. С. 281–287.
4. Рогачевский А.Л. Очерки по истории права Пруссии XIII–XVII вв. СПб., 2004.
5. Трокаль Т.В. Государство Тевтонского Ордена в Пруссии в XIII – начале XIV века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
6. Benecke B. Fische, Fischerei und Fischzucht in Ost- und Westpreussen : in 3 Bch. Königsberg, 1880.
7. Biskup M., Labuda G. Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach. Gdańsk, 1988.
8. Codex Diplomaticus Warmiensis. Bd. 1 / hrsg. von C.P. Woelky, J.M. Saage. Mainz, 1860.
9. Codex Diplomaticus Warmiensis. Bd. 2 / hrsg. von C.P. Woelky, J.M. Saage. Mainz, 1864.
10. Długokęcki W. Społeczeństwo wiejskie // Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo / red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa, 2008. P. 460–494.
11. Jähning B. Zur Wirtschaftsführung des Deutschen Ordens in Preussen vornehmlich vom 13. bis zum frühen 15. Jahrhundert // Zur Wirtschaftsentwicklung des Deutschen Ordens im Mittelalter / hrsg. von U. Arnold. Marburg, 1989. S. 113–147.
12. Kubicki R. Water mills and rural settlements in the Dominion of the Teutonic Order in Prussia // Usus aquarum. Interdisziplinäre Studien zur Nutzung und Bedeutung von Gewässern im Mittelalter / hrsg. von Ch. Mielzarek, Ch. Zscheschang. Köln ; Weimar ; Wien, 2019. (Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa ; Bd. 54). P. 29–50.
13. Pottel B. Das Domkapitel von Ermland im Mittelalter. Borna ; Leipzig, 1911.
14. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1, H. 1 / hrsg. von R. Philippi. Königsberg, 1881.
15. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1, H. 2 / bearb. A. Seraphim. Königsberg: Hartungsche Verlagsdruckerei, 1909.
16. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 2, Lfg. 1–3 / hrsg. von M. Hein, E. Maschke. Königsberg, 1932–1937.
17. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 3, Lfg. 1 / hrsg. von M. Hein. Königsberg, 1944.
18. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 3, Lfg. 2 / hrsg. von H. Koeppen. Marburg, 1958.
19. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 4 / hrsg. von H. Koeppen. Marburg, 1964.
20. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 5, Lfg. 1–3 / hrsg. von K. Conrad. Marburg, 1969–1975.
21. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 6, Lfg. 1 / hrsg. von K. Conrad. Marburg, 1986.

22. *Preussisches Urkundenbuch*. Bd. 6, Lfg. 2 / hrsg. von K. Conrad. Marburg, 2000.

23. *Szczepański S. Pomezania Pruska. Dzieje osadnictwa w XIII–XV wieku*. Olsztyn, 2016.

24. *Vercamer G. Siedlungs-, Sozial- und Verwaltungsgeschichte der Komturei Königsberg in Preussen (13.–16. Jahrhundert) // Einzelschriften der Historischen Kommission für ost- und westpreussische Landesforschung*. Bd. 29 / hrsg. von U. Arnold. Marburg, 2010.

Об авторе

Сергей Александрович Денисов – канд. ист. наук, мл. науч. сотр., Институт археологии РАН, Россия.

E-mail: Densera@yandex.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>

39

S. A. Denisov

WATER USE RIGHTS IN THE AGRICULTURAL PRACTICES OF PRUSSIAN CONDITIONAL LANDOWNERS IN THE 13–14th CENTURIES

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received 29 July 2023

Accepted 16 October 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-3

To cite this article: Denisov S. A. 2024, Water use rights in the agricultural practices of Prussian conditional landowners in the 13–14th centuries, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 31–40. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-3.

Local conditional landholding, which bolstered the rule of the Teutonic Order in Prussia, involved the utilisation of land parcels with diverse landscape characteristics, spanning from well-cultivated arable lands to less fertile areas covered with woods and shrubs. To ensure the stable existence of households, the Prussians were granted rights to fish and build watermills on their plots, along with cultivating the land. These rights, explored in this study within the chronological framework of 1242–1370, were universally applicable. A total of 308 persons of different property status, duties and juridical status enjoyed these rights. Most of them, 213 individuals, were lieges obligated to serve in the military, pay taxes or do both. Another 95 persons were lokatoren required to organise settlements on the plots granted by the Order or the Church. The fishing right was regulated by permitting the use of tools (hooks, gigs, fishing rods, waders and nets, except the seine, termed collectively ‘small gears’), sometimes accompanied by leave to build a barrage across the river. The right to build a watermill applied to erecting a one- or two-wheeled structure, typically encompassed by a plot of land measuring 0.5 to 2 huffen and subject to taxation ranging from two to three marks.

Keywords: Prussians, conditional landholding, water use rights, fishing, mills

The author

Dr Sergey A. Denisov, Junior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: Densera@yandex.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>

**И. В. Белинцева¹, Е. В. Баранова²
В. А. Верещагин², В. Н. Маслов²**

**ВИРТУАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ РЫНОЧНОЙ УЛИЦЫ
СТАРОГО ГОРОДА КЁНИГСБЕРГА КОНЦА XVIII СТОЛЕТИЯ:
ИСТОЧНИКИ, ТЕХНОЛОГИИ, ИСТОРИЯ ЗДАНИЙ, МОДЕЛИ**

¹ Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры
и градостроительства, Москва, Россия

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
Поступила в редакцию 01.11.2023 г.
Принята к публикации 30.01.2024 г.
doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-4

Для цитирования: Белинцева И. В., Баранова Е. В., Верещагин В. А., Маслов В. Н. Виртуальная реконструкция Рыночной улицы Старого города Кёнигсберга конца XVIII столетия: источники, технологии, история зданий, модели // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 1. С. 41 – 71. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-4.

В связи с подготовкой празднования 300-летия со дня рождения философа Иммануила Канта проведена работа по виртуальной реконструкции давно исчезнувшей исторической среды Кёнигсберга, родного города прусского мудреца. Авторы попытались воссоздать архитектурный облик Рыночной улицы (Альтштеттшиер Маркт) Старого города (Альтштадта), входившего в состав Кёнигсберга. При создании трехмерных моделей общественных и жилых зданий XVIII в. использовались графические и живописные изображения рыночной улицы-площади, фотографии, литературные, научные и краеведческие описания, проекты отдельных домов, оформления их деталей и другие данные. Трудности восстановления объемно-пространственной композиции и внешнего облика фасадов обусловлены отсутствием исторических источников, непосредственно относящихся к концу указанного столетия, когда в художественном облике зданий доминировали стилевые признаки позднего барокко, рококо и раннего классицизма. Дома сохраняли планировку, сложившуюся еще в Средние века, но образ рыночной улицы-площади не оставался неизменным. Декор фасадов, сохранявших обычно средневековую фахверковую конструкцию, следовал за причудами архитектурной моды, в результате чего на этой богатой торговой улице соседствовали дома, представлявшие скульптурное убранство и архитектурные элементы, типичные для обширного периода – со второй половины XVI до конца XVIII в. Именно за эти несколько столетий улица приобрела свое неповторимое лицо. Представленные 3D-модели демонстрируют многообразие и изменчивость старинной улицы Кёнигсберга.

Ключевые слова: Кёнигсберг, XVIII в., рыночная улица-площадь Альтштадта, исторические источники, 3D-модели

Введение

Город и замок Кёнигсберг возникли в XIII в. в результате завоевания земель пруссов рыцарями Тевтонского ордена. После Второй мировой войны Кёнигсберг стал Калининградом, областным центром Калининградской области РСФСР, а позже — Российской Федерации. Немецкое прошлое было на несколько десятилетий забыто, однако с 1990-х гг., когда стало возможным изучение местной истории, интерес к прошлому города не угасает. В настоящее время в рамках стратегического проекта «Балтийская долина» создаются реконструкции отдельных исторических районов города, исчезнувших в огне Второй мировой войны. Работа над воссозданием утраченной застройки старинного города представляет интерес с позиции не только изучения канувшего в Лету прошлого, но и его влияния на современные процессы проектирования застройки пустующего ныне городского пространства Калининграда в районе бывшего Альтштадта. Исследование сохранившихся изобразительных и литературных материалов демонстрирует постоянную изменчивость городской среды старого Кёнигсберга, подверженной воздействиям политико-экономических и архитектурно-художественных тенденций текущего времени. Как представляется, прошлое следует изучать, визуально реконструировать, создавая наглядные трехмерные модели, но не повторять или воспроизводить в современной практике строительства.

Рыночная улица-площадь

Одной из первых в Кёнигсберге сформировалась улица Альтштедтишер Маркт (Альтштадтский рынок, здесь и далее дается перевод с немецкого языка), расположенная на территории одного из трех средневековых городов, вошедших впоследствии в агломерацию столицы Восточной Пруссии (Альтштадт — Старый город, Кнайпхоф и Лёбенитх). Альтштадтский рынок — наиболее широкая улица-площадь города. «Альтштадтский рынок, без сомнения, появился сразу при межевании города в XIII в. локатором, назначенным Орденом» [16, S. 27]. Южная часть служила коммерческим рынком, в этой части доминировало главное здание Альтштадта — ратуша, выходящая основным фасадом на рыночную площадь. Боковое крыло и задний фасад ратуши граничили с Альтштедтише Ланггасе (Альтштадтской Длинной улицей) и Шмидегасе (улицей Ювелиров или Златокузнецов).

Альтштедтишер Маркт была более широкой по сравнению с другими улицами. На ней проходили регулярные ярмарки и располагались самые престижные в городе лавки и магазины, поэтому улица была многолюдной и оживленной. А. Т. Болотов, служивший в Кёнигсберге в годы Семилетней войны (1756—1763), писал, что среди альтштадтских кривых и узких улочек имеется «четвероугольная, продолговатая площадь, окруженная такими же сплошными высокими домами. Площадь сия достопамятна тем, что в конце ее находятся наилучшие ряды или лавки с разными товарами, а на самой площади в каждую неделю, по субботам, производятся торги мясом и другими съестными припасами. И в сии дни площадь сию никак узнать не можно, ибо вся она в один

час застроивалась множеством маленьких деревянных, но порядочных разборных лавочек, которые все под вечер паки разбирались, и площадь к воскресенью очищалась так, что на ней не было ни одной соринки» [3, стб. 706–707]. На альтштадтском рынке проводились и рождественские ярмарки. «Вся небольшая и прежде упоминаемая площадь в Альтштадте заграмащивается лавочками, убранными разными товарами и освещенными множеством свеч и фонарей; и как торговля производится наиболее медною посудой и конфектами, то блеск огней, отпрыгивающий вкупе от чистой медной и оловянной посуды, развешанной повсюду и расстановленной по всем полкам в лавках, производит довольно приятное зрелище» [3, стб. 847].

От этой улицы в современном Калининграде не сохранилось следов. В XIX в. многие ее дома были перестроены. В ходе Второй мировой войны английскими бомбардировками 1944 г. и во время штурма Кёнигсберга советскими войсками в 1945 г. был разрушен почти весь Старый город, в том числе Рыночная улица. В послевоенные годы развалины зданий в центре столицы бывшей Восточной Пруссии разобрали.

Источники и технологии моделирования зданий Рыночной улицы

В связи с подготовкой к 300-летию со дня рождения философа Иммануила Канта (1724–1804) в Балтийском федеральном университете им. И. Канта научно-исследовательским центром социально-гуманитарной информатики реализуется проект «Мир Иммануила Канта», нацеленный на виртуальное воссоздание зданий в окрестностях дома ученого, располагавшегося неподалеку от Кёнигсбергского замка. Облик нескольких городских улиц и отдельных строений реконструируется по состоянию примерно на 1789 г. Именно тогда с Кантом во время своего заграничного путешествия встретился и беседовал будущий русский историк и писатель Николай Михайлович Карамзин [5, с. 19–21].

В рамках проекта смоделированы 34 здания, находившиеся в конце XVIII – начале XIX в. на Рыночной улице Альтштадта, на ее пересечении с Альтштадтской Длинной улицей и на улицах, примыкавших к рынку с его северной и южной оконечностей: Вассергассе (Водяная улица), Хёкергассе (буквально – улица Мелких торговцев), Постштрассе (Почтовая улица). Местоположение строений зафиксировано на подготовленном В. Мюллером в 1815 г. плане Кёнигсберга, содержащем нумерацию всех домов (рис. 1).

Для воссоздания строений использовались старинные гравюры, рисунки, живописные изображения, книжные иллюстрации, фотографии, представляющие общие виды или фрагменты застройки Рыночной улицы, привлекались описания в мемуарах, научных трудах и популярных публикациях. Если здания сохранились до конца XIX в. и были запечатлены на снимках, то путем сравнения с ранними художественными изображениями выявлялись не изменившиеся архитектурные детали. В данном исследовании затронута существенная проблема информационно-повествовательных возможностей статических изображений, демонстрирующих визуальную нарративную архитектуру-художественных образов исчезнувших памятников прошлого. К сожалению, говорить об

изобилии источников не приходится. Даже если имеются изображения зданий, то на них в большинстве случаев представлены парадные (уличные) фасады, дворовая сторона никак не зафиксирована. Исключение составляют строения, которые расположены на улицах Вассергассе и Хёккергассе, замыкавшие рынок с юга. Эти дома имели два лицевых фасада, так как «смотрели» не только на рынок, но и на набережную реки Прегель (ныне Преголя).

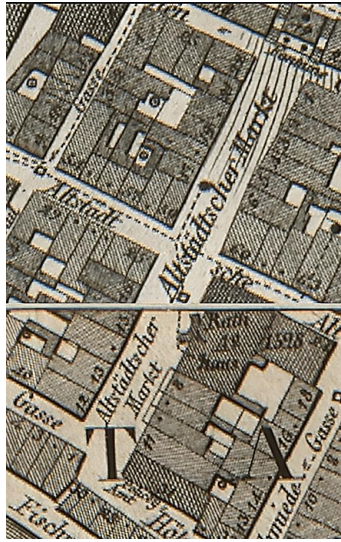

Рис. 1. Альтштедтишер Маркт (Альтштадтский рынок) на плане Кёнигсберга 1815 г. [6, л. 3]

Художники конца XVIII — начала XIX в. нередко упрощенно, а порой схематично, по памяти изображали кёнигсбергские дома. Для большинства графических работ характерно обобщенное воспроизведение скульптур и других элементов зданий, построенных в средневековой части города. Давние фотографии также не всегда отличались четкостью в передаче деталей строений. К тому же многие здания и элементы их декора, в том числе старинные скульптуры и рельефные изображения, к моменту фиксации потеряли первоначальный облик, демонстрируя многочисленные утраты и повреждения. Установленные высоко на фронтонах скульптуры на старых снимках зачастую выглядят довольно смутно. Даже если имеется краткая письменная информация о статуях, то их описания недостаточно подробны. В силу многих причин объективного характера для воспроизведения архитектурного и скульптурного декора нередко приходилось обращаться к образам данцигских и эльбингских¹ зданий, близким по времени возведения и стилю к кёнигсбергским домам. Образы ряда зданий рыночной улицы-площади никак не отражены в письменных и изобразительных источниках. В этом случае с помощью

¹ Данциг — ныне Гданьск, Эльбинг — Эльблонг (Польша).

инструментов 3D-моделирования кёнигсбергские строения, возведенные до XVIII в., реконструированы на основе известного реставрационного метода воссоздания «по аналогии».

Методики и технологии 3D-реконструкции определялись состоянием источниковой базы исследования и особенностями работы с каждым типом визуальных исторических документов, а также задачами презентации конечного результата работы (с потенциальной возможностью последующей экскурсионной демонстрации).

Построение любой простейшей трехмерной модели невозможно без использования графических редакторов, которые необходимы для обработки изображений. Для решения данных задач был выбран один из самых распространенных графических редакторов – Adobe Photoshop. Инструментом 3D-реконструкции архитектурных объектов в Кёнигсберге стал Autodesk 3ds Max. Применение плагина VRay для 3ds Max позволило создавать фотореалистичные визуализации высокого качества.

Для воспроизведения скульптурных композиций использовалась программа Poser. Одежды для статуй создавались отдельно в программе Marvelous Designer, поскольку Autodesk 3ds Max работает с вектором, то есть все предметы реконструируются с помощью множества полигонов (прямоугольных плоскостей), а таким способом крайне сложно воспроизводить поверхности драпировок. В Marvelous Designer при помощи симулирования гравитации, плотности ткани и других условий в движении производится деформация многополигонной поверхности, имитирующей ткань. Программа также позволяет «сшивать» выкройки, надевая их на аватары. После симуляции геометрия конвертируется в 3ds Max и уже там текстурируется по XYZ-координатам.

Особую сложность представляет моделирование архитектурных элементов зданий в стилях барокко, рококо, классицизма. Старинные фасады обладали сложными формами, украшались различными рельефными деталями с изображениями представителей флоры, фауны и других явлений природного мира (например, раковин), а также человеческих фигур. Геометрия в 3D строится по принципу векторной графики, и, чтобы воссоздать эти элементы, требуются долгая кропотливая работа с применением различных форм сглаживания и модификации. Существенными для воссоздания облика домов Старого города Кёнигсберга являются подчеркнута криволинейный абрис барочных волют щипцов, увенчанных так называемым разорванным фронтоном с пирамидкой или скульптурами в центре, имитация металлических полос и кованых креплений с болтами-кабошонами, а также обрамления окон и входных проемов. Дома на Альштадтском рынке были одни из самых трудных в работе: стоявшие здесь ратуша, жилища и лавки богатых и влиятельных горожан изобиловали сложными формами и архитектурными украшениями, скульптурами, декоративными порталами.

Ратуша

Еще со времени основания города на рынке Альштадта стояла ратуша, игравшая важную роль в осуществлении общественных функций городского самоуправления. В 1528 г. на месте средневековой ратуши,

упомянутой в документах 1423 г., возвели новое здание. Его внешний вид впервые представлен на плане И. Беринга 1613 г., внутреннее убранство описано в 1645 г. Каспаром Штайном (1592—1652) [26, S. 457]. Стояла ратуша на восточной стороне Альтштадтского рынка, на который была обращена главным фасадом с двумя башнями — часовой и колокольной (звонницей). Более длинный и низкий боковой фасад выходил на Альтштедтише Ланггассе.

До 1724 г. ратуша служила местом заседания городского совета и суда Альтштадта. Когда 13 июня 1724 г. Фридрих Вильгельм I объединил три города, ратуша Альтштадта стала местом заседаний общего суда — королевского. Городской суд располагался здесь до большой правовой реформы 1879 г., когда он переместился как суд провинции в новопостроенное здание на Театральной площади. Таким образом, в конце XVIII в. здание имело различные функции.

Повторно ратуша Альтштадта перестраивалась в 1754—1765 гг., обновлялась в 1832 г. До строительства новой ратуши в середине XVIII в. здание имело две башни [7, S. 128], что запечатлено на исторических планах города, представляющих ранние его виды с высоты птичьего полета: Георга Брауна и Франца Хогенберга (1581) (рис. 2), Иоахима Беринга (1613), Матеуса Мериана (1641) (рис. 3). Это было сооружение в технике фахверк, с двумя восьмигранными башнями, увенчанными куполами, фланкирующими основной объем. Ратуша перекрывалась двускатной крышей, крутые скаты которой были обращены к рынку и большому открытому внутреннему двору. Пересечение рыночной площади-улицы и главной торговой магистрали Альтштадта — Ланггассе отмечала угловая башня здания. На ней находились часы, на второй башне был установлен «Яшпер», как его называли в народе. Немецкие краеведы конца XIX в. Р. Армштедт и Р. Фишер утверждали, что «на главном фасаде с 1528 г. располагалась насмешливая маска “Яшпера”. Голова, украшенная короной, при каждом ударе часов раскрывала огромный рот и в такт высывала длинный язык» [7, S. 148].

Рис. 2. Кёнигсберг. Вид с высоты птичьего полета.

Г. Браун и Ф. Хогенберг. 1581 [17, S. 88]

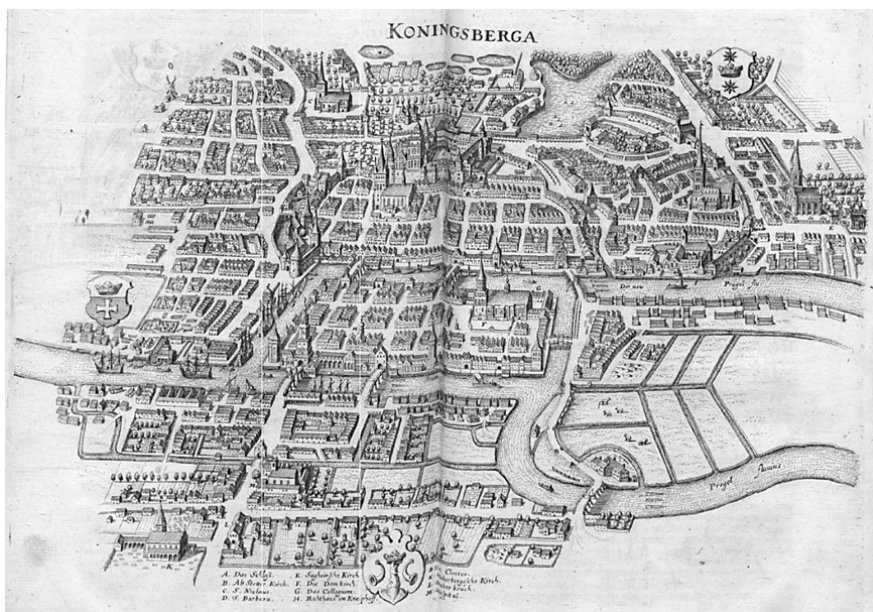

Рис. 3. Кёнигсберг. Вид с высоты птичьего полета.
М. Мериан. 1641 [28, S. 30–31]

Адольф Бёттихер, занимавший в конце XIX в. официальную должность «хранителя древностей», писал подробно об истории ратуши: «Из-за ветхости здание было в 1754 г. полностью разобрано и возведено на новом основании. К 1757 г. ратуша была готова до башни, которую достроили в 1764 г. В 1765 г. был установлен набалдашник и флюгер с орлом, о чем Писански создал стихотворные вирши. В 1767 г. отлили колокол, звонивший каждые четверть часа. В 1774 г. на месте орла поместили флаг с гербом города и коронованную голову на надстройке крыши, которая при каждом ударе часов открывала рот. Ее звали альтштадтским Яппером. Легенда гласит, что лик установили из насмешки над Кнайпхофом, во что трудно поверить. Механизм крикуна был сломан залетевшим воробьем. Кёнигсбержцы называли его после этого случая “глотателем воробьев”. Теперь вместо человеческой головы на башне установлена львиная маска» [10, S. 203]. А. Бёттихер сомневался в достоверности легенды о причинах появления «Яппера» на башне ратуши.

Более четко о «Яппере» высказался Х.М. Мюльпфордт. Известный исследователь местного искусства писал, что коронованная голова появилась еще в XV в. как следствие 13-летней войны (1454–1466) и должна была демонстрировать превосходство жителей Альтштадта над соседним Кнайпхофом. Она была вновь установлена на башне ратуши, построенной в 1528 г. «Об этой торчащей коронованной бородатой голове нельзя было сказать определенно, принадлежит ли она человеку или животному» [18, S. 240]. Голова была перенесена в 1774 г. на башню ратуши, построенной в 1754–1765 гг. Именно в этого второго «Яппера»

влетел воробей, навсегда испортив механизм. Из-за погибшей птички альтштадтцев прозвали «глотателями воробьев». В 1832 г. испорченный лик заменили жестяной позолоченной львиной головой.

Несколько иные даты, связанные с перестройкой ратуши, предлагали первые историки города. Так, Людвиг Бачко в одном из описаний Кёнигсберга, которое было опубликовано в 1804 г., отмечал, что «современная постройка начата в 1750 г. и закончена в 1773-м. В ратуше находится библиотека совета, а под нею городские весы, подвалы совета и городская вахта» [8, S. 118].

Историк XX в. Фриц Гаузе, представивший подробную четырехтомную историю города, датировал новую ратушу 1754–1756 гг., заметив, что обветшание ратуши было зафиксировано еще в 1751 г., а башню достроили в 1765 г. [13, S. 146]. Разночтения можно объяснить различием точек отсчета: начало перестройки определяется временем, когда обратили внимание на бедственное состояние фахверкового здания первой трети XVI в. Конец строительства относят также к разным событиям, связанным либо с завершением строительства самой башни, либо с установкой часов или флага на ее шпиле.

Исследователь Карл Вюнш в специальной работе, посвященной строительству важного городского сооружения, писал «К 1750 г. здание обветшало и стало представлять опасность для горожан. По указу городского совета в декабре была создана комиссия, в которую вошли баушрайберы [прорабы] Бутау и Краффт, каменщики Керштайн и Альтрок, плотники Реммингер и Баннварт... В 1753 г. обсуждались проектные предложения Бутау (рис. 4) и Лилинталя (рис. 5), особенно остро стоял вопрос об установке башни — над центром главного фасада или на углу Длинной улицы, как было на старой ратуше. В январе 1751 г. предприняли улучшения и дальнейшие изыскания деревянного (фахверкового) сооружения 1528 г.» [27, S. 365].

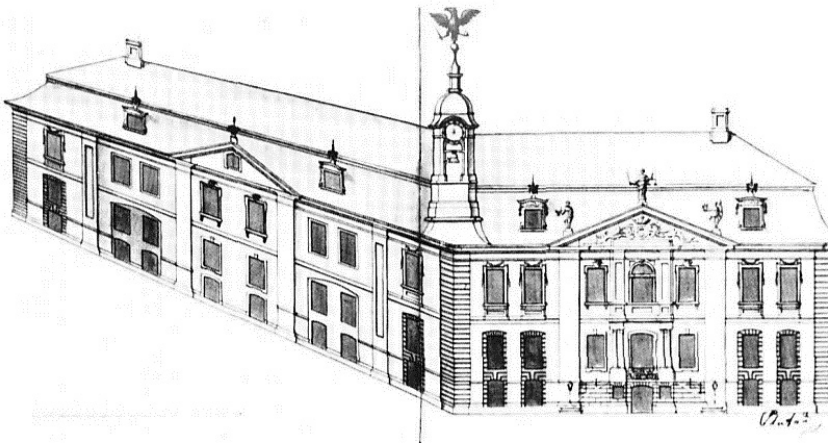

Рис. 4. Ратуша Альтштадта. Проект.
Архитектор Х. Бутау, 1754 [27, S. 368–369]

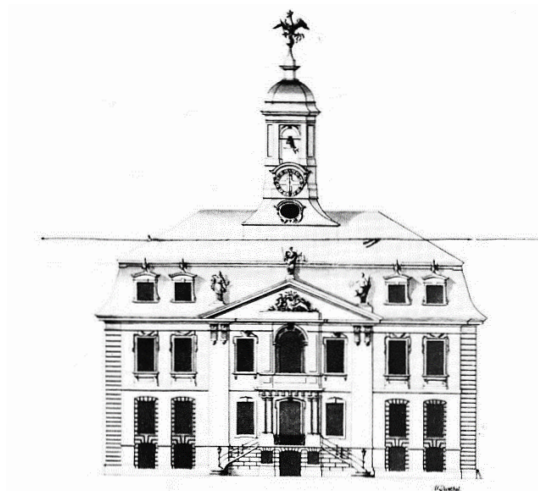

Рис. 5. Ратуша Альтштадта. Проект.
Архитектор И. С. Лилинталь, 1754 [27, S. 368 – 369]

Сохранились проекты перестройки обветшавшего здания и чертежи фасадов ратуши. В новом здании, которое, строго говоря, уже не было ратушей, то есть зданием заседания городского совета, но сохранило свое привычное наименование, запланировали помещения для суда, зал заседаний коллегии пивоваров, кабинеты для сотрудников ипотечной службы и залы городской библиотеки. Это потребовало увеличения количества помещений ратуши, для чего были присоединены соседние дома, принадлежавшие вдове городского советника Шинемана и городскому советнику Мёллеру.

Первоначальный проект Христофа Бутау был изменен архитектором Иоганном Самуэлем Лилинталем (1724/1725 – после 1802) и затем Карлом Людвигом Бергиусом (1716–1767), в период директорства которого ратуша была достроена. Семиосевое двухэтажное здание, поднятое на высокий подвальный ярус, занимало угловой участок квартала, его обрамляли по углам рустованные лизены и завершала высокая мансардная крыша, на которой заметны окна, украшенные волютами. Фасад, выходивший на рыночную улицу-площадь, был сходным во всех трех проектах и представлял собою типичное решение в стиле барокко, отличаясь незначительными деталями декора. В предложениях Х. Бутау и И. С. Лилинталья центр фасада был выделен слегка выступающим ризалитом, обрамленным по сторонам плоскими лизенами и увенчанным треугольным фронтоном, в поле которого была запроектирована рельефная композиция. Трехосевой ризалит имел поэтажные членения ярусами сдвоенных пилястр, к широкому входному portalу сегментовидного силуэта вела двухмаршевая лестница, под которой находилась дверь, ведущая в подвал. Над порталом было задумано арочное окно, остальные окна имели вертикально вытянутую прямоугольную форму и плоские наличники, украшенные разного рода декором – «ушками» на верхнем этаже и рустом на нижних ярусах.

Магистратом было решено также изготовить точную деревянную модель крыши как образец для исполнителей-ремесленников. Согласно проекту, предполагалось сохранить старые фундаменты и подвал, но изыскания показали, что они не выдержат новых стен. Подвальный этаж был сделан заново, он предназначался для хранения городских весов и временных торговых прилавков и будок.

Для завершения строительства и создания башни был приглашен военный и статский советник Карл Людвиг Бергиус, который после смерти придворного архитектора Иоахима Людвига Унфридта фон Шульцхайса (1678—1753) занял в 1753 г. пост обербаудиректора кёнигсбергского округа [27, S. 368]. Ратуша была закончена в стиле барокко по его проекту с сохранением основных членений главного фасада, предложенных Х. Бутау и И. С. Лилинталем, за исключением треугольного фронтона, замененного аттиковой стенкой с нишами (рис. 6). К 1764 г. здание было относительно готово, хотя и не оштукатурено, при этом оно уже несколько лет использовалось, несмотря на отсутствие мансардного этажа, черепичного перекрытия, украшений в виде вазонов, статуй и входного портика с лестницей [27, S. 368]. По эскизу К. Л. Бергиуса была возведена башня с часами и установлена механическая голова. Со временем возникла ошибочная легенда, гласившая, что построенная зодчим в 1753—1758 гг. ратуша в Тильзите (ныне г. Советск Калининградской области) послужила образцом для кёнигсбергской ратуши. Предположение о ратуше в Тильзите как прообразе альтштадтской ратуши можно найти в издании «Старопрусские биографии» [20, S. 51]. В любом случае заметно, что рыночный фасад кёнигсбергской ратуши имеет некоторое сходство с более ранним тильзитским решением¹.

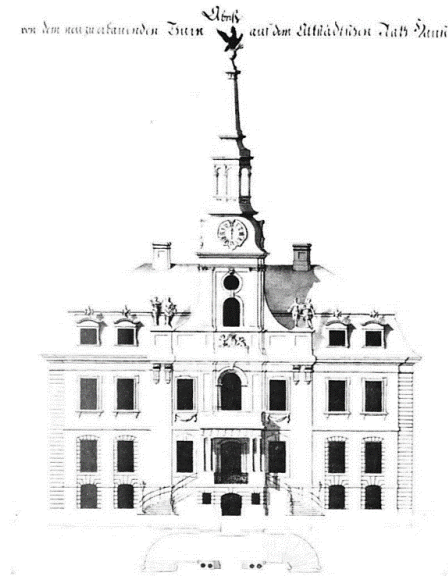

Рис. 6. Ратуша Альтштадта. Проект.
Архитектор К. Л. Бергиус, 1754 [27, S. 368—369]

¹ Описание ратуши в Тильзите см.: [1, с. 91—92].

Из-за денежных затруднений долгое время отсутствовали декоративные элементы главного фасада ратуши — скульптуры, вазоны, консоли и прочие украшения, в том числе портик на каменных колоннах над лестницей на рыночном фасаде. Уже подготовленные элементы входного портика — четыре дорические колонны и высокие, до 40 футов (1 фут равен приблизительно 28,7 см), изогнутые перила лестницы — были сильно повреждены 11 ноября 1764 г. во время пожара, произошедшего в мастерской вдовы каменотеса Холлингера, и не могли быть использованы. В результате трудных переговоров представителей города о компенсации с каменотесом Зивертом, новым супругом вдовы, колонны были изготовлены заново [27, S. 369]. Облик ратуши, сложившийся к 1790 г., воспроизводит гравюра неизвестного мастера с изображением сцены наказания в течение трех дней, 2, 3 и 4 июня этого же года, у позорного столба финансового инспектора Августа Хайнриха Вирта, осмелившегося подделывать документы на сумму 70 тыс. талеров и приговоренного к последующему пожизненному заключению (рис. 7) [21, S. 165]. К портику со спаренными дорическими колоннами с двух сторон плавно подвели полукруглые лестницы. Над портиком был устроен балкон с парапетом из мощных балясин. Здание получило задуманное оформление — аттик центрального ризалита поддерживали резные консоли, над окнами мансарды были установлены декоративные вазоны. Отсутствуют лишь парные аллегорические женские фигуры по сторонам ратушной башни, оснащенной колоколом и часами.

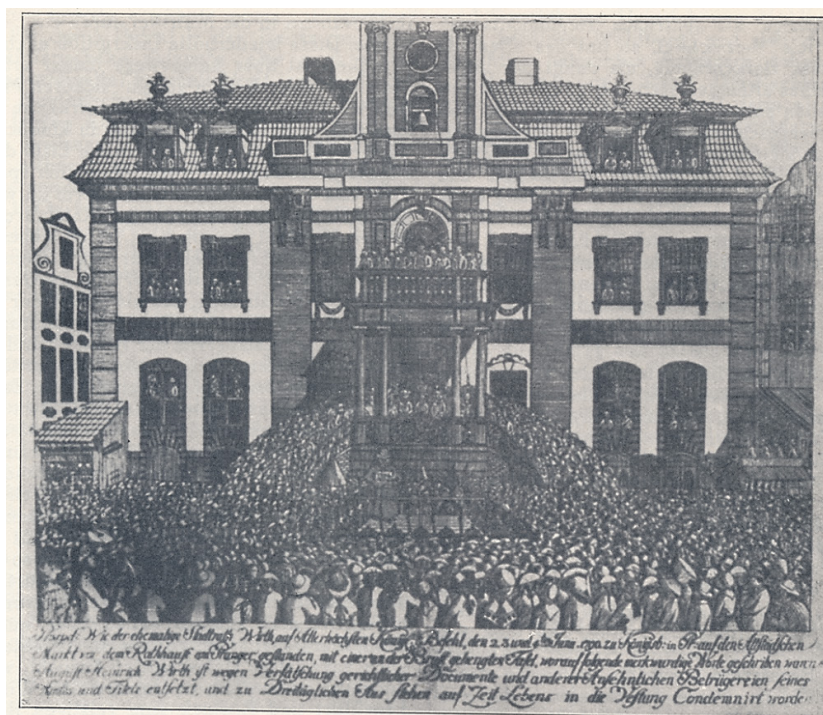

Рис. 7. Сцена на рынке перед ратушей Старого города.
Неизвестный мастер. Гравюра. 1790 [21, S. 165]

Основательное изменение внешнего облика ратуши с одновременным ее расширением посредством пристройки вдоль улицы Шмидегасе последовало в 1832 г. Здание утратило барочные черты архитектуры середины XVIII в. и было выдержано в строгом соответствии со стилем позднего классицизма первой трети XIX в. (рис. 8).

Рис. 8. Виртуальная модель Альпштадтской ратуши (Кёнигсберг, Альпштедтише Ланггасе, 24 – угол с Альпштедтишер Маркт). В. А. Верещагин, 2022

На картине (1838) и эскизе (не датирован) кёнигсбергского художника Юлиуса Кнорре (1804–1884) классицистические черты облика здания уже зафиксированы (рис. 9, 10). Более отчетливо и подробно ратуша представлена на цветной литографии 1850 г. (рис. 11).

Рис. 9. Ю. Кнорре. Кёнигсберг. Сцена у фонтана. Эскиз. 1834 (1840?) [14]

Рис. 10. Ю. Кнорре. Кёнигсберг. Сцена у фонтана. 1838 [14]

Рис. 11. Альтштадтский рынок. Ратуша. А. Х. Франк, Э. Хеннинг.
Цветная литография. Около 1850 [15, S. 48]

В течение XVIII–XIX вв. ратуша по-прежнему оставалась во владении города. Здесь находились кабинеты чиновников, Земеринг-музей и Музыкальная консерватория. Музей представлял собой небольшое собрание из семи скульптур (в основном слепков) работы скульптора профессора Земеринга родом из Кёнигсберга, который подарил коллекцию городу. Среди работ выделялся мраморный бюст Иоганна Якоби

[7, S. 132]. Старые ратушные и городские весы, размещавшиеся под ратушей, не сохранились. Подвал приспособили под ресторан. Пристройка на Шмидегассе принадлежала налоговому ведомству. На углу Альштадтского рынка и Хёкергассе оставался стоять бывший дом бургомистра, который позднее стал служебной квартирой директора (президента) полиции. Соседние с ратушей дома существенно перестроили в XIX в.

Почта, позднее – кондитерские

Другим значимым общественным зданием на рыночной улице-площади была почта, точнее, склад почтовых грузов (постпакгауз, или Post Blombage Haus), возведенный в 1730 г. на северной оконечности рынка, под сенью стен замка. Фасад строения украшал памятник королю Фридриху Вильгельму I, которого называли «фельдфебелем на троне». Он подарил российскому царю Петру I знаменитую Янтарную комнату [4, с. 233, 234]. Статуя прусского монарха, стоящего на земном шаре в полукруглой нише, обрамленной четырьмя ионическими пилястрами из готландского песчаника, поддерживавшими триумфальную арку, была выполнена скульптором И. Майсснером [12, S. 40]. Над аркой размещались фигуры двух сидящих рабов, наверху был установлен королевский герб с короной. В соответствии с проектом под пилястрами был устроен фонтан – там находились две львиные головы, извергавшие воду в чаши (рис. 12, 13).

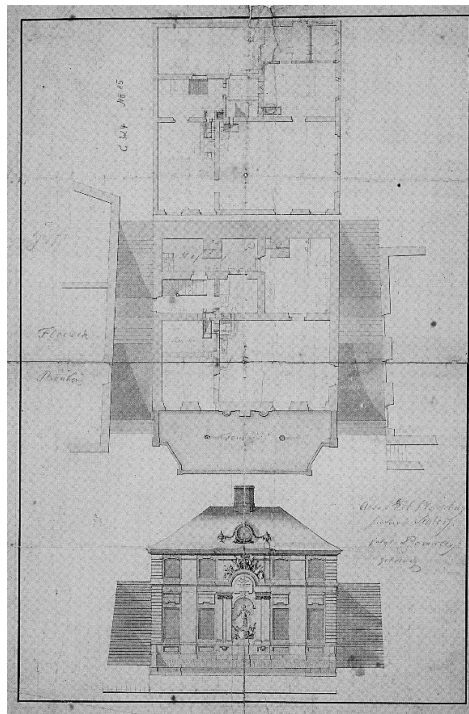

Рис. 12. Кёнигсберг. Проект почты и памятника Фридриху Вильгельму I, 1730. Альштадтедише Кирхенгассе, 19. План и фасад [24, S. 96]

Рис. 13. Кёнигсберг. Почта, затем кондитерские на улице Альтштедтише Кирхенгассе, 19. Фасад здания со стороны Альтштедтишер Маркт после перестройки в XIX в. (частный архив А. Сарница, Калининград)

Здание почты было приобретено и переоборудовано в середине XIX в. для кондитерской Поматти, позднее перешедшей к Штеркау. В конце XIX в. был надстроен один этаж [7, S. 42, 134]. Здесь изготавливали знаменитый кёнигсбергский марципан [15, S. 86].

Здание снесли в начале XX в. в ходе строительства замковой южной террасы, в которую вмонтировали памятник Фридриху Вильгельму I. Ниша с пилястрами — единственный сохранившийся до наших дней архитектурный элемент кёнигсбергского Старого города времен И. Канта [2] (рис. 14).

Рис. 14. Калининград. Остатки памятника XVIII в. Фото В. А. Верещагина. 2022

Здание почты моделировалось в программе Autodesk 3ds Max. Для виртуального воссоздания скульптурной композиции применена программа для скульптинга Poser. Реконструкция одежды на скульптурах выполнена с помощью программы Marvelous Designer на основе имеющихся источников. Благодаря сохранившейся части композиции установлен и воссоздан в реконструкции реальный цвет песчаника, из которого изготовлено обрамление скульптуры, определены размеры здания (рис. 15).

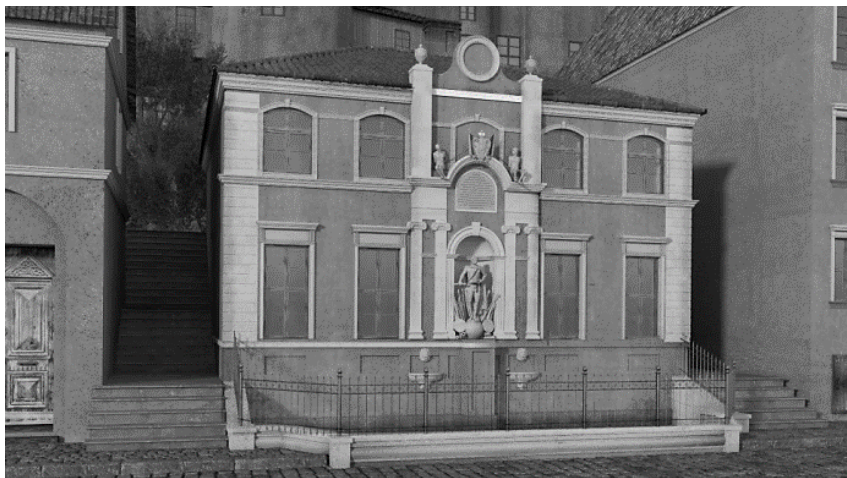

Рис. 15. Виртуальная модель почты (Кёнигсберг, Альтштеттише Кирхенгассе, 19). В. А. Верещагин, 2022

Жилые здания

Основную часть Рыночной улицы составляла жилая застройка. В этой части Альтштадта селились наиболее зажиточные жители — торговцы, державшие на первом этаже лавки с разнообразными товарами. Застройка осуществлялась согласно правилам, единым для большинства городов, основанных под эгидой рыцарей Тевтонского ордена. Городские кварталы делились в соответствии с принятыми размерами модуля, которым служили старый и новый кульмский прут (мера длины, равная соответственно 4,32 м и 4,707 м) на участки прямоугольной формы размерами примерно 17–18 м в длину и шириной около 8 м. Узкие фасады трех-четырёхэтажных домов, перекрытых высокими двускатными крышами, выходили на улицу, остальная часть зданий скрывалась в глубине участка, отделенная стенами и хозяйственным двориком от соседних сооружений.

Первые дома Альтштадта были фахверковыми, но со временем их облик видоизменялся. Деревянные соседские стены заменяли кирпичными брандмауэрами, соломенные крыши исчезали, уступая место черепичным покрытиям. Особое внимание богатые лавочники-домовладельцы уделяли оформлению уличных фасадов, стремясь следовать новым веяниям времени. Особенно ярко эта тенденция украшения фасадов проявилась начиная со второй половины XVI в., когда замок и его обитате-

ли стали подавать пример в области архитектурной моды. На рубеже XVI—XVII столетий по заказу светских правителей герцогской Пруссии появились многочисленные архитектурно-художественные композиции для оформления порталов, каминов, надгробий, выполненные приезжими нидерландскими мастерами. Созданные ими произведения впоследствии тиражировались в различных вариациях на фасадах богатых городских домов, что особенно заметно на рыночной улице-площади.

Нумерация домов на изучаемой улице начиналась от замка и шла по часовой стрелке от №1 до №23. С южной стороны площади возвышались жилые дома, стоявшие вдоль Вассергассе, с узким проходом, ведущим на берег Преголи, к Рыбному рынку — Фишмаркту. С восточной и западной сторон на Альтштадтский рынок выходили тесно стоявшие четырех-пятиэтажные дома, к каждому из которых примыкали пристройки, имевшие два-три яруса и открытые балконы на крышах.

Жилой дом №1.

Жилой дом №1 стоял на углу Альтштадтского рынка и Бергштрассе (на плане В. Мюллера Бергштрассе включена в Альтштедтише Кирхенгассе). Значительное по размерам здание тянулось длинной стороной вдоль Бергштрассе, а главным фасадом выходило на рыночную площадь. Несмотря на обширные размеры, здание не имело внутреннего двора: очевидно, было достаточно освещения со стороны двух уличных фасадов. Четырехэтажное сооружение выделялось высотой этажей, оно завершалось массивным карнизом и вальмовой крышей. Более вероятно, что вальма появилась в XIX в., а до этого жилой дом имел традиционный треугольный щипец с украшениями, выходивший на сторону рынка (рис. 16). Постепенная замена изукрашенных щипцов происходила в городе повсеместно, так как декор требовал дорогостоящего ухода и постоянного ремонта, что не всегда было по карману владельцам старинных домов. Фасад, обращенный к рынку, имел по три высоких окна на каждом этаже, обрамленных наличниками с треугольными сандриками (маленькими фронтонами).

Рис. 16. Альтштадтский рынок. А. Х. Франк, Э. Хеннинг. Цветная литография. Ок. 1850. Фрагмент. Жилой дом №1 [15, S. 48]

Здание значительно возвышалось над соседними трехэтажными домами под №2 и 3 (рис. 16). А. Бёттихер писал, что «отдельные этажи дома расчленены пилястрами» [10, S. 207]. Возможно, первоначальная композиция фасада и его завершение были подобны изысканной структуре фасадной плоскости дома №15 по той же улице, но впоследствии подверглись упрощению. А. Бёттихер отмечал, что «среднее окно второго этажа на фасаде, обращенном к Бергштрассе, имело красивое обрамление в виде гирлянд из пучков листьев и двух спокойно сидящих женских фигур» [10, S. 207] (рис. 17). А. Варда дал несколько иную трактовку декоративной композиции наличника: «Наверху, над выходом на балкон, два сидящих гения, объединенные фестонами, держат ленту с надписью: “Слава единому Богу. 1709 г.”» [25, S. 286].

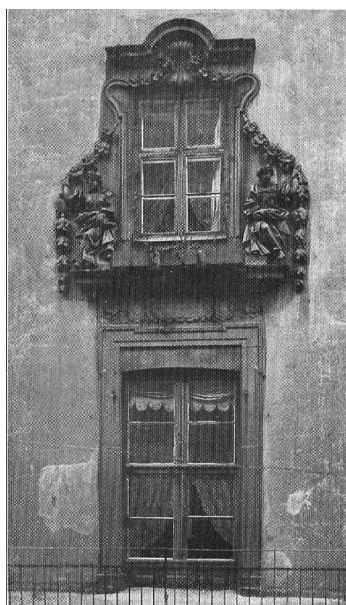

Рис. 17. Альштедтишер Маркт, 1 / угол Бергштрассе.
Оформление окна [9, S. 28]

Жилой дом №6.

К числу зданий, которые были оформлены в начале XVII в. и сохраняли свой облик вплоть до XIX в., относился жилой дом №6, стоявший на восточной стороне Альштгадтского рынка. Фрагмент его фасада запечатлен справа на упоминавшейся выше картине кёнигсбергского живописца, рисовальщика и литографа Ю. Кнорре, написанной предположительно в 1838 г., и на эскизе этого же мастера с неустановленной датой (см. рис. 9, 10) [14].

На фрагменте картины Ю. Кнорре отчетливо представлен многоэтажный отштукатуренный фасад дома, расчлененный по горизонтали арочными нишами, обрамляющими вертикально вытянутые окна. Верхние части оконных ниш последнего этажа изображены «слепыми», а в нижней их части заметно некое подобие проемов — возникает впе-

чатление, что окна частично заложены. Перед домом хорошо заметна выступающая пристройка с пологой односкатной крышей. Традиционно на крышах пристроек устраивали балконы, хотя в данном случае ограждение не зафиксировано художником. Пристройка выглядит почти двухъярусной, так как дом имел высокий полуподвальный этаж.

Старинное жилое сооружение представляло собой высокое четырехэтажное здание, обращенное к рыночной площади узким трехосевым фасадом, увенчанное высоким двухъярусным щипцом с барочным полуциркульным завершением. Плавно закругляющийся книзу щипец скрывал крутые скаты высокой черепичной крыши. Здание хорошо видно на гравюре 1850 г. (см. рис. 11, с. 53). Оно выделяется пристройкой, далеко выходящей в сторону рынка, как и на картине Ю. Кнорре. Наверху пристройки устроен балкон с горизонтальными ограждениями. Но скат крыши выглядит слишком покатым для размещения здесь посещаемого балкона, или же это дефект перспективного построения, допущенный автором изображения.

Дом запечатлен также на открытке конца XIX в. [23, S. 54] и в книге о памятниках Кёнигсберга «хранителя древностей» А. Бёттихера (рис. 18) [10, S. 205].

Рис. 18. Альтштедтишер Маркт, 1–6, угловой дом – Альтштедтише Ланггассе, 60. Справа – ратуша Альтштадта [10, S. 205]

В 1895 г. старинные узкие бюргерские дома на этой стороне рыночной площади, в том числе №4, 5 и 6, были снесены, их заменило большое новое здание в стиле историзма, с многочисленными торговыми и жилыми помещениями на углу Альтштедтише Ланггассе. Как сооб-

шал А. Варда в описаниях 1917 г., в конце XIX в. в доме № 6 до его сноса жил часовщик Зон, а до него дом принадлежал некоему Грифарду [25, S. 286].

Фасад дома № 6 выделялся среди других сооружений рыночной площади великолепным резным каменным порталом, ведущим в пристройку и украшенным многочисленными аллегорическими фигурами и сценами (рис. 19). Стилистические признаки позволяют датировать его началом XVII в. Портал, выполненный с большой декоративной фантазией, несомненно имел содержательную программу, характерную для раннего барокко. Семигранный абрис входного проема декорировали рельефы с цветочным рисунком. Боковые опоры под аркой украшали ниши, подпираемые фигурками путти (или херувимов) и завершенные выпуклыми раковинами — символами Богоматери. Фигурки путти с венками в руках занимали также треугольные паруса над аркой — места, где традиционно размещались фигуры античной богини победы Ники (Виктории). Немецкий искусствовед довоенного времени А. Ульбрих считал, что здесь представлены «ангелы мира» [22, S. 164].

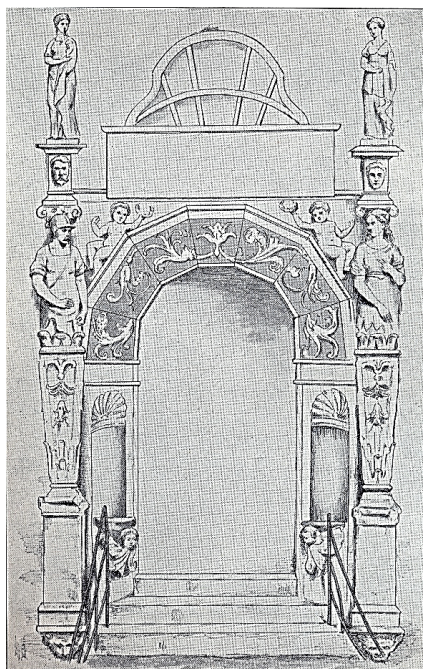

Abb. 145. Abgebrochenes Portal, Müßbäcker Markt Nr. 6.

Рис. 19. Альтштеттишер Маркт, 6. Портал. 1635 [19, № 112747].

См. также: [10, S. 207, Abb. № 145]

По сторонам входного проема на высоких постаментах стояли гермы с резным основанием — мужская и женская полуфигуры, опирающиеся на сужающийся книзу постамент и повернувшие головы друг к другу. В нижней части постаментов располагались маски. Над головами герм, увенчанных волютами ионического ордера, возвышались низкие

опоры, украшенные с левой стороны мужской маской, справа — женским ликом. Над ними неизвестный мастер установил более широкие основания, служившие базами для задрапированных женских фигур, олицетворявших добродетели. Слева находилась аллегория Любви, справа стояла статуя Верности с атрибутом — собачкой. Между фигурами располагалось окно с рамой затейливой криволинейной формы, опиравшейся на массивный аттик. Верхняя полуциркульная часть окна повторяла абрис барочного щипца в завершении дома.

Немецкий краевед А. Варда кратко расшифровывал смысл фигур: «Верность и Любовь как кариатиды несут фигуры, под которыми расположена арка, в парусах над аркой гении несут венки» [25, S. 286]. Странным представляется, однако, что аллегорический смысл изображений он приписал фигурам герм, одна из которых — явно мужская. Подробный рисунок портала приведен в книге А. Бёттихера [10, S. 207].

Аналогичный портал, видимо руки того же мастера, украшал вход в дом №27 на Кнайпхофише Ланггасе (рис. 20). Различие заключалось в композиции верхней части портала, а также в наличии львиных масок на постаментах под гермами дома в Кнайпхофе. Полицентрическую арку входа обрамляли мужская и женская гермы, стоявшие на высоких резных постаментах. Их головы венчали ионические волоты, на которые сверху опираются постаменты. Над ними возвышался барочный разорванный фронтон. В центре разрыва на резной консоли с маской размещалась мужская аллегорическая фигура с копьем, над изгибами фронтона были установлены женские фигуры добродетелей.

Рис. 20. Кнайпхофише Ланггасе, 27 [22, S. 163]

Жилой дом № 13.

Напротив ратуши на северо-западной стороне рыночной улицы-площади к концу XVIII в. сохранилось несколько старинных домов, оформление фасадов которых относилось к первой половине XVII в. Они имели пристройки перед первым этажом с плоскими перекрытиями, на которых располагались широкие балконы с решетками перил. Особенно интересен жилой дом №13 с торговой лавкой на первом этаже (рис. 21). Его фасад был перестроен в стиле барокко в XVII в., около 1640 г., а само здание возведено еще в Средние века в технике фахверк. Посередине строения имелся тамбур, к которому вела лестница с балюстрадой. На первом этаже были устроены рабочие (офисные) и складские помещения, большой холл подводил к лестнице на верхние этажи, где располагались гостиные и спальни, на чердаке находились складские помещения.

62

Рис. 21. Виртуальная модель дома №13 на Рыночной улице (Кёнигсберг, Альтштеттишер Маркт, 13). В. А. Верещагин, 2023

Этот купеческий дом представлял собой вытянутое в глубину здание с пристройкой над крыльцом, двусветным (в два этажа) вестибюлем и печью в середине здания. Его фасад в два полных этажа с партером и двумя мансардными ярусами завершался типичным остроугольным

щипцом с барочными криволинейными обрамлениями в виде вогнутых, выпуклых и двояковогнутых волнот. «Фронтон имел карниз из песчаника и был украшен орнаментом, наверху на коньке — пирамида, под ней на цоколе предположительно указание даты постройки» [25, S. 6]. Под карнизом третьего этажа фасад украшали четыре женских бюста. Внешний облик здания до перестроек конца XIX в. реконструировал известный реставратор Восточной Пруссии Р. Детлефсен (рис. 22). Оформление окон ограничивались простыми наличниками, более заметные рамы были добавлены только во второй половине XIX в.

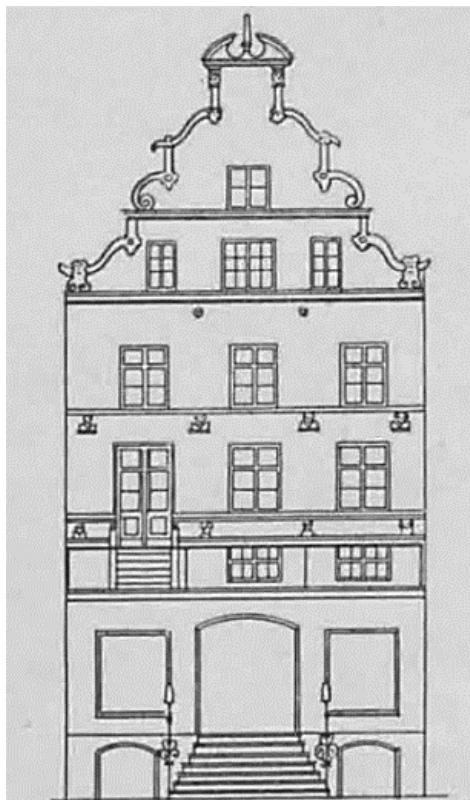

Рис. 22. Дом на Альтштедтишер Маркт, 13. XVII в.
Реконструкция Р. Детлефсена [11, Tafel 5, Fig. 1]

Жилой дом № 15.

Не меньший интерес представлял фасад дома № 15 на той же стороне Альтштадтского рынка. Согласно Х. М. Мюльпфордту, жилой дом с торговой лавкой на первом этаже был построен в 1595 г. [18, S. 212]. Историк искусства А. Ульбрих датировал его примерно 1600 г. [22, S. 55]. Новая постройка либо сменила старое фахверковое жилище, либо старое здание получило нарядный фасад, характерный для конца XVI столетия. Его внешний облик, просуществовавший до перестроек конца XIX в., реконструировал известный реставратор Восточной Пруссии Р. Детлефсен (рис. 23).

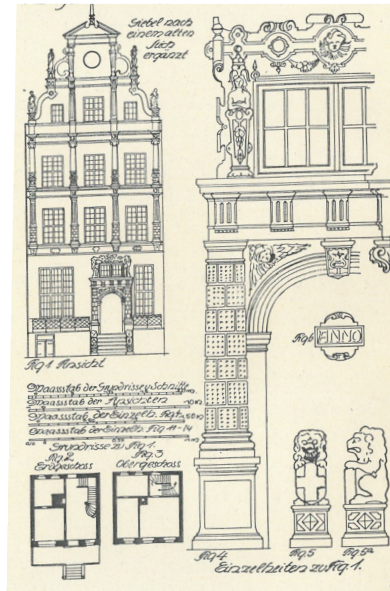

Рис. 23. Дом на Альтштедтишер Маркт, 15. XVII в.
Реконструкция Р. Детлефсена [11, Tafel 4, Fig. 1–6]

Трехэтажный дом был поднят на высоком цокольном этаже, его венчал богато украшенный волютами и скульптурами щипец. Лицевой фасад поэтажно декорировали резные пилястры. Особой декоративностью убранства отличался арочный входной портал, украшенный в верхней части гермами и орнаментом в форме закрученных ролльверков, имитирующих пергаментные свитки. В конце XIX в. фасад дома претерпел изменения — была сделана пристройка, в верхней части фасада вместо фигурного щипца надстроили высокий аттик (рис. 24, 25).

Рис. 24. Вид дома №15 в конце XIX в. [19, №112748, фрагмент]

Рис. 25. Вид дома №15 в первой половине XX в. [11, S. 15]

Сохранились краткие сведения о владельцах дома и его описание: «№15, принадлежащий торговцу изделиями из кожи Ерошу (Jerosch), в 1711 г. принадлежал Альбрехту Фридриху фон Дершау, в 1767 г. — профессору Вернеру. Примечательна пристройка магазина с очень большими окнами с мелким переплетом. Тут каменная лестница, по сторонам которой сидят львы и держат щиты, на одном из которых герб Альтштадта. — Щипец сделан плоским и наверху на аттике несколько хороших свободностоящих скульптур — Вера, Надежда и Мудрость, и фигура, натягивающая лук (Любовь?)» [24, S. 6].

А. Бёттихер уточнил, какие именно гербы держали львы, выполненные из песчаника: герб Альтштадта и герб Хинтерроссгартена (район Кёнигсберга). Фигуры поставили перед новой пристройкой в 1894 г. [10, S. 208].

Более подробное описание дома №15 оставил Х. М. Мюльпфордт. Он писал: «Изысканный патрицианский дом, принадлежавший Альбрехту Фридриху фон Дершау, с 1767 г. принадлежал профессору Якобу Фридриху Вернеру. Три венчающие его фигуры были перенесены на новое торговое здание, одна использована как украшение фонтана на Оттокарштрассе, 22—24. Другие детали — портал, пилястры, львы, державшие щиты с гербами, деревянные балки потолка — были перенесены в музей истории города. Все детали выполнены частично из готландского, частично из бременского песчаника. Некогда были позолочены... Дом разобран в 1925 г., потому что охрана памятников недоглядела. Сейчас не существует. Возможно, сохранилась фигура на Оттокарштрассе» [18, S. 223].

Скульптурное убранство дома анализировал немецкий искусствовед А. Ульбрих. Он несколько по-иному трактовал имена аллегорических скульптурных изображений. По его мнению, на верхней части дома стояли аллегорические фигуры Умеренности, Веры, Надежды и Силы. Ульбрих отмечал, что для установки на большой высоте скульптуры были

слишком маленькими и не производили должного впечатления. Кроме круглых скульптур на фризе главного карниза располагались две маски и две ангельские головы, на фризе второго этажа размещались две женские головы (рис. 26), львиная и другие маски.

Рис. 26. Альтштедтишер Маркт, 15. Голова с фризса второго этажа. Около 1600 [22, S. 55]

Дом был снесен в 1925 г., портал, пилястры, скульптурные фигуры львов и балки потолка помещены в музей истории города (не сохранились к настоящему времени). Три фигуры, как писал выше Х. М. Мюльпфордт, перенесли на торговый дом Киве, занявший место старинного здания (рис. 27).

Рис. 27. Альтштедтишер Маркт. Три фигуры со старого здания украсили новый фасад торгового дома Киве.

URL: <https://ru.pinterest.com/pin/514747432400331516/>
(дата обращения: 25.10.2023)

Прежнее здание было местом рождения кёнигсбергского поэта, драматурга, католического священника Фридриха Людвига Цахариаса Вернера (1768–1823). Новую постройку украшала памятная доска работы известного немецкого скульптора XX в. Германа Брахерта (1890–1972) с рельефом, изображавшим Мадонну на полумесяце (рис. 28). Это был дар Гёте-общества. Надпись на доске, открытой 16 октября 1927 г., гласила: «В этом доме 18 ноября 1768 г. родился Цахариас Вернер. Умер в Вене 17 января 1823 г.» [18, S. 27].

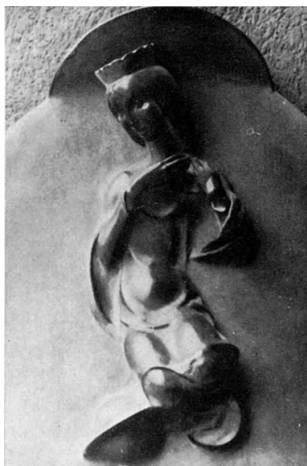

Рис. 28. Альтштедтишер Маркт. Памятная доска поэту Цахариасу Вернеру. Скульптор Герман Брахерт. 1927 [18, S. 27]

Заключение

Альтштедтишер Маркт, рыночная улица-площадь Кёнигсберга, представляла собой стусок разнообразных политических, экономических и социокультурных явлений и исторических традиций. На этой оживленной улице проживала старинная патрицианская верхушка городских жителей, из ратуши руководили городом, следили за соблюдением законов и порядка, вершили суд, осуществляли почтовые связи, здесь торговали, чтли своих королей и поэтов и просто жили — прогуливались у фонтана, пили чай на балконах, посматривая на богатых соседей. Облик рыночной улицы-площади Старого города Кёнигсберга, при сохранении средневековой планировки домов, высотности и силуэта старой уличной застройки, не оставался неизменным: неоднократно перестраивалась ратуша, оформление узких многоэтажных фасадов следовало прихотям хозяев, желавших соответствовать новым архитектурно-художественным тенденциям своего времени. Наиболее активно облик общественных и жилых зданий изменялся в период с конца XVI до середины XIX в., когда в местном зодчестве появились элементы барокко, рококо, классицизма, отражая постоянно меняющиеся общеевропейские вкусы.

Наша работа по выявлению новых источников и виртуальному трехмерному воссозданию застройки ныне не существующего города, с

которым связана жизнь Иммануила Канта, завершена. Ее итогом стал рекламный 2D-фильм продолжительностью 15 минут с прогулкой по центральной части Кёнигсберга, в формате 3D на сайте проекта будут выложены панорамы для просмотра в очках виртуальной реальности и с помощью специальных программ на персональных компьютерах. Также разрабатывается туристический модуль, адаптированный для мобильных устройств, который будет содержать VR-панорамы и озвученные профессиональным диктором справки.

Данное исследование было поддержано из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» БФУ им. И. Канта.

Список литературы

1. *Белинцева И. В.* Тильзит (Советск): исчезнувшие сооружения как фон исторических событий // Белинцева И. В. Архитектура Восточной Пруссии: факты и интерпретации. Калининградская область. Калининград, 2020. С. 80–98.
2. *Белинцева И. В., Баранова Е. В., Верещагин В. А., Маслов В. Н.* Проект «Мир Иммануила Канта» и современные возможности виртуальной реконструкции Кёнигсберга XVIII века: архитектурно-скульптурная декорация здания почты на рыночной площади Альтштадта // ACADEMIA. Архитектура и строительство. 2022. №4. С. 31–39.
3. *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1793. Т. 1. СПб., 1871.
4. *Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны / В. И. Гальцов, В. С. Исупов, В. И. Кулаков [и др.].* Калининград, 1996.
5. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984.
6. *План Кёнигсберга с пояснительным текстом. 1815 г.* Гравировал Карл Маре (Берлин). Составил Валериан Мюллер. 4 печ. листа. 64×50 см // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 432. Оп. 1. Д. 2578. Л. 1–4.
7. *Armstedt R., Fischer R.* Heimatkunde von Königsberg i. Pr. Mit Abschnitten aus der Bürgerkunde, 31 Abbildungen und 2 Karteskizzen. Königsberg, 1895.
8. *Baczko L. von.* Versuch einer Geschichte und Beschreibung Königsberg. Königsberg, 1804.
9. *Bloch F.* Das Königsberger Bürgerhaus. Sonderdruck des Profanbaus. Leipzig, 1929. S. 25–60.
10. *Boetticher A.* Die Bau- und Kunstdenkmäler der Provinz Ostpreussen. Im Auftrage des Ostpreussischen Provinzial-Landtages. H. VII : Königsberg. Königsberg, 1897.
11. *Dethlefsen R.* Stadt- und Landhäuser in Ostpreussen. München, 1918.
12. *Faber K.* Die Haupt- und Residenz-Stadt Königsberg in Preussen. Das Merkwürdigste aus der Geschichte, Beschreibung und Chronik der Stadt. Königsberg, 1840.
13. *Gause F.* Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preussen. Bd. 1 : Von der Gründung der Stadt bis zum letzten Kurfürsten. Köln ; Weimar ; Wien, 1996.
14. *Gemälde.* Katalog №4354. Prof. Julius Knorre, attr. «Scene am Springbrunnen zu Königsberg» // Auktionshaus Mehli. URL: <https://www.mehli.eu/de/catalog/8316/item/4354> (дата обращения: 03.11.2022).
15. *Jäger E., Schreiner R.* Das alte Königsberg. Veduten aus 400 Jahren. Regensburg ; Grünstadt, 1987.

16. *Karl G.* Geschichtliches Strassenverzeichnis der Stadt Königsberg in Preussen. Königsberg i. Pr., 1924.
17. *Königsberg* und sein Umland in Ansichten und Plänen aus der Staatsbibliothek zu Berlin / hrsg. von A. Jammers. Berlin, 2002.
18. *Mühlpfordt H. M.* Königsberger Skulpturen und ihre Meister. 1255–1945. Würzburg, 1970.
19. *Ostpreußen* — Dokumentation einer historischen Provinz. Die photographische Sammlung des Provinzialdenkmalamtes in Königsberg // Prusy Wschodnie — dokumentacja historycznej prowincji. Zbiory fotograficzne dawnego Urzędu Konserwatora Zabytków w Królewcu. CD-Rom / red. der Datenbank J. Przykowski. Warszawa, 2006.
20. *Schumacher.* Bergius Karl Ludwig // *Altpreussische Biographie*. Bd. 1 : Abegg — Malten / hrsg. im Auftrage der historischen Kommission für ost- und westpreussische Landesforschung von Ch. Krollmann. Königsberg, 1936. S. 51.
21. *Schmidtke M.* Königsberg in Preussen. Personen und Ereignisse. 1255–1945 im Bild. Husum, 1997.
22. *Ulbrich A.* Geschichte der Bildhauerkunst in Ostpreussen vom Ende des 16. Jahrhunderts bis gegen 1870 : in 2 Bdn. Bd. 1. Königsberg, 1926.
23. *Wagner W. D.* Reise in die alte Heimat. Ostpreussen in 1000 Bilder. Königswinter, 2011.
24. *Wagner W. D., Lange H.* Das Königsberger Schloss. Eine Bau- und Kulturgeschichte. Bd. 2. Regensburg, 2011.
25. *Warda A.* Von 50 alten Häusern in Königsberg // *Königsberger Hartungsche Zeitung*. 1917. №186. S. 285–286. URL: <https://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/list/title/zdb/2812988X/> (дата обращения: 18.10.2023).
26. *Wörster P.* Besprechungen und Anzeigen. Stein C. Das Alte Königsberg. Eine ausführliche Beschreibung der drei Städte Königsberg samt ihren Vorstädten und Freiheiten wie sie anno 1644 beschaffen waren. Nachdruck nach der Übersetzung aus der Lateinischen von A. Charisius, Königsberg 1911. Mit einem Aufsatz von H. M. Mühlpfordt über C. Stein von 1972. (Sonderschriften des Vereins für Familienforschung in Ost- und Westpreussen, 91). Hamburg, 1998. XI, 143 S. // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. Marburg, 1999. Bd. 48, №3. S. 457.
27. *Wünsch C.* Das Königsberger städtische Bauwesen bis zum Ende des 18. Jahrhunderts und der Neubau des Altstädtischen Rathauses in den Jahren von 1754–1767 // *Studien zur Geschichte des Preussenlandes*. Festschrift für Erich Keyser zu seinem 70. Geburtstag. Marburg, 1963. S. 359–372.
28. *Z. M.* Topographia Electoratus Brandenburgici et Ducatus Pomeraniae. [et]c.: das ist Beschreibung der Vornembsten und bekantisten Stätte und Plätz in dem hochlöblichsten Churfürstenthum und March Brandenburg; und dem Hertzogtum Pommeren, zu sampt einem doppelten Anhang, 1 vom Lande Preußen, und Pomerellen 2 von Lifflande und Selbige beruffenisten Orten. Frankfurt a/M, 1652. Anh. 1. S. 484.

Об авторах

Ирина Викторовна Белинцева — канд. искусствоведения, доц., Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Россия.

E-mail: belinceva@bk.ru

ORCID <https://orcid.org/0009-0006-7126-7759>

Елена Вячеславовна Баранова — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: EBaranova@kantiana.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7519-4258>

Вячеслав Алексеевич Верещагин — науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: VVershchagin@kantiana.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7433-1641>

Виталий Николаевич Маслов — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: VMaslov@kantiana.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1830-4657>

70

*I. V. Belintseva¹, E. V. Baranova²
V. A. Vereshagin², V. N. Maslov²*

**VIRTUAL RECONSTRUCTION OF THE MARKET STREET
OF 18th-CENTURY KÖNIGSBERG'S OLD TOWN:
SOURCES, TECHNOLOGIES, BUILDING HISTORY AND MODELS**

¹ Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning,
Moscow, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 1 November 2023

Accepted 30 January 2024

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-4

To cite this article: Belintseva I. V., Baranova E. V., Vereshagin V. A., Maslov V. N. 2024, Virtual reconstruction of the Market street of 18th-century Königsberg's Old town: sources, technologies, building history and models, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 41 – 71. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-4.

Ahead of the 300th anniversary of the philosopher Immanuel Kant's birth, efforts are underway to digitally reconstruct the long-lost historical landscape of Königsberg, the birthplace of the 'Prussian sage'. This article aims to recreate the architectural appearance of Altstädtischer Markt – the market street in the Old Town (Altstadt), one of the city's districts. Three-dimensional models of the 18th-century public and residential buildings were constructed using surviving images of the market street-square alongside photographs, literature and research works, local history evidence, individual housing plans, design details and other data. Restoring the volumetric and spatial composition and external appearance of the facades is complicated by the absence of historical sources dating back to the study period when the aesthetic of buildings was dominated by the style features of late Baroque, Rococo and early Classicism. Although the houses retained their Medieval layout, the appearance of the street-square changed. The facades, predominantly retaining their medieval fachwerk structure, embraced contemporary architectural trends. Along this vibrant shopping street, houses adorned with sculptural em-

bellishments and architectural elements characteristic of the late sixteenth, seventeenth, and eighteenth centuries lined the thoroughfare. It was during these periods that the street acquired its unique face. The presented three-dimensional models demonstrate the diversity and variability of Königsberg's centuries-old street.

Keywords: Königsberg, 18th century, Altstädtischer Markt street-square, historical sources, 3D-models

The authors

Dr Irina V. Belintseva, Associate Professor, Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Russia.

E-mail: belinceva@bk.ru

ORCID <https://orcid.org/0009-0006-7126-7759>

Dr Elena V. Baranova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: EBaranova@kantiana.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7519-4258>

Vyacheslav A. Vereshagin, Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: VVershchagin@kantiana.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7433-1641>

Dr Vitaly N. Maslov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: VMaslov@kantiana.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1830-4657>

УДК 636.1(09) «18/19»:930.1(470+571) (09)

Д. А. Мельникова

**КРЕСТЬЯНСКОЕ КОНЕВОДСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,

Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 26.10.2023 г.

Принята к публикации 21.01.2024 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-5

72

Для цитирования: Мельникова Д. А. Крестьянское коневодство Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: историографический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №1. С. 72–83. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-5.

Представлен историографический анализ научных трудов по истории крестьянского коневодства Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Выделены периоды историографии, обозначены наиболее изученные сюжеты и вопросы, затронутые в работах, и определены направления будущих исследований. В качестве источниковой базы исследования использовались монографии, диссертации, научные статьи, в которых содержится информация об основных результатах исследований по вопросам крестьянского коневодства. В историографии проблемы выделены и охарактеризованы три основных периода: досоветский, советский и современный. Отмечено, что первые работы появились в досоветский период, но носили в большей степени публицистический характер. Под влиянием марксистско-ленинской идеологии в советский период крестьянское хозяйство стало одним из центральных объектов исследования отечественных историков, но коневодство крестьянских хозяйств рассматривалось только в общих работах, территориальные рамки которых охватывают Европейскую Россию или группы регионов. Современная историография вопроса характеризуется наличием исследований с акцентом на региональные особенности крестьянского коневодства в различных губерниях и областях Российской империи в изучаемый период. За пределами исследовательского интереса современных отечественных историков остаются состояние коневодческого хозяйства крестьян многих губерний России, сравнительный анализ крестьянского коневодства отдельных регионов, деятельность центральных ведомств, земств и общественных организаций по вопросам модернизации данной отрасли.

Ключевые слова: безлошадные хозяйства, историография, крестьянское коневодство, военно-конские переписи

Введение

Коневодческое хозяйство Российской империи занимало ведущие позиции среди стран Европы по количеству лошадей к концу XIX в. По данным самой масштабной военно-конской переписи 1882 г., на европейской территории России было подсчитано 19637625 лошадей [11, с. IX]. Большую долю конского поголовья составляли лошади крестьянских хозяйств (85,9 % от всего конского поголовья Европейской России), которых использовали для проведения сельскохозяйственных работ, осуществления отхожих промыслов (например, легкий и гужевой извоз в городе), транспортировки грузов между населенными пунктами и регионами, в строительстве и некоторых отраслях промышленности. Для крестьянина лошадь была одновременно необходимостью и роскошью, которую могла себе позволить не каждая крестьянская семья. Коневодство крестьянских хозяйств, как самое массовое, имело свои проблемы, требовавшие решения на государственном и региональном уровнях со стороны центральных ведомств, земств и общественных организаций.

Доминирование доли крестьянских лошадей в коневодческой отрасли Европейской России не являлось показателем благоприятного развития крестьянского коневодства. По данным переписи 1888 г., в 41 губернии Европейской России на один крестьянский двор приходилось 1,2 взрослой лошади, но в действительности, как отмечал отечественный животновод А. А. Армфельд, «из общего числа крестьянских дворов целых 29,4 % совершенно безлошадных и 28,3 % однолошадных, так что больше одной лошади имеют лишь 42,3 % дворов» [3, с. 2]. Ученый обратил внимание не только на численные показатели коневодческого хозяйства крестьян, но и на качественные, указывая на то, что «крестьянская лошадь слаба и мелка: из взрослых лошадей, вполне способных к тяжелым работам, в 41 губернии в среднем лишь 25,1 %, а из крестьянских лошадей от 1 аршина 14 вершков до 2 аршин 22,2 %, а выше 2 аршин 8,6 %. По переписи 1882 г., в 58 губерниях лошадей от 1 аршина 14 вершков до 2 аршин насчитывалось — 28,1 %, а выше 2 аршин — 11 %» [3, с. 2–3]. Таким образом, к концу XIX в. крестьянское коневодство только ухудшалось, состояние отрасли требовало серьезной модернизации с учетом потребностей сельского хозяйства как России в целом, так и отдельных регионов. Именно в данный период появляются первые работы о состоянии коневодства крестьянских хозяйств, заложившие фундамент для будущих серьезных исследований.

Историография крестьянского коневодства к настоящему моменту не рассматривалась в трудах отечественных исследователей. Исключение может составить публикация Д. А. Мельниковой, посвященная историографии коневодства Российской империи в отмеченный период. В ней проанализированы основные работы по истории коневодства, выделены основные формы данной отрасли, рассмотрены некоторые исследования по истории крестьянского коневодства, но без акцента на проблемах крестьянских хозяйств в вопросах обеспечения их лошадьми [15, с. 16–18].

Таким образом, несмотря на то что крестьянское хозяйство пореформенной России неоднократно анализировалось в работах отечественных

исследователей, изучению коневодства в системе крестьянского хозяйства уделялось не так много внимания, хотя именно коневодство зачастую было центральной отраслью крестьянского животноводства.

Целью настоящей статьи является анализ основных отечественных исследований по истории крестьянского коневодства в пореформенной России. Задачи исследования: определение главных особенностей работ по данной тематике в различные историографические периоды, выявление наиболее ярких представителей и самых обсуждаемых проблем отечественной историографии крестьянского коневодства Российской империи во второй половине XIX — начале XX в.

Досоветская историография

Историографию вопроса по принятой периодизации можно разделить на три основных периода: досоветский (в данном исследовании анализируются работы, изданные с последней четверти XIX в. до 1917 г.), советский (с 1917—1918 гг. до 1990 г.) и современный (с 1991 г. по настоящее время). Первые шаги по изучению истории крестьянского коневодческого хозяйства Российской империи были сделаны в последней четверти XIX в. — в период, когда крестьянское коневодство обратило на себя внимание в результате реформы 1861 г., оказавшей влияние на крестьянское хозяйство и на его отдельные отрасли, в том числе коневодство. Кроме того, важным фактором, повлиявшим на исследование крестьянского коневодства, стали первые военно-конские переписи, материалы которых послужили главным источником для анализа данной отрасли и позволили выявить основные проблемы и определить пути их решения. Досоветская историография в большей степени представлена публицистическими сочинениями и имеет для нас не только историографическое, но и источниковедческое значение. Авторами первых исследований стали чиновники, общественные деятели и лица, связанные с коневодческой отраслью, например коннозаводчики, ветеринары и животноводы. Работы данного периода можно условно разделить на несколько групп: исследования, основанные на результатах военно-конских переписей последней четверти XIX в. и территориально охватывающие в целом Европейскую Россию или ее отдельные регионы; аналитические работы о состоянии крестьянского коневодства и близких к нему отраслей.

В 1882 г. на территории Европейской России была проведена наиболее масштабная военно-конская перепись, по результатам которой Главное управление государственного коннозаводства (далее — ГУТК) с участием чиновников Министерства внутренних дел и Центрального статистического комитета выпустило статистическое издание с описанием состояния коневодческой отрасли каждой губернии, охваченной переписью [11]. Общий обзор состояния отрасли подготовил председатель Статистического совета П. П. Семенов, под руководством которого осуществлялась разработка материалов.

Аналізу были подвергнуты «отношение конского населения Европейской России к пространству», «пропорция лошадей в рабочем возрасте и пропорция жеребят», количество жеребцов, ростовые пока-

затели лошадей, распределение лошадей между владельческими и крестьянскими хозяйствами. Авторы сборника отмечали высокую долю безлошадных крестьянских дворов. В целом по Европейской России 27,5 % крестьянских дворов не имели лошадей. В разных регионах доля безлошадных хозяйств колебалась от 13,1 % до 50,8 % [11, с. XXIV]. Если в южных губерниях вместо лошадей в хозяйстве использовались волю, то для остальных регионов высокая доля безлошадных дворов создавала серьезную проблему для многих крестьянских семей. В качестве основной причины такой ситуации к концу XIX в. называли уменьшение наделов как следствие реформы 1861 г. [11, с. XXVI], еще одним фактором роста безлошадности выступала смена рода основной деятельности крестьянского населения в результате отмены крепостного права: увеличилась доля крестьян, занимавшихся неземледельческими промыслами [11, с. XXV]. Основная часть издания включала анализ результатов переписи по отдельным регионам с учетом ключевых факторов, оказывающих влияние на состояние крестьянского коневодства.

Наиболее масштабный анализ военно-конских переписей был проведен усилиями чиновника Главного штаба и ГУТК Дмитрия Николаевича Дубенского, который не только изучил состояние коневодческой отрасли благодаря полученным статистическим данным, но и сам участвовал в проведении переписей в ряде регионов Европейской России. В соавторстве с подполковником Главного штаба В. И. Марковым в 1894 и 1899 гг. он издал сборники законоположений по военно-конским переписям [18; 19]. В 1891 г. Д. Н. Дубенский выступил составителем первого серьезного анализа данных военно-конской переписи, проведенной на территории Европейской России в 1888 г. [6]. Он распределил исследованные регионы по 8 группам: Озерная область, Прибалтийские губернии, губернии Северо-западного пространства, Привислинский край, Юго-западный край, Малороссийские губернии, губернии Центрального Черноземного пространства (Воронежская, Калужская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская) и Московского промышленного пространства (Владимирская, Московская, Нижегородская, Смоленская, Тверская и Ярославская). Для каждой группы рассмотрено состояние коневодства по следующим вопросам: общие статистические данные, местные породы лошадей, государственные конные заводы и конюшни (если таковые действовали на территории региона), частные конные заводы, конская торговля и положение крестьянского коневодства, если в регионе данная отрасль была достаточно развита.

Благодаря систематизации статистического материала по региональному принципу Д. Н. Дубенскому удалось выделить природно-климатические и экономические факторы каждого региона, влиявшие на общее состояние коневодческой отрасли. В качестве основных причин упадка крестьянского коневодства он отмечал «непосильные работы... неудовлетворительное содержание и корм» [6, с. 26], размещение лошадей в зимнее время в холодных хлевах или даже просто во дворах, раннее употребление лошадей в работу [6, с. 43–44]. Немаловажным негативным фактором для северных и северо-западных губерний выступали особенности местности и климата — болота и сырость, приводившие к ранним болезням лошадей. Как и в предыдущем издании ГУТК, автор привел

подробные статистические сведения о доле безлошадных крестьянских дворов по всем рассмотренным регионам, отмечая, что реформа 1861 г. стала главным фактором в увеличении количества таких дворов к концу XIX в.

В 1903 г. Д. Н. Дубенским было издано второе исследование по результатам военно-конской переписи на рубеже XIX—XX вв. [7], анализ которых осуществлялся по принципу 1888 г. Отмечая положительную динамику в общем количестве конского поголовья Российской империи (по данным переписи 1888—1891 гг., в 58 губерниях России насчитывалось 20 388 327 лошадей, по результатам 1894, 1899 и 1900 гг. — 21 497 318 лошадей), он, как и ранее, акцентировал внимание на ключевых проблемах, влиявших на работоспособность крестьянских лошадей [7, с. LIII—LIV].

Таким образом, благодаря работам ГУГК и Д. Н. Дубенского на материале военно-конских переписей последней четверти XIX в. была дана наиболее полная характеристика в целом коневодческого хозяйства России, крестьянского коневодства и его проблем с учетом внешних природно-климатических и социально-экономических факторов на территории большинства губерний Российской империи в последней четверти XIX — начале XX в.

В тот же период времени были изданы труды по результатам переписей в отдельных губерниях России. В 1883 г. секретарь Киевского губернского статистического комитета В. Г. Мозговой подготовил работу о состоянии коневодства Киевской губернии по переписи 1882 г. [16]. Чиновник ГУГК П. Н. Лодыгин охарактеризовал состояние коневодства и коннозаводства Орловской губернии по данным переписи 1889—1891 гг. [12]. В 1904 г. усилиями Статистического отделения Казанской губернской земской управы были опубликованы результаты военно-конской переписи конца 1880-х гг. в Казанской губернии [10]. В целом данные исследования составлены по одному плану, в них представлена характеристика региональных особенностей крестьянского коневодства обозначенных губерний с учетом результатов военно-конских переписей, опубликованных в ранее упомянутых трудах.

А. А. Армфельд охарактеризовал крестьянское хозяйство на основе материалов конской переписи 1882 г. [3]. Отмечая ключевые проблемы отрасли, он выделил основные мероприятия ГУГК и региональных органов — земств для поддержания крестьянских хозяйств Вологодской, Вятской, Казанской, Нижегородской, Московской, Пензенской, Самарской, Харьковской, Херсонской губерний: деятельность земских случных конюшен, выставки лошадей и приплода, проведение испытаний, выдачу ссуд на покупку породистых жеребцов для хозяйства. Несмотря на широкий спектр мер, А. А. Армфельд отмечал: «...в большинстве случаев, за исключением разве благоприятных... результаты не оправдывали надежд», что объяснялось многими причинами: «отрывочностью, единичностью и кратковременностью мероприятий, чрезмерной их огульностью, т.е. недостаточным соображением с кормовыми и другими местными условиями, нецелесообразным выбором улучшающего материала» [3, с. 11]. Состояние крестьянских хозяйств и число крестьянских лошадей не позволяли единовременно решить все проблемы отрасли, а главным препятствием являлся недостаток кормовых

средств, что стесняло крестьянские хозяйства и не давало возможности улучшить крестьянское коневодство в количественном и качественном отношении.

Таким образом, военно-конские переписи стали полезным источником для изучения региональных особенностей коневодческой отрасли Российской империи к концу XIX — началу XX в. и позволили охарактеризовать коневодческое хозяйство крестьян многих регионов Европейской России.

В ряду региональных исследований необходимо также отметить работу ветеринара И. П. Попова, охарактеризовавшего условия содержания лошадей, зимнее и летнее кормление, воспитание молодняка. Он подчеркнул необходимость мероприятий для улучшения местного коневодства путем проведения региональных выставок и введения поощрительных мер за правильное воспитание жеребят [20, с. 15–16].

Попытки привлечь внимание общественности и государственных органов к проблемам отрасли предпринимались в публицистических работах [2; 17; 21; 31], докладах коннозаводческих съездов [29], различных заметках. Кроме того, специалисты, занимавшиеся проблемами коневодства, готовили программы мероприятий для улучшения крестьянской лошади [30]. Исследователи отмечали необходимость модернизации крестьянского коневодства с учетом региональных особенностей и нарастающих проблем, давали рекомендации при покупке рабочей лошади, приводили описание наиболее распространенных пород лошадей, используемых в крестьянских хозяйствах.

Изучение крестьянского коневодства в досоветский период только зарождалось, что подтверждается отсутствием серьезных дискуссий по проблемам данной отрасли. Главным преимуществом исследований этого периода является обширный статистический материал — результаты военно-конских переписей, используемых для анализа состояния крестьянского коневодства регионов европейской России. Вместе с тем региональные различия отрасли не позволяли авторам дать всестороннюю оценку крестьянского коневодства в рассматриваемый период. В целом на рубеже XIX—XX вв. авторы приходят к общему выводу о том, что крестьянское коневодство нуждается в серьезных преобразованиях с учетом потребностей и возможностей экономики России и регионов.

Советская историография

В советский период изучению крестьянского коневодства уделялось внимание в рамках исследований, посвященных крестьянским хозяйствам Европейской России в пореформенный период, чему способствовали общие тенденции советской историографии. Как и в досоветский период, территориальные рамки советских исследований охватывали всю европейскую территорию Российской империи (группу губерний) или сосредоточивались на отдельных регионах.

Среди ранних региональных исследований выделяется работа Н. В. Воробьева о коневодстве Курской губернии. Ее хронологические рамки охватывают период с 1882 по 1924 г., что позволяет проследить динамику состояния отрасли на рубеже веков. Данное исследование

интересно тем, что автор разделил изучаемую губернию на районы по количеству молодняка: не ремонтирующегося коневодства (менее 6 % молодняка), «саморемонтирующегося коневодства» (6–9 %), собственно-коневодческий (9–12 %) и промышленно-коневодческий (от 12–15 %) [5, с. 11]. Под ремонтирующимся коневодством Н. В. Воробьев подразумевал коневодческие хозяйства, которые могли самостоятельно в той или иной степени обновлять конское поголовье путем разведения молодняка.

Рассматривая в целом состояние сельского хозяйства Европейской России во второй половине XIX — начале XX в., исследователь аграрной истории С. М. Дубровский охарактеризовал состояние крестьянского коневодства в структуре животноводства. Он отмечал: «У бедняцких и середняцких масс животноводство сокращалось. <...> Убыль лошадей вызывалась прежде всего ухудшением положения... хозяйств, часто также изменением техники и условий производства в зажиточных хозяйствах» [8, с. 241–242]. Кроме того, постепенно происходил переход к разведению продуктивного скота, который мог давать не только навоз, но и молоко, масло и многое другое.

Особое место в советской историографии занимают труды А. М. Анфимова, который посвятил большую часть своих работ именно крестьянскому хозяйству Российской империи пореформенного периода. Рассматривая состояние крестьянского коневодства как один из наиболее важных элементов материально-производственной базы хозяйства крестьян [1, с. 135], Анфимов, как и предыдущие авторы, акцентировал внимание на анализе доли безлошадных крестьянских хозяйств к общему их числу по результатам анализа трех основных военно-конских переписей: 1882 г., 1888–1891 гг. и 1900–1905 гг. В целом в большинстве регионов Европейской России, по его мнению, наблюдалось сокращение числа лошадей. Например, в Киевской и Подольской губерниях доля безлошадных дворов составляла 50–60 %, в Бессарабской, Полтавской и Нижегородской — 30–40 %. Только в двух губерниях, Лифляндской и Смоленской, насчитывалось менее 10 % безлошадных дворов. А. М. Анфимов отмечал, что «в южных районах лошадей частично заменяли волы» [1, с. 136]. Увеличение числа безлошадных дворов вело к новым тенденциям в развитии крестьянских хозяйств: безлошадный крестьянин был вынужден нанимать лошадь для работы, что было возможно только «с одновременным наймом ее владельца». «Так родилась... неизвестная в других странах Европы управка душ — обработка земли с помощью наемного пахаря» [1, с. 136], что, в свою очередь, оказало влияние на дальнейшее развитие как крестьянских хозяйств, так и экономики России.

Самарский историк П. С. Кабытов, посвятивший много лет изучению истории Поволжья, особенно истории аграрных отношений, проанализировал состояние животноводства на рубеже XIX–XX вв. в Казанской, Самарской, Симбирской, Пензенской, Саратовской губерниях [9, с. 120–131]. «Вследствие неурожаев 90-х гг. XIX в., — отмечает П. С. Кабытов, — во всех губерниях Поволжья произошло сокращение количества лошадей» [9, с. 123]. В первые годы XX в., как отмечает автор на основе

анализа военно-конских переписей, наблюдался подъем в численности конского поголовья крестьянских хозяйств, но неурожаи 1906 и 1911 гг. снова привели к сокращению поголовья.

Подводя итог анализу советской историографии крестьянского хозяйства, важно отметить, что основные исследования по данному вопросу, как правило, были посвящены в целом развитию крестьянского хозяйства отдельных групп регионов на европейской территории Российской империи. В рамках этих работ советские исследователи анализировали состояние крестьянского коневодства по данным военно-конских переписей, проводившихся в конце XIX — начале XX в. В целом отмечался упадок крестьянского коневодства, вызванный экономическими изменениями, неурожаями и увеличением доли продуктивного скота в крестьянском животноводстве, позволявшего получать продукты питания, органические удобрения и другое сырье.

Современная историография

На современном этапе исследования вопроса появляются работы по истории крестьянского хозяйства отдельных губерний и деятельности отдельных центральных и региональных органов. В 2013 г. курский исследователь Е. Н. Самойлова защитила кандидатскую диссертацию «Коневодческое хозяйство Курской губернии во второй четверти XIX — начале XX в.» [23]. Используя широкий круг не опубликованных ранее архивных материалов и различных групп источников, она одна из первых в отечественной историографии проанализировала состояние основных форм коневодческой отрасли Курской губернии в обозначенный промежуток времени. Центральное место в работах Е. Н. Самойловой занимает ранний период деятельности Главного управления государственного коннозаводства — одного из специализированных ведомств, созданного в 1843 г. в системе государственного управления Российской империи XIX — начала XX в., главной функцией которого являлся контроль коневодческой отрасли и ее модернизация. Е. Н. Самойлова рассмотрела не только ранний период работы ГУГК, но и основные мероприятия, проводившиеся ведомством для коневодства Курской губернии, например работу случных конюшен (в том числе для крестьянского населения), а также состояние крестьянского коневодческого хозяйства региона [24; 25].

Деятельность земских случных конюшен коннозаводского ведомства в Таврической губернии рассматривается в статье крымского исследователя В. В. Бойко [4, с. 112 — 113]. Роль случных конюшен в улучшении коневодства Вятской губернии проанализировал М. А. Смирнов, уделивший основное внимание в своем исследовании организации конных испытаний в губернии для поощрения владельцев к улучшению условий разведения и воспитания лошадей [26].

Работа упомянутого коннозаводского ведомства не охватывала все отрасли коневодства Российской империи, основное внимание чиновники ГУГК уделяли улучшению частного коннозаводства — отрасли коневодства, занимающейся разведением породистых лошадей в специально созданных конных заводах [13, с. 38]. Хотя крестьянское коневод-

ство было самым массовым и важным для сельского хозяйства России, его проблемами ГУГК интересовалось не так основательно. В работах Д. А. Мельниковой нашли свое отражение отдельные вопросы улучшения крестьянского коневодства в деятельности коннозаводского ведомства: поощрение крестьян правильно разводить и выращивать молодое поколение для дальнейшего рационального использования в хозяйстве [13]; создание земских и заводских случных конюшен для получения приплода от казенных жеребцов и частных кобыл (основную массу частных кобыл, приведенных в конюшни, составляли крестьянские лошади) [14].

Таким образом, изучение деятельности коннозаводского ведомства для крестьянских хозяйств началось именно на современном этапе. Рассмотрены многие вопросы, касающиеся работы данного органа, но основное внимание в региональных исследованиях авторы уделяют деятельности земских случных конюшен, направленной на улучшение массового коневодства.

Среди других сюжетов, затронутых в современной историографии, важно отметить исследования региональных историков, анализирующих коневодство в системе крестьянских хозяйств отдельных губерний Европейской России. Н. П. Прокофьева проанализировала в целом состояние крестьянского хозяйства Симбирской губернии, отмечая, что в начале XX в. в регионе численность лошадей стала сокращаться по причине неурожая и, как следствие, увеличения затрат на содержание лошадей, несмотря на положительную динамику других губерний Поволжья [22, с. 178]. А. А. Соловьев исследовал состояние крестьянского коневодства Марийского края в конце XIX — начале XX в. на основе военно-конских и подворных переписей, анализируя которые автор пришел к выводам, что в данный период крестьянская лошадь «не только не улучшалась, но и продолжала вырождаться», а мероприятия центральных органов и земства не способствовали «формированию самостоятельной отрасли животноводства» [27, с. 53]. Негативное влияние модернизационных процессов конца XIX — начала XX в. для Тамбовской губернии и нехватку кормовой базы как причину сокращения конского поголовья для крестьянских хозяйств отметил в своем исследовании пензенский ученый А. Е. Ульянов, по мнению которого плотность конского поголовья региона к концу XIX в. только сокращалась, что усугублялось увеличением плотности населения [28, с. 81].

Современные исследователи продолжают тенденцию досоветских и советских авторов, изучая состояние крестьянского коневодства отдельных регионов Российской империи. Необходимо отметить, что в данных работах крестьянское коневодство рассматривается только в контексте крестьянского хозяйства того или иного региона в целом. К настоящему моменту в отечественной историографии отсутствует комплексное исследование состояния крестьянского коневодства Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. За пределами внимания отечественных авторов по-прежнему остаются регионы неевропейской России. Как и в предыдущие периоды, исследователи отмечают, что к концу XIX в. в большинстве регионов Европейской России наблюдалось

сокращение численности конского поголовья, вызванное рядом причин, среди которых особо выделяются дробление крестьянских хозяйств, увеличение численности населения, нехватка кормов и неурожай.

Заключение

Анализ историографии крестьянского коневодства России во второй половине XIX — начале XX в. показал, что к настоящему моменту отечественные исследователи рассмотрели различные аспекты данного вопроса. На протяжении всего периода разработки темы авторы концентрируются на исследовании состояния крестьянского коневодства в первую очередь отдельных регионов Европейской России. Досоветский период характеризуется отсутствием специальных исследований, проведенных профессиональными историками. Советская историография существенно расширила базу исторических исследований по истории как в целом крестьянского хозяйства, так и его отдельных отраслей, в частности коневодства, чему способствовала марксистская методология, направленная на исследование крестьянского хозяйства. Современные авторы продолжают исследовательские традиции предыдущих поколений и концентрируют свое внимание на региональных аспектах развития коневодческой отрасли Российской империи.

Дальнейшего изучения требует состояние коневодческой отрасли крестьянских хозяйств отдельных регионов, что позволит сравнить региональные особенности коневодства с учетом природно-климатических и социально-экономических факторов развития регионов и в целом России в обозначенный хронологический период. За пределами внимания отечественных исследователей остаются вопросы влияния деятельности центральных ведомств и региональных органов на улучшение коневодства в крестьянских хозяйствах отдельных регионов.

Список литературы

1. *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России 1881 — 1904 гг. М., 1980.
2. *Армфельд А. А.* Насущные потребности нашего коневодства. Улучшение и умножение крестьянского коневодства и создание ценной вывозной лошади. СПб., 1895.
3. *Армфельд А. А.* Улучшение крестьянских лошадей и увеличение числа их. СПб., 1894.
4. *Бойко В. В.* Развитие коневодства и коннозаводства в Таврической губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2013. №22 (165). С. 110 — 114.
5. *Воробьев Н. В.* Крестьянское коневодство Курской губернии: (Эволюция и районы за период 1882 — 1924 гг.): (14 фотогр. и 11 картогр.). Курск, 1927.
6. *Дубенский Д. Н.* Коневодство и перевозочные средства Европейской России: (по официальным данным военно-конской переписи 1888 г.) / сост. Дм. Дубенский. СПб., 1891.

7. *Дубенский Д. Н.* Коневые средства Европейской России: (Обследование современ. состояния коннозаводства и коневодства губерний Европ. России с ист. очерком) / сост. подполк. Дубенский; под ред. Ген. штаба ген.-м. Маркова. СПб., 1903.

8. *Дубровский С. М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.

9. *Кабытов П. С.* Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.) / науч. ред. Е. И. Медведев. Саратов, 1982.

10. *Коневодство в Казанской губернии* / Стат. отд-ние Казан. губ. зем. управы. Казань, 1904.

11. *Конская перепись 1882 года* / Гл. упр. гос. коннозаводства. СПб., 1884.

12. *Лодыгин П. Н.* Коннозаводство и коневодство в Орловской губернии: По офиц. и част. сведениям за 1889, 1890 и 1891 гг. СПб., 1893.

13. *Мельникова Д. А.* Деятельность Главного управления государственного коннозаводства по поддержке и улучшению частного коневодства в Российской империи (1843–1917 годы) // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2019. №4 (65). С. 32–40.

14. *Мельникова Д. А.* Земские и заводские случные конюшни Российской империи во второй четверти XIX – начале XX в. // Клио. 2018. №5 (137). С. 76–84.

15. *Мельникова Д. А.* История коневодства Российской империи во второй половине XIX – начале XX века в отечественной историографии // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2018. №3 (60). С. 13–23.

16. *Мозговой В. Г.* Коневодство Киевской губернии: По данным общ. переписи лошадей 1882 г. Киев, 1883.

17. *Павлов Н. А.* Записки землевладельца. Пг., 1915. Ч. 1. 1915.

18. *Полный сборник законоположений по военно-конской повинности (по закону 20 мая 1896 года) и военно-конской переписи (по закону 8 июня 1898 года): С прил. положения о военно-конском запасе и временных правил о приобретении повозок и упряжи от населения* / сост. Ген. штаба подполк. В. Марков и столонач. Гл. штаба Д. Дубенский. 4-е изд., перераб. согласно новым законоположениям. СПб., 1899.

19. *Полный сборник законоположений по военно-конской повинности и переписи: С прил. положения о военно-конском запасе и временных правил о приобретении повозок и упряжи от населения* / сост. Ген. штаба подполк. В. Марков и столонач. Гл. штаба Д. Дубенский. 3-е изд. СПб., 1894.

20. *Попов И. П.* Крестьянская лошадь в Казанской губернии. Казань, 1893.

21. *Постников В. Е.* Южнорусское крестьянское хозяйство. М., 1891.

22. *Прокофьева Н. П.* Особенности животноводства в крестьянских хозяйствах Российской империи в 1900–1914 гг. (по материалам Симбирской губернии) // Право и образование. 2012. №10. С. 177–180.

23. *Самойлова Е. Н.* Коневодческое хозяйство Курской губернии во второй четверти XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2013.

24. *Самойлова Е. Н.* Состояние коневодческого хозяйства Курской губернии в начале XX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. №2 (42). С. 52–57.

25. *Самойлова Е. Н.* Состояние крестьянского коневодства Курской губернии в 80-е гг. XIX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. №3-2 (19). С. 138–141.

26. Смирнов М. А. Конные состязания-испытания в Вятской губернии в XIX — начале XX века // Современные проблемы науки и образования. 2013. №5. С. 528.

27. Соловьев А. А. Крестьянское коневодство в Марийском крае в конце XIX — начале XX веков (по материалам Уржумского и Яранского уездов Вятской губернии) // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2015. Т. 1, №4 (4). С. 50—56.

28. Ульянов А. Е. Дворянское и крестьянское коневодство в Тамбовской губернии в конце XIX — начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. №12-3 (62). С. 178—181.

29. Урусов С. П. Крестьянское коневодство, его современное состояние и пути к улучшению // Труды Первого Всероссийского съезда коннозаводчиков 1910 года в Москве / сост. и ред. А. Ф. Мосолов. Т. 1. М., 1910. С. 3—19.

30. Холевинский А. С. Рабочая сельскохозяйственная лошадь: Способы улучшения. Выбор при покупке / Имп. С.-х. музей. СПб., 1914.

31. Широких И. О. Сельскохозяйственное коневодство в начале XX в. // Современные вопросы русского сельского хозяйства: к 50-летию юбилею И. А. Стебута. СПб., 1904. С. 263—283.

Об авторе

Дарья Андреевна Мельникова — канд. ист. наук, ст. преп., Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Россия.

E-mail: melnikova.da.a@gmail.com

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8552-4185>

D. A. Melnikova

PEASANT HORSE BREEDING IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19th — EARLY 20th CENTURY: THE HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

St. Petersburg State Agrarian University, Saint Petersburg, Russia

Received 26 October 2023

Accepted 21 January 2024

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-5

To cite this article: Melnikova D.A. 2023, Peasant horse breeding in the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th century: the historiographical aspect, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 72—83. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-5.

This study is an attempt at a historiographical analysis of research works into the history of peasant horse breeding in the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th century. The work delineates historiographical periods, identifies the focal points covered in the literature and outlines avenues for future exploration. Monographs, dissertations and research articles reporting findings on peasant horse breeding served as sources of the study. Pre-Soviet, Soviet and modern historiographical periods are distinguished. Although the first works

on the issue appeared in the pre-Soviet period, most were opinion pieces. In the Soviet period, the Marxist-Leninist ideology prompted historians to delve into the peasant economy. Yet, horse breeding by peasant farms was considered only in passing in works whose geographical scope extended to the entire territory of European Russia or groups of several regions. Modern historiography of the issue features studies emphasising the regional features of peasant horse breeding in provinces of the Russian Empire in the s period. However, the state of the peasant horse breeding economy in many provinces of Russia has received little scholarly attention in the country, alongside comparative analysis of peasant horse breeding across regions or exploration of how central departments, zemstvoos and public organisations contributed to the modernisation of the industry.

84

Keywords: horseless farms, historiography, peasant horse breeding, military horse censuses

The author

Dr Darya A. Melnikova, Assistant Professor, St. Petersburg State Agrarian University, Russia.

E-mail: melnikova.da.a@gmail.com

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8552-4185>

УДК 911.3, 332.1

А. В. Лялина

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ:
ЛОКАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА**

85

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 06.10.2023 г.

Принята к публикации 27.12.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-6

Для цитирования: Лялина А. В. Социально-экономическое развитие Калининградской области в новых условиях: локальная специфика // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №1. С. 85–106. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-6.

Современное социально-экономическое развитие российских регионов происходит в условиях противодействия распространению пандемии COVID-19 и нарастания геополитической напряженности в противостоянии России и Запада. Целью настоящей статьи стал анализ общих и специфических особенностей развития Калининградского полуэксклава в 2017–2022 гг. с учетом его пространственной неоднородности. С использованием полимасштабного подхода на основе данных Росстата и Калининградстата осуществлена оценка экономической и социальной динамики муниципальных образований, а также региона в целом относительно других сходных субъектов РФ. Выявлено, что ключевую негативную роль для развития области сыграла высокая открытость экономики и зависимость от импорта или транзита в целом ряде отраслей. Дополнительное значение в 2020 г. имела высокая доля «простых» услуг в структуре экономики, а в 2022 г. – запрет на ввоз в развитые страны отдельных видов продукции (в частности, металлургической отрасли). При этом локальные градиенты определялись в значительной степени как уровнем трансграничного взаимодействия, так и специализацией экономики муниципалитетов. В зоне риска в разные годы оказывались приморские округа, обслуживающие спрос туристов и мигрантов, округа, специализирующиеся на металлургии, мясо- и рыбопереработке, мебельном производстве. В целом в динамике развития социальной сферы региона прослеживается менее драматичное сокращение, чем в экономическом его развитии, что было достигнуто распределением социальных выплат населению. Однако, призванные поддержать население наиболее пострадавших в экономическом отношении территорий, они не оказали позитивного влияния на конвергенцию муниципалитетов области по доходам населения.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, промышленность, доходы населения, социальные выплаты, кризис, пандемия COVID-19, муниципалитеты, Калининградская область

Введение

Развитие российских регионов начиная с 2014 г. происходит под влиянием сильнейших вызовов глобального (мирового), национального и регионального масштабов, которые определяют трансформацию миропорядка, его устремление к полицентричности и поляризации, росту изоляционизма. Среди них военно-политическое и социально-экономическое противостояние Запада и России [8; 30], сопровождающееся санкционной войной [27; 29], нарушение глобальных цепочек добавленной стоимости под воздействием пандемии COVID-19 [28], что актуализировало критику глобализации и поддержку возвращения к национальному государству [21, с. 105]. С. В. Рязанцев и В. К. Левашов называют происходящие события «нарастающим хаосом» [24, с. 29], но более точно, на наш взгляд, описывает ситуацию А. Г. Дружинин, который формулирует новый концепт — геополитическая турбулентность. Под этим термином понимается «ситуационная характеристика перманентной (слабо прогнозируемой и лишь отчасти регулируемой) череды изменений как в целом глобального политического миропорядка, так и положения в нем конкретной страны и ее отдельных пространственных составляющих (регионов, крупных городских агломераций), причем изменений фиксируемых, существенных для социума и его структур, отражаемых в общественном сознании, воплощенных в научном дискурсе» [7, с. 8].

Россия, будучи одним из акторов происходящих изменений, существенно отреагировала на внешние вызовы. Так, индекс валового внутреннего продукта в России в кризисные периоды (2015, 2020, 2022 гг.) демонстрировал сокращение и колебался в пределах 97,3–98,0 %¹. Волатильность российских регионов при этом в 2020 г. (за 2022 г. данные недоступны, за 2015 г. — несопоставимы из-за изменения методики учета) достигала 21,6 п. п. (от 85,6 % в Ненецком автономном округе до 107,2 % в Мурманской области)².

Калининградская область, являющаяся российским полуэксклавом на Балтике и находящаяся на западных рубежах страны в окружении так называемых недружественных стран (стран ЕС и НАТО), долгие годы развивалась по модели «коридора развития» [1, с. 549], укрепляя хозяйственные и социальные связи с сопредельными странами и их регионами. С одной стороны, это способствовало социально-экономическому развитию региона, как в отраслевом плане (развивались туризм, транспорт и логистика [6; 25; 26]), так и в пространственном (периферия получала стимул к развитию в рамках программ приграничного сотрудничества [5, с. 30]). С другой стороны, это обусловило зависимость регио-

¹ *Индексы физического объема валового внутреннего продукта (в процентах к предыдущему году) 2012–2022 гг.* // Росстат. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s_1995-2022.xls (дата обращения: 20.09.2023).

² *Индексы физического объема валового регионального продукта и валовой добавленной стоимости по отраслям экономики 2017–2021 гг.* // Росстат. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_OKVED2_s_2016.xlsx (дата обращения: 20.09.2023).

нальной экономики от импорта и/или транзита товаров через территории сопредельных стран, что в нынешних условиях выступает одним из главных рисков для регионального развития. В связи с этим актуально изучить, насколько регион отличен от других субъектов РФ по специфике реагирования на внешние вызовы 2020 и 2022 гг. и каковы особенности его пространственного социально-экономического развития с учетом достаточно сложной (с точки зрения разнообразия) структуры административного устройства.

Таким образом, целью исследования стало обоснование общих и отличительных черт развития Калининградской области в 2017–2022 гг. относительно общей ситуации в стране и в ее отдельных, наиболее близких по ряду показателей к эксклаву регионах, с учетом неоднородности пространственного развития области. Выбор данного периода определяется переходом экономической статистики на ОКВЭД-2 в 2017 г.

Теоретические предпосылки

Основными вызовами для развития регионов в 2017–2022 гг. явились пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг. и начало Специальной военной операции (СВО) России на Украине в 2022 г., ознаменовавшее новый этап в санкционном и контрсанкционном противостоянии со странами Запада.

Воздействие пандемии COVID-19 на развитие российских регионов достаточно подробно изучалось отечественными учеными. С учетом полученных результатов [10; 14; 17; 19; 20] можно заключить, что на социально-экономическую динамику регионов в этот период оказали влияние следующие особенности. Во-первых, открытость региональной экономики, то есть вовлеченность в глобальные цепочки добавленной стоимости (прежде всего в нефтедобывающей отрасли и автомобильной промышленности), выступает риском для развития региона. Во-вторых, специализация экономики на производстве товаров длительного пользования (автомобили) оказывалась менее выгодной, чем на производстве товаров повседневного спроса. В-третьих, диверсификация региональной экономики, как правило, обеспечивает меньшую подверженность рискам. В-четвертых, сложность региональной экономики (а именно сферы услуг), тесно связанная с высоким качеством управления и человеческого капитала, инновационности экономики, способствовала большей устойчивости к рискам (например, в столичных регионах). В-пятых, малый бизнес, вопреки опасениям, оказался фактором, поддерживающим экономику регионов, благодаря своей повышенной гибкости и способности в кратчайшие сроки подстраиваться под текущие экономические условия. В-шестых, ситуация на рынках труда во многом была обусловлена институциональными мерами поддержки. Наконец, в-седьмых, реализация крупных инвестиционных проектов, начатых в предкризисный период, способна выступить одним из факторов положительной динамики развития региона в период кризиса.

Влияние на российские регионы изменения внешних условий в 2022 г. оказалось более ощутимым. Ученые сходятся во мнении, что наиболее пострадали те из них, экономика которых была наиболее вов-

лечена в глобальный рынок [9; 17]. При этом значение имели не только сами объемы внешней торговли, но и ее география. Специализация на подсанкционных отраслях — черной металлургии и производстве руды, автомобильной промышленности, добыче нефти и газа — также выступает важнейшим фактором отрицательной динамики [9; 11; 17]. Смягчающий эффект при этом характерен для сферы туризма вследствие роста внутреннего туризма, а также аграрного сектора ввиду сохраняющегося спроса на пищевую продукцию внутри и за пределами страны.

Применительно к проблематике нашего исследования интерес представляют также немногочисленные работы, учитывающие специфику пространственного развития регионов на локальном уровне в рассматриваемый период. Так, отмечалось, что крупнейшие города и агломерации в пандемию восстанавливались быстрее прочих, в том числе по причине наличия важнейших конкурентных преимуществ (например, интеллектуального капитала, высокой степени диверсификации экономики и др.) [10, с. 215; 14, с. 151; 18, с. 228; 19, с. 5]. На значимость отсутствия управленческих компетенций в отдаленных (северных) муниципалитетах указывают авторы коллективной монографии [22, с. 121]. В то же время в крупных городах следствием кризиса 2020 г. явился рост социального расслоения общества [18, с. 228]. Как на региональном, так и на муниципальном уровне территории, специализирующиеся на добыче полезных ископаемых, оказались в период пандемии в зоне риска [22, с. 122]. Негативным фактором для развития приграничных территорий Калининградской области стало закрытие границ, с одной стороны, и их периферийность — с другой [31, с. 347].

При этом на сегодняшний день влияние обоих кризисов на развитие Калининградского эксклава изучалось только в сопоставлении с другими субъектами РФ и осуществлялось по ограниченному набору показателей. А применительно к локальному уровню с акцентом на кризисные 2020 и 2022 гг. такое исследование проводится впервые.

Методы и материалы

В соответствии с обозначенной целью исследование потребовало применения полимасштабного подхода, чем обусловлена его двухчастная структура. В первой части осуществлено сопоставление и обоснование социально-экономической динамики развития Калининградской области и отдельных регионов европейской части России, наиболее схожих с эксклавым регионом по различным аспектам развития (табл. 1). При выборе субъектов РФ для анализа внимание обращалось на следующие характеристики регионов, оказавшие, согласно проведенным ранее исследованиям [9; 12; 16; 17], важнейшее влияние на их развитие в указанные кризисные годы: приграничное или приморское положение, специализация на автомобилестроении, высокая доля сферы услуг в экономике, высокая зависимость от импорта, повышенная доля малого и среднего предпринимательства (МСП) в экономике, высокий миграционный прирост населения, пониженный уровень доходов населения, повышенный уровень бедности.

Характеристика отдельных регионов РФ по некоторым чертам экономико-географического положения, экономики и социальной сферы

Регион РФ	Сектор границы	Выход к морю	Доля автопрома* в обрабатывающих производствах, 2020, %	Доля сферы услуг в экономике, 2018, %	Отношение импорта к ВВП, 2020, %	Доля МСП, %		ВВП, 2020, руб. на душу населения	Коэффициент сальдо миграции, 2021, ‰	Уровень бедности, 2021, %
						в структуре занятых, 2019	в ВВП, 2021			
Калининградская область	БП	+	46,3	66–68	90,30	33,5	34,4	530,0	15,72	13,4
Калужская область	–	–	34,2	58–60	76,67	27,3	23,3	558,2	22,50	8,9
Самарская область	–	–	35,9	62–64	10,19	26,6	24,0	505,1	2,60	11,7
Ленинградская область	БП	+	10,0	56–58	20,53	37,5	19,4	661,3	19,96	7,9
Смоленская область	ЗСП	–	3,8	62–64	38,50	24,8	32,5	386,3	1,54	14,3
Брянская область	ЗСП	–	20,4	64–66	17,64	20,4	28,1	347,2	0,77	13,0
Республика Крым	АЧП	+	4,2	64–66	0,57	н/д	33,1	270,4	6,50	16,2
Краснодарский край	АЧП	+	0,4	66–68	12,37	25,8	30,9	460,7	7,15	9,7
Среднее по РФ	–	–	10,0	65,2	17,70	25,6	21,6	640,5	2,95	11,0
Среднее по СЗФО	–	–	18,2	–	–	–	19,3	762,4	5,25	–

Примечание: БП – Балтийское побережье, ЗСП – Западное сухопутное побережье, АЧП – Азово-Черноморское побережье; *производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; производство прочих транспортных средств и оборудования; серым цветом выделены значения характеристик, наиболее близкие к Калининградской области.

Источники: [16]; ЕМИСС; Витрина статистических данных; Промышленное производство в России. 2021 : стат. сб. М., 2021 ; Доля МСП в ВВП (с 2019 г.) // Росстат. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Doliy_MSP_v_VRP.xlsx (дата обращения: 31.07.2022); Занимательность в МСП: далеко ли до целей Стратегии-2030? URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/analytics/about-issledovaniya/smb_22_july_2019.pdf (дата обращения: 31.07.2022).

Источником данных для осуществления межрегиональных сравнений стали статистические сборники и информационные ресурсы Росстата (ЕМИСС, Витрина статистических данных).

Во второй части исследования проведен анализ экономической и социальной динамики развития 22 муниципальных образований (МО) Калининградской области. Ставилась задача найти ответы на вопросы, насколько соотносятся колебания социальных и экономических показателей на уровне муниципалитетов и приводят ли эти колебания к конвергенции муниципалитетов области по доходам населения. Источником данных о процессах, происходящих на муниципальном уровне, стали ежегодные выпуски официальных статистических сборников Калининградстата, а также База данных показателей муниципальных образований Росстата (<https://www.gks.ru/dbscripts/munst/>). Для анализа финансовых показателей хозяйствующих субъектов использовались базы данных сайта Audit-it.ru (<https://www.audit-it.ru/>) и службы раскрытия информации «Интерфакс-ЦРКИ» (www.e-disclosure.ru).

Произведен расчет σ -конвергенции муниципальных образований региона по доходам с использованием данных Росстата об объемах социальных выплат (ОСВ) и налогооблагаемых денежных доходах населения (НДДН), которые представляют собой упрощенный аналог макроэкономического показателя денежных доходов населения.

Результаты исследования

Место Калининградской области среди регионов РФ

Экономическое развитие. Наибольшее влияние на экономическое развитие Калининградской области в рассматриваемый период оказал кризис 2022 г., когда доля региона в совокупном объеме произведенных в стране товаров, выполненных работ и услуг сократилась почти на треть по отношению к 2017 г. Негативное влияние оказало сокращение производства продукции обрабатывающих производств (максимальное среди рассматриваемых регионов), среди которых наиболее сильно пострадало автомобилестроение вследствие ухода с российского рынка ряда зарубежных компаний. Так, по данным Калининградстата, индекс производства продукции автомобилестроения в регионе в 2022 г. составил только 31 %. Ключевую роль сыграло свертывание производства автомобилей BMW, Hyundai, Genesis и KIA на местном предприятии ООО «Авто-тор-МАШ», на который, по данным Калининградстата, в 2021 г. приходилось около 40 % всей производимой продукции обрабатывающих производств региона. По этому показателю регион имеет схожую динамику с Калужской и Самарской областями, которые также специализируются на автопроме. Стоит, однако, отметить, что доля Калининградской области в промышленном производстве России сократилась более значительно, чем в указанных регионах, в том числе и главным образом по причине более глубокого падения индексов производства в регионе (рис. 1).

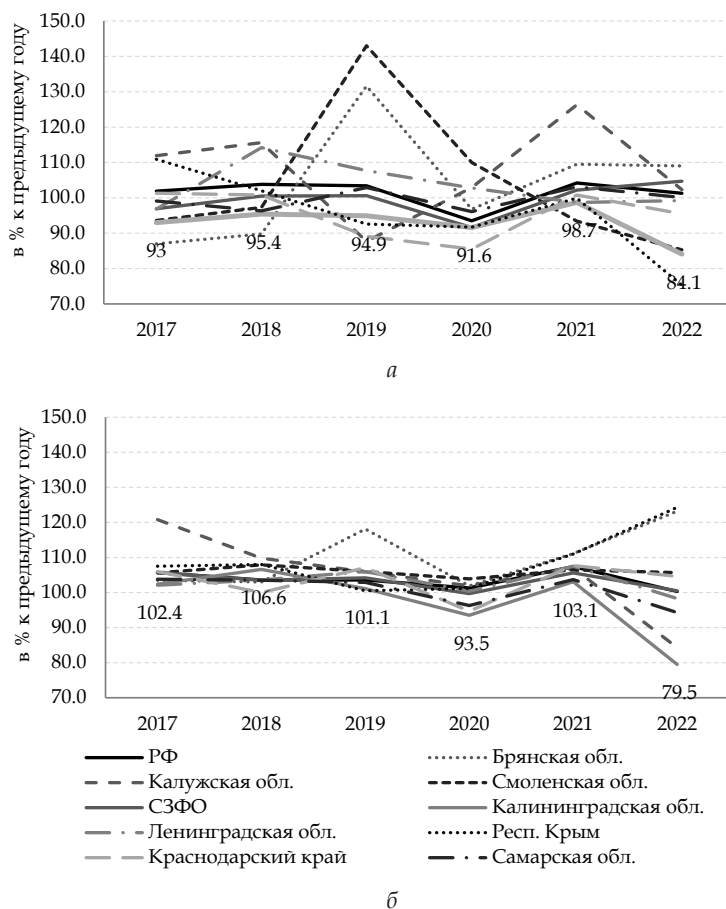

Рис. 1. Индекс промышленного производства:

а – добыча полезных ископаемых, б – обрабатывающие производства

Источник: Индекс производства (ОКВЭД2) // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57807> (дата обращения: 02.09.2023).

Другими значимыми по объему производимой продукции отраслями промышленности региона, попавшими «под удар» в 2022 г., стали добыча нефти и природного газа (по данным Калининградстата, индекс производства составил 89%), а также производство электроники (индекс 75%), готовых металлических изделий (81%) и мебели (55,1%). Впрочем, доля последних в промышленном производстве региона не превышает 2–3%.

При этом для импортозависимой Калининградской области с началом СВО России на Украине и новым витком санкционной политики со стороны западных стран более значимыми стали ограничения на импорт зарубежных комплектующих и готовой продукции и на трансграничную логистику, чем запрет на экспорт российской продукции, произведенной в Калининградской области, поскольку под запрет восьми

пакетов санкций в 2021 г. попадало только 20 % экспорта (и 66 % импорта) [23, с. 50], а сами объемы экспортируемой продукции не столь высоки, как по импорту. Кроме того, доля недружественных стран в структуре экспорта за последние пять лет значительно сократилась (с 82 % в 2014 г. до 57 % в 2021 г.).

Зависимость региональной экономики от автомобилестроения негативно сказалась на развитии региона и в период пандемии COVID-19 [12, с. 9]: индекс производства составил 76 % в 2020 г. Однако в 2020 г. ее влияние было «сглажено» ростом потребления, поддержавшим прежде всего пищевое производство, а также ростом тех производств, которые остались вне «ковидных» ограничений (для региона важную роль сыграли пищевая и химическая промышленность, производство электроники и лекарственных препаратов). Несмотря на это, спад в обрабатывающих производствах в 2020 г. в регионе был также максимальным среди рассматриваемых субъектов. Негативно сказалась нарушенная из-за закрытия границ и введенных в ряде стран локдаунов логистика на доставку комплектующих и готовых изделий. Близкой к эксклаву по показателям сокращения объемов обрабатывающего производства в этот период оказалась только Самарская область, также продемонстрировавшая ощутимый спад в автомобилестроении (по данным Самарстата, индекс производства в 2020 г. составил 83,9 %). При этом в Калужской области, несмотря на сокращение производства продукции автомобилестроения (по данным Калугастата, индекс в 2020 г. был равен 82,3 %), общий индекс по обрабатывающим производствам в 2020 г. остался выше 100 %.

Другой особенностью калининградской экономики, оказавшей влияние на развитие области в период пандемии COVID-19, стала повышенная доля сферы услуг и МСП (особенно в сфере торговли и услуг) в экономике. И если в период наиболее жестких «ковидных» ограничений 2020 г. регион оказался в зоне риска, что отражают данные Калининградстата о сокращении объемов розничной торговли (-1,1 п.п. к 2019 г.), общественного питания (-23,6 п.п.) и платных услуг (-14,1 п.п.), то в следующем, 2021 г. сфера услуг стала одним из драйверов экономики. Причина кроется в возросшей популярности области как туристического направления – в регион в 2021 г. прибыло рекордное число туристов (1,9 млн человек)¹ и мигрантов из других регионов России [2, с. 149]. Подобная ситуация в целом характерна для Краснодарского края, Республики Крым, Ленинградской области, которые в этот период также показали высокую привлекательность для внутренних мигрантов и туристов. При этом в 2022 г. даже существенно сократившееся сальдо миграции (-61 % к 2021 г.)² и, в меньшей степени, поток туристов (-5 %

¹ Турпоток в Калининградскую область в 2021 году вырос на 10 % по сравнению с 2019 годом // Интерфакс. Туризм. 2021. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/84202/> (дата обращения: 04.09.2023).

² Миграционное движение населения Калининградской области в 2011–2022 годах // Калининградстат. 2023. URL: [https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Миграционное%20движение\(1\).pdf](https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Миграционное%20движение(1).pdf) (дата обращения: 04.09.2023).

к 2021 г.)¹ позволили несколько «сжаться» только розничной торговле (главным образом непродовольственными товарами по причине ухода зарубежных брендов), а в остальных отраслях сферы услуг отмечался рост. Это позволяет предположить, что доходы населения оказались менее восприимчивыми к кризисным явлениям 2022 г.

Нетипично относительно других регионов страны складывалась ситуация в сфере строительства, в значительной степени обслуживающей спрос на недвижимость со стороны вновь прибывающего населения. Так, в 2020 г., несмотря на некоторое сокращение миграционного потока (97 % к 2019 г.), в регионе, по данным Росстата, отмечался «бум» жилищного строительства. Достигнутые в этот период рекордные темпы ввода жилья на уровне 1,3 тыс. м² на 1000 населения (6-е место в РФ в 2022 г.) сегодня отчасти не соответствуют сократившемуся спросу на рынке жилья (из-за снижения миграционной привлекательности региона и падения покупательной способности и доходов населения) и ведут к снижению цен.

Сельское хозяйство Калининградской области, чье значение для обеспечения продовольственной безопасности региона значительно возросло в рассматриваемый период [3, с. 425], развивалось более динамично, чем другие отрасли экономики (рис. 2). Регион продолжил наращивать собственное импортозамещающее производство в период пандемии COVID-19 [13, с. 14]. Основные вызовы в пандемийные годы, связанные с нехваткой рабочей силы, привлекаемой из-за рубежа, вследствие закрытия границ [15, с. 107], оказались не столь актуальными для области (в отличие, например, от южных аграрных регионов РФ) по причине низкой доли привлекаемых работников. Ключевую роль здесь сыграла более сбалансированная структура сельского хозяйства с пониженной долей растениеводства (52 % в Калининградской области против 72 % в Краснодарском крае), требующего, как правило, привлечения дополнительной рабочей силы в летний период. А стремительный рост производства продукции животноводства обеспечил общую позитивную динамику в сельском хозяйстве. Сложности в сфере логистики оказали также не столь заметное влияние. Напротив, на динамике производства сельскохозяйственной продукции положительно сказался дополнительный спрос в экономике, обусловленный притоком мигрантов и туристов в регион.

Развитие сельского хозяйства в 2022 г. испытывало влияние, с одной стороны, роста мировых цен на продукцию растениеводства, а с другой — сложностей с транспортировкой продукции, семян, удобрений, кормов и техники. Поэтому основной вклад в этот период внесло растениеводство, продукция которого активно поставляется на зарубежные рынки, преимущественно дружественных стран. Однако в других регионах преобладающего растениеводства рост оказался еще более заметным. На сектор животноводства региона негативным образом по-

¹ Калининградские власти считают успешными итоги турсезона в 2022 году // Интерфакс. Туризм. 2022. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/94303/> (дата обращения: 04.09.2023).

влияло подорожание кормов и их доставки в регион, что сказалось на сокращении поголовья скота¹ и менее заметном увеличении индекса производства.

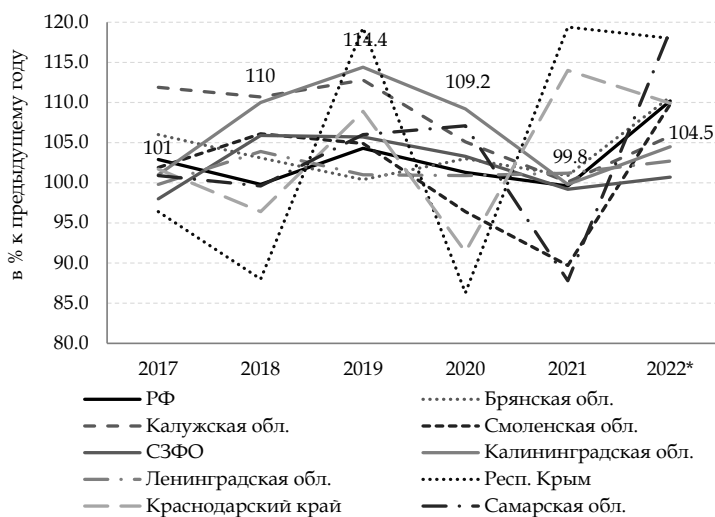

Рис. 2. Индекс сельскохозяйственного производства

Примечание: * — предварительные данные.

Источник: Индексы производства продукции сельского хозяйства (окончательные данные) с 2017 г. // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59001> (дата обращения: 05.09.2023) ; Индексы производства продукции сельского хозяйства (предварительные данные) // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/34127> (дата обращения: 05.09.2023).

Социальная сфера. Анализ показателей денежных доходов населения Калининградской области демонстрирует ухудшение уровня жизни жителей региона в целом, характерное для страны и ее регионов в рассматриваемый период (рис. 3). Из-за более ощутимого падения реальных денежных доходов, прежде всего в 2022 г., а также в «ковидный» период, разрыв уровня доходов населения области со средними значениями по РФ и СЗФО РФ в 2022 г. возрос на 5 и 7 п.п. соответственно (до 28 и 34 % относительно 2017 г.)². Причиной стала «ценовая» реакция рынка труда на кризис 2020 г., то есть снижение уровня заработной платы в кризисных отраслях [4, с. 26]. Дополнительную негативную роль сыграло сокращение доходов той части населения, которая была связана с трансграничной торговлей.

¹ Поголовье скота в хозяйствах всех категорий по Калининградской области // Калининградстат. 2023. URL: <https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Динамика%20поголовья%20скота%20в%20хоз.%20всех%20кат.%202023г.%20я-июнь.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).

² Среднедушевые денежные доходы населения // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57039> (дата обращения: 06.09.2023).

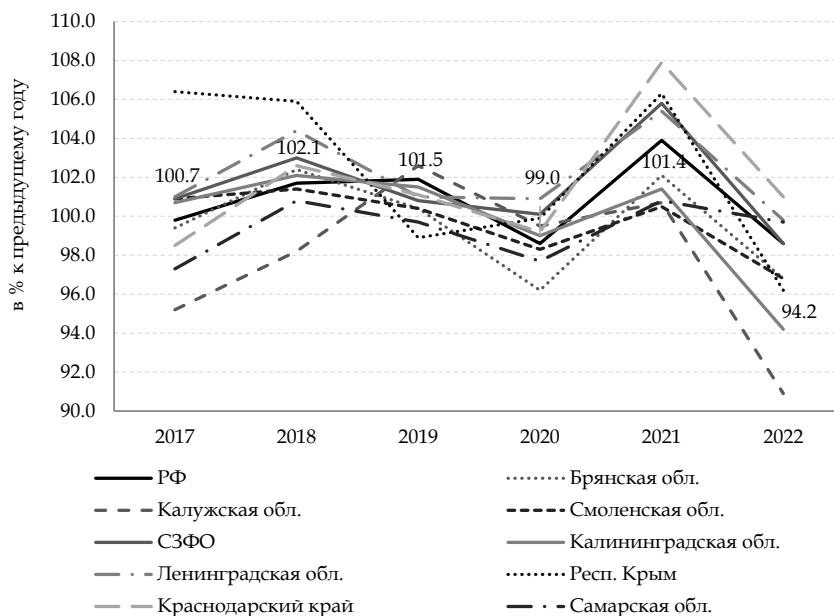

Рис. 3. Реальные денежные доходы населения

Источник: Реальные денежные доходы // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31422> (дата обращения: 06.09.2023).

В то же время данные о динамике реальной заработной платы работников организаций региона показывают относительно небольшое сокращение и в 2020, и в 2022 г. (рис. 4). Однако если в 2022 г., по данным Росстата, отрицательная динамика отмечалась в половине российских регионов и Калининградская область была в конце их списка, то в 2020 г. эксклав попал в число всего лишь двух субъектов-аутсайдеров.

Негативное влияние в 2020 г. оказало ошутимое падение оплаты труда работников торговли, гостиничного бизнеса и общепита, сферы недвижимости, транспорта, добычи полезных ископаемых¹, которое отчасти компенсировалось поддержкой со стороны государства работников бюджетной сферы и поддержкой крупными предприятиями своих сотрудников.

В отличие от пандемийного 2020 г., в 2022 г. наиболее пострадали работники обрабатывающих производств (реальная зарплата составила 98,7%) — их зарплата сокращалась быстрее зарплаты занятых в сфере услуг. Прежде всего снижение затронуло предприятия автомобилестроения (84,3%), мебельного (89,2%) и пищевого производства (96,1%). Однако ситуация на обрабатывающих производствах региона в целом оказалась несколько лучше, чем, например, в Калужской об-

¹ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) с 2017 г. // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57823> (дата обращения: 07.09.2023).

ласти, где сокращение затронуло больше производств, а само падение оказалось более заметным (93,8 %). Напротив, в Ленинградской области, для которой также характерно максимальное падение реальной заработной платы в автопроме, общая динамика по обрабатывающим производствам оказалась благоприятной (101,9 %), что объясняется более глубокой диверсификацией промышленных производств.

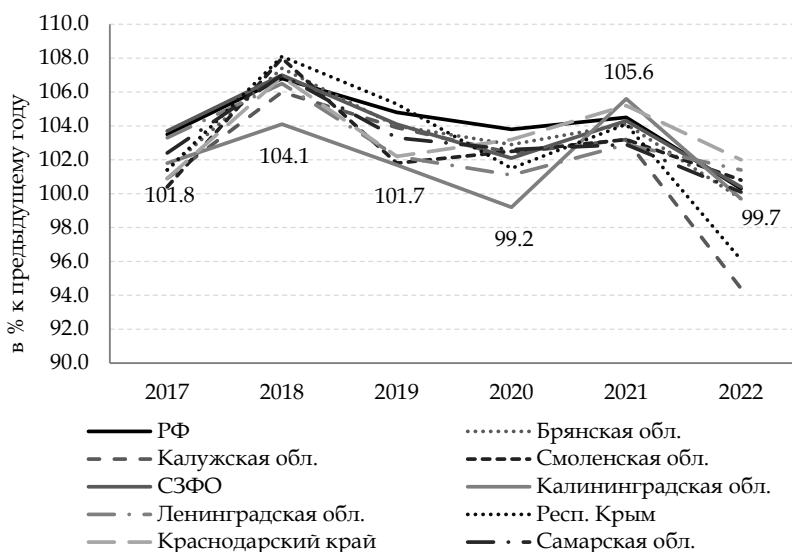

Рис. 4. Реальная начисленная заработная плата работников организаций

Источник: Реальная начисленная заработная плата в процентах к соответствующему периоду предыдущего года // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43245> (дата обращения: 07.09.2023).

Негативные тенденции в оплате труда в кризисные периоды были компенсированы подстройкой социальных выплат населению. Так, в Калининградской области индекс реального объема социальных выплат (ОСВ) в 2020 г. составил 109,7 % — это второе место среди рассмотренных субъектов РФ (рис. 5). Ведущую роль здесь сыграла поддержка семей с детьми, а также увеличение выплат пособия по безработице вследствие упрощения доступа к нему и повышения как его размера, так и числа получателей. Так, в Калининградской области, по данным Росстата, уровень официальной безработицы в 2020 г. вырос до 5,9 % (+34 % к 2019 г.).

В 2022 г., по мнению экспертов [9, с. 229; 17, с. 27], социальная поддержка граждан также увеличилась, но в среднем по стране расходы на социальную политику росли медленнее темпов инфляции [11, с. 54]. Преимущественно она была направлена на поддержку наименее защищенных лиц — пенсионеров, семей с детьми, а также военнослужащих и участников СВО России на Украине. Однако столь ошутимое падение реальных денежных доходов населения в регионе в этот период (94,2 %)

при чрезвычайно небольшом сжатии реальной заработной платы работников (99,7 %) свидетельствует о недостаточном уровне социальной финансовой поддержки населения, не позволяющем компенсировать рост цен в регионе.

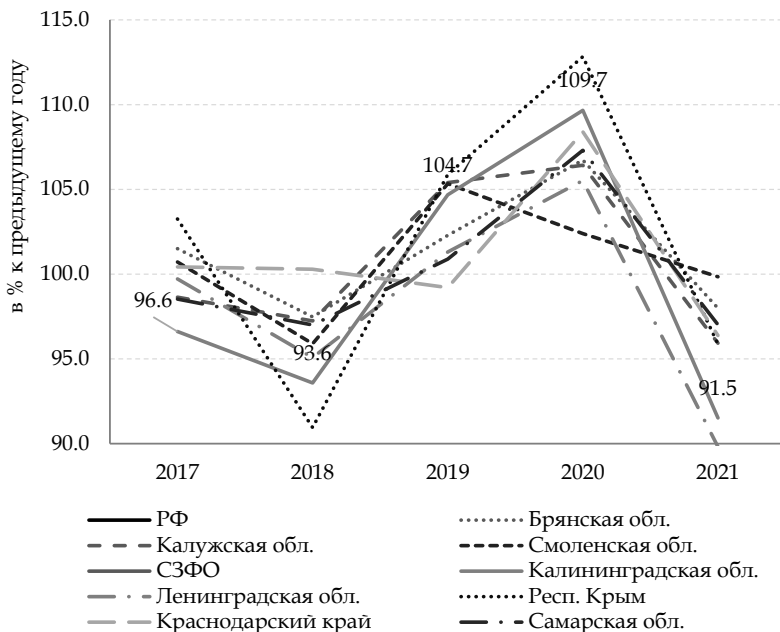

Рис. 5. Индекс реального ОСВ

Источники: Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения в разрезе муниципальных образований. Динамические ряды // Росстат. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_munst.htm (дата обращения: 07.09.2023) ; Индексы потребительских цен на товары и услуги // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31074> (дата обращения: 07.09.2023).

Социально-экономическая дифференциация муниципалитетов Калининградской области

Отмеченные закономерности социально-экономического развития Калининградской области по-разному проявлялись на муниципальном уровне.

Наблюдавшийся до 2017 г. тренд на конвергенцию доходов населения МО области сменился дивергенцией (рис. 6). Отклонение от среднего значения по муниципалитетам в 2021 г. относительно 2017 г. выросло в среднем в 2 раза. Более заметное влияние на это оказал неравномерный рост уровня оплаты труда на территории региона: в МО западной части области, более развитых и с более диверсифицированной экономикой, доходы росли быстрее, чем в восточных, менее развитых.

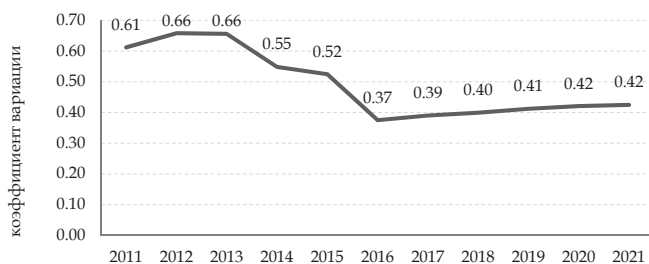

Рис. 6. σ -конвергенция среднедушевых доходов населения
МО Калининградской области

98

Источник: Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения в разрезе муниципальных образований. Динамические ряды // Росстат. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_munst.htm (дата обращения: 07.09.2023).

Социальные выплаты населению в 2020 г. в большинстве своем не учитывали эти диспропорции и лишь углубляли разрыв (рис. 7).

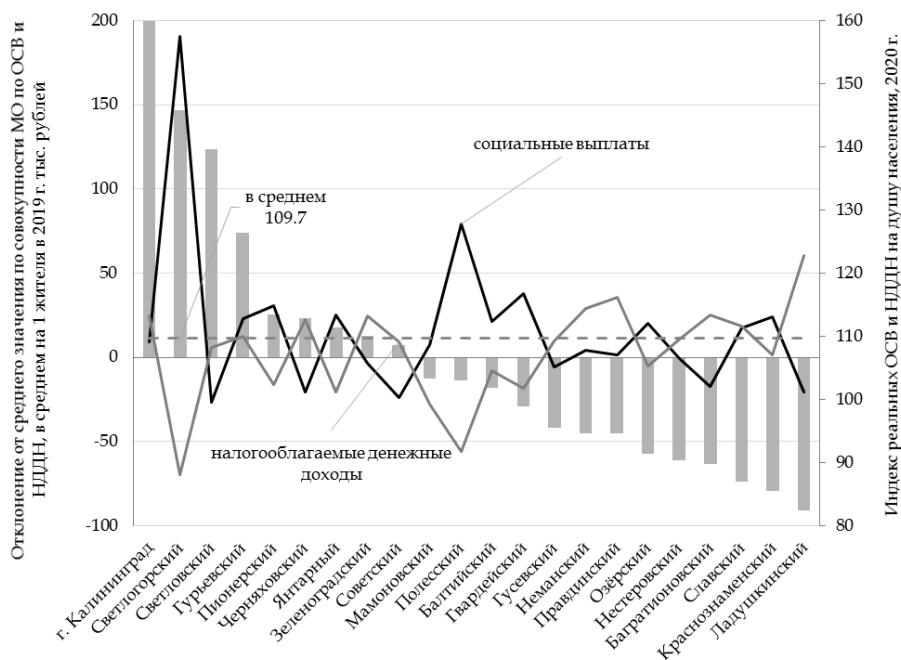

Рис. 7. Отклонение от среднего значения по совокупности МО по ОСВ и НДДН, в среднем на 1 жителя в 2019 г., тыс. рублей, и индекс реальных ОСВ и НДДН на душу населения, 2020 г.

Источник: Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения в разрезе муниципальных образований. Динамические ряды // Росстат. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_munst.htm (дата обращения: 07.09.2023).

В то же время распределение ОСВ по муниципалитетам области имеет довольно сильную обратную связь с динамикой реального размера НДДН. Коэффициент корреляции $-0,8$ свидетельствует о том, что социальная поддержка направлялась прежде всего в те МО, чья экономика больше всего пострадала.

Кроме того, очевидно, что значение имеет также размещение по территории области лиц — основных получателей социальной поддержки. Поэтому, заглядывая вперед в 2022 г., можно предположить, что, как и в 2020 г., вырастут ОСВ населению следующих МО: а) с повышенной долей пенсионеров (Ладушкинский, Пионерский, Светлогорский, Светловский, Янтарный, Неманский, Советский, Черняховский); б) с повышенной долей многодетных семей (Багратионовский, Краснознаменский, Неманский, Нестеровский, Озёрский, Правдинский, Славский). Отличием кризиса 2022 г. от кризиса 2020 г. станет смещение акцента с безработных на семьи военнослужащих и участников СВО России на Украине. В связи с этим в распределении ОСВ могут быть заметны округа со значимой долей военного контингента (Балтийский и Гвардейский).

Динамика реальной среднемесячной заработной платы показывает ее сокращение в 2020 г. в МО, специализация экономики которых оказалась в зоне наибольших рисков в пандемию COVID-19. Наиболее пострадали МО следующих типов:

— МО с высокой долей сферы услуг в структуре экономики, прежде всего торговли, общественного питания, операций с недвижимостью. Так, по данным Калининградстата, в туристско-рекреационном Светлогорском ГО индекс реальной заработной платы в 2020 г. составил 93 %, в гостиничном бизнесе и общепите — 93 %, торговле — 99 % при падении объемов общественного питания в 4 раза (в среднем по региону падение не превышало 25 %). В Гурьевском округе реальный размер заработной платы в гостиничном бизнесе и общепите составил 91 %, в Калининграде — 97 %;

— промышленные МО вследствие нарушения логистических цепочек: Гвардейский, Балтийский, Мамоновский округа. Здесь отрицательная динамика в обрабатывающих производствах отмечалась одновременно и в оплате труда, и в объемах отгрузки. Негативную роль в Гвардейском и Мамоновском округах сыграла специализация на переработке мяса и рыбы, для Балтийского округа ключевое значение имело судостроение и судоремонт.

В то же время в ряде случаев такая явная взаимосвязь динамики заработной платы и объемов производства не очевидна. Так, например, в Гурьевском округе при значительном (более 15 %) сокращении промышленного производства на обрабатывающих предприятиях реальная зарплата не падала. А при росте производства сельскохозяйственной продукции реальная заработная плата работников сельского хозяйства сократилась. Это свидетельствует о дополнительной поддержке предприятиями, прежде всего обрабатывающими, своих сотрудников в период кризиса, в том числе при содействии государства.

Обращаясь к анализу экономической динамики вне взаимосвязи с динамикой реальных заработных плат, можно отметить сокращение вследствие повышенной подверженности рискам в 2020 г. в следующих МО:

– с экономикой, существенно зависящей от внешних поставок [3] (например, Гусевский ГО с ориентацией на производство бытовой электроники);

– находящихся на границе порубежья с Польшей, вовлеченных в торговлю зарубежными товарами (так, в Мамоновском ГО и соседнем Багратионовском округе оборот розничной торговли в 2020 г. сократился почти в 2 раза, тогда как в среднем по региону – лишь на 2 %);

– периферийных, имеющих слабо диверсифицированную экономику, специализирующихся на добыче нефти (Краснознаменский округ, где индекс отгрузки составил 53 % от значений 2019 г.);

– на территории которых находились компании с иностранным капиталом, которые обанкротились (например, Неманский округ, где в 2020 г. обанкротилась крупная фабрика обоев ООО «Индустриальный парк Акулово» с учредителем из Великобритании);

– городских округах, сельские территории в составе которых невелики и по размерам, и по числу жителей [13, с. 50], а также в Гусевском ГО, где наблюдалось сокращение объемов сельскохозяйственного производства.

Фактором повышения устойчивости в пандемию COVID-19 (2020 – 2021) стал рост популярности калининградских МО среди туристов и мигрантов из других регионов РФ, что поддержало отрасли, ориентированные на обслуживание спроса со стороны вновь прибывшего населения: менее зависимое от поставок извне пищевое производство (например, молочное), строительство, гостиничный бизнес и общественное питание (в 2021 г.). Ярким примером здесь может служить Полесский округ, где реальная средняя зарплата в 2020 г. выросла до 108 %, а на обрабатывающих производствах (основу которых составляет пищевая промышленность) – до 200 % при индексе отгрузки 181 %. В приморских курортах региона, областном центре и его пригородах отмечался стремительный рост объемов жилищного строительства и цен на него. Так, прирост общей площади жилых помещений, по данным Калининградстата, в Зеленоградском МО в 2022 г. относительно конца 2017 г. составил 148 %, в Гурьевском МО – 131 %, в Светлогорском ГО – 120 %, в Калининграде и Пионерском – 114 %.

Дополнительным конкурентным преимуществом стала специализация на отраслях «роста» в период пандемии COVID-19 (например, фармпроизводство в Багратионовском МО) и менее подверженных «ковидным» ограничениям (сельское хозяйство в Правдинском и Славском округах).

Последствия 2022 г. оказались более значимыми для МО области, чем влияние пандемии 2020 г. Специфика этого кризиса заключалась в следующем.

Во-первых, снижение реальной заработной платы оказалось более масштабным, чем сокращение объемов производства (рис. 8). По сравнению с 2020 г. в два раза выросло число округов, где реальная заработная плата сократилась. Глубже стало и само падение. Фактически небольшое увеличение (индекс реальной заработной платы в 2022 г. составил 102–105 %) продемонстрировали только Гвардейский, Черняховский, Светловский и Ладушкинский округа, и более ошутимое – Краснозна-

менский (117 %). В последнем рост был сопряжен с резким ростом оплаты труда занятых административной деятельностью, деятельностью в области информации и связи, строительством.

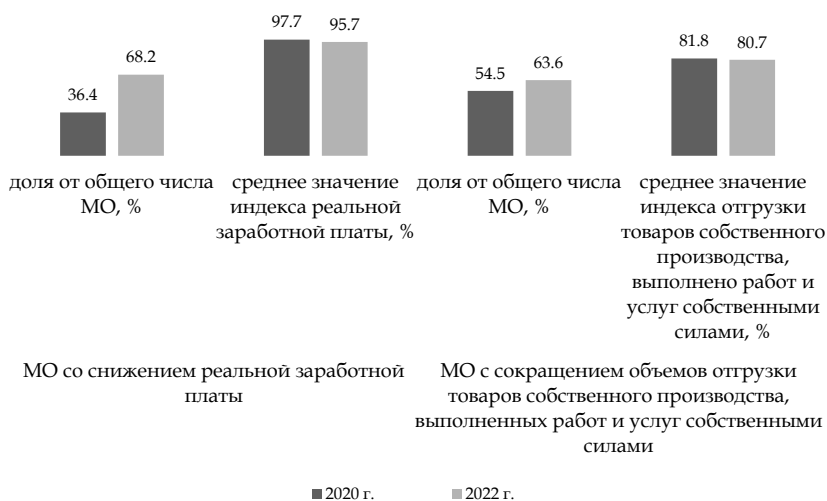

Рис. 8. Характеристика муниципальных образований с негативной динамикой реальной заработной платы и объемов отгрузки товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами

Источник: База данных показателей муниципальных образований // Росстат. 2023. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 26.09.2023).

При этом самым масштабным по количеству охваченных МО стало сокращение реальной заработной платы в торговле (здесь рост фиксировался только в приморских, наиболее привлекательных для туристов курортах — Светлогорском и Пионерском) в результате как снижения спроса на товары (главным образом в областном центре) из-за сокращения доходов населения, так и роста цен на них. Самым глубоким оказался спад на обрабатывающих производствах (индекс составил 92 %), в сельском и лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве (92 %).

В то же время очевидно, что спад реальной заработной платы в муниципалитетах области в значительной степени компенсировался социальными выплатами населению, поскольку объемы розничной торговли повсеместно росли (кроме Калининграда и Багратионовского округа).

Во-вторых, сокращение объемов отгрузки товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами также затронуло большее число МО области (14 против 12 в 2020 г.). Несколько изменился и состав наиболее пострадавших МО:

- реализующие продукцию, попавшую под санкции (металлургия) — Гвардейский, Гурьевский, Черняховский округа, Калининград;
- на территории которых действовали предприятия с иностранным капиталом (например, в области деревообработки — Гвардейский МО, в автомобилестроении — Калининград);

- экспортирующие продукцию в западные страны (например, продукцию мебельной промышленности — Калининград, Светловский округ);
- предприятия которых зависели от внешних поставок (в мясо- и рыбопереработке, мебельной промышленности — Калининград, в судостроении и судоремонте — Балтийский округ);
- с высокой долей транспортных и логистических компаний, осуществляющих международные автомобильные грузоперевозки (Калининград, Гурьевский округ).

Выводы

102

Развитие Калининградской области в 2017—2020 гг. в целом соответствовало описанным ранее особенностям воздействия кризисов 2020 и 2022 гг. на российские регионы. Негативную роль во время этих двух кризисов сыграла открытость калининградской экономики и ее зависимость от импорта из недружественных стран и транзита через территорию Литвы. При этом приграничные муниципалитеты в 2020 г. оказались более восприимчивыми к ограничениям, связанным с пересечением границ, чем внутренние. Организациям региона пришлось срочно перестраиваться под новые реалии, а властям — продемонстрировать навыки кризисного управления регионом. Повышенная доля МСП, которая в период кризиса пандемии изначально рассматривалась как риск устойчивому развитию [32, р. 77], впоследствии позволила более гибко адаптироваться к стремительно меняющимся условиям (притоку туристов и мигрантов, росту спроса на импортозамещенные товары).

Помимо автопрома, чья уязвимость в период кризисов описана выше, еще одной «болевым точкой» в кризис 2020 г. для отдельных территорий региона стала переработка мяса и рыбы, зависимость которой от внешних поставок остается высокой. И если областной центр с более диверсифицированной экономикой смог преодолеть последствия сокращения объемов автомобильного производства, то небольшие округа со специализацией на производстве мясной и рыбной продукции продемонстрировали глубокое падение.

Узкая специализация вызвала трудности и для приморских курортов — здесь сокращались объемы оборота и заработная плата работников в гостиничном бизнесе и на предприятиях общественного питания. Однако в последующем эта же специализация обеспечила развитие данных МО.

Специализация на отраслях, менее подверженных влиянию кризиса 2020 г., например на сельском хозяйстве (Полесский округ), фармпроизводстве (Багратионовский округ) или строительстве (в Калининградской агломерации), стала фактором развития.

Кризис 2022 г. сказался на динамике развития региона острее: в $\frac{2}{3}$ МО отмечалось сокращение реальной заработной платы на фоне отрицательной динамики экономических показателей. Самое глубокое падение зафиксировано, как и в других регионах РФ, в центре Калининградской агломерации с полумиллионным населением — г. Калининграде, концентрирующем на своей территории предприятия, на которых в

наибольшей степени отразились санкционное воздействие со стороны западных стран (металлургия), отказ от сотрудничества (автопром), сложности с логистикой (мебельная промышленность, мясо- и рыбопереработка), ограничения на пересечение границы (автомобильные грузоперевозки).

В то же время фактором, повышающим устойчивость региона к кризисам 2020 и 2022 гг., стали высокий человеческий потенциал и инвестиции, прежде всего из федерального бюджета в связи с высокой геостратегической значимостью региона.

«Сглаживающий» эффект в 2022 г. в большей степени, чем в 2020 г., оказали, судя по всему¹, и социальные выплаты населению, которые поддержали потребительский спрос в первую очередь на товары повседневного потребления, о чем свидетельствует положительная динамика в торговле. На растущих объемах жилищного строительства в основном сказался спрос со стороны вновь прибывающего населения и продление программ льготной ипотеки.

Произошедшие изменения в экономике не способствовали конвергенции МО области по доходам населения, несмотря на то, что социальные выплаты направлялись наиболее пострадавшим в кризисные периоды МО. По этой причине существуют опасения относительно дальнейшего ухудшения социально-экономической ситуации в регионе в связи с увеличением расслоения его населения и рисками нарастания социальной напряженности в обществе.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Список литературы

1. Анохин А. А., Федоров Г. М. О формировании регионов — международных коридоров развития в западном порубежье России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2019. № 64 (4). С. 545–558. doi: <https://doi.org/10.21638/spbu07.2019.403>.
2. Волошенко К. Ю., Лялина А. В., Фарафонова Ю. Ю., Новикова А. А. Профессиональные факторы и механизмы привлечения в Калининградскую область мигрантов из регионов России // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 1. С. 143–165. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.143-165>.
3. Волошенко К. Ю., Морачевская К. А., Новикова А. А. и др. Трансформация продовольственной самообеспеченности Калининградской области в условиях внешних вызовов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2022. № 67 (3). С. 409–430. doi: <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.302>.
4. Гимпельсон В. Е. Зарплата и потоки на российском рынке труда в условиях ковида. М., 2021.

¹ На момент подготовки статьи данные об ОСВ и НДДН в 2022 г. не были опубликованы.

5. Гончарова Ю. В. О тенденциях развития приграничного сотрудничества в Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2019. №2. С. 23–34.
6. Гуменюк И. С., Студжиницки Т. Транспортные связи и перспективы их развития между приграничными воеводствами Республики Польша и Калининградской областью Российской Федерации // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №2. С. 114–132.
7. Дружинин А. Г. Геополитическая турбулентность и ее экономико-географические проекции (на примере Западного побережья России) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2020. №2. С. 5–15.
8. Залиханов М. Ч. Россия и запад: Глобальные вызовы и проблемы // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2019. №1. С. 5–22.
9. Зубаревич Н. В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. №3 (55). С. 226–234. doi: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-15.
10. Зубаревич Н. В. Регионы России в период пандемии: социально-экономическая динамика и доходы бюджетов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. №3 (51). С. 208–218. doi: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-10.
11. Зубаревич Н. В., Землянский Д. Ю. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации в 2022 г.: основные тенденции // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30, №3. С. 47–54.
12. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. 2020. №2 (68). С. 4–17. doi: 10.5922/1994-5280-2020-2-1.
13. Калининградское село в начале XXI века: производство, расселение, социальные инновации : монография / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2022.
14. Коломак Е. А. Экономические последствия COVID-19 для регионов России // ЭКО. 2020. №12 (558). С. 143–153.
15. Красинец Е. С. Международная трудовая миграция в развитии современной России // Народонаселение. 2022. Т. 25, №2. С. 104–115. doi: 10.19181/population.2021.24.3.9.
16. Кузнецова О. В. Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // Федерализм. 2020. №2. С. 20–38.
17. Кузнецова О. В. Новые закономерности в современной динамике социально-экономического развития регионов России // Региональные исследования. 2023. №1. С. 19–30. doi: 10.5922/1994-5280-2023-1-2.
18. Кузнецова О. В. Пространственное развитие в постковидный период: новые вызовы или старые проблемы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. №3 (51). С. 226–232.
19. Кузнецова О. В. Трансформация пространственной структуры экономики в кризисные и посткризисные периоды // Регион: экономика и социология. 2022. №2 (114). С. 33–57.
20. Кузнецова О. В., Бабкин Р. А. Отраслевая структура экономики российских регионов как фактор их развития в 2020 г. // Федерализм. 2021. Т. 26, №3 (103). С. 5–28. doi: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-3-5-28>.

21. Лебедева М. М. Влияние пандемии COVID-19 на мировую политику // Вестник МГИМО. 2022. №15 (1). С. 92–110. doi: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-92-110

22. Муниципальные образования северных регионов Российской Федерации в период пандемии: результаты социологического опроса и статистических исследований / Г. В. Кобылинская, С. В. Федосеев, Д. Л. Кондратович, Т. И. Барашева ; под науч. ред. Г. В. Кобылинской, С. В. Федосеева. Апатиты, 2022.

23. Реструктуризация внешних торговых связей Калининградской области (2014–2022) : информационно-аналитический доклад / Г. М. Федоров, А. А. Новикова. Калининград, 2023.

24. Рязанцев С. В., Левашов В. К. Последствия пандемии COVID-19 для общества: политический, социально-экономический и демографический аспекты // Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие : монография / под ред. А. В. Торкунова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова [и др.]. М., 2021. С. 29–42.

25. Себенцов А. Б., Колосов В. А., Зотова М. В. Туризм и приграничное сотрудничество в Калининградской области // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2016. №4. С. 64–72.

26. Федоров Г. М. Калининградская область: приграничное приморское положение как географический фактор развития экономики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2018. №4. С. 5–17.

27. Федюнина А. А., Симачев Ю. В. Всегда ли международные санкции достигают своей цели? Ограничения санкционной политики // ЭКО. 2023. Т. 53, №7. С. 95–107.

28. Федюнина А. А., Симачев Ю. В., Кузык М. Г. Россия в ГЦСС до и после пандемии COVID-19: Накопленный опыт участия в цепочках, долгосрочные вызовы и следствия для политики // Мир после пандемии: глобальные вызовы и перспективы развития. М., 2022. (Мировое развитие ; вып. 23). С. 7–18.

29. Чанышев Р. Н., Исанов И. Э. Феномен «санкционной войны» в системе современных международных отношений // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, №4 (29). С. 29–29. doi: <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-4-29-29>.

30. Шарков Ф. И. Эскалация коллективным Западом конфликта с Россией: информационные истоки и динамика развития // Коммуникология : электрон. науч. журн. 2022. Т. 7, №1. С. 8–17.

31. Lialina A. V., Morachevskaya K. A. Economic Access to Food and COVID-19: New Challenges for the Russian Exclave // Regional Research of Russia. 2022. Vol. 12 (3). P. 335–349.

32. Yemelyanova L. L., Lyalina A. V. The labour market of Russia's Kaliningrad exclave amid COVID-19 // Baltic region. 2020. Vol. 12 (4). P. 61–82. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-4.

Об авторе

Анна Валентиновна Лялина – канд. геогр. наук, науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

A. V. Lialina

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE KALININGRAD REGION IN NEW CONDITIONS: LOCAL SPECIFICS

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 6 October 2023

Accepted 27 December 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-6

106

To cite this article: Lialina A. V. 2024, Social and economic development of the Kaliningrad region in new conditions: local specifics, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 85–106. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-6.

In recent years, social and economic development has been taking place in Russian regions amidst efforts to counter the spread of the COVID-19 pandemic and the growing geopolitical confrontation between Russia and the West. This article aims to analyse the general and specific features in the development of the Kaliningrad semi-exclave between 2017 and 2022 while considering the territory's spatial heterogeneity. By employing a multi-scale approach and utilising data from Rosstat and Kaliningradstat, an evaluation is carried out of the economic and social dynamics of the region's municipalities and the region as a whole, compared to the country's similar territories. It is concluded that the region's high economic openness and reliance on imports and transit in various industries had a distinctly negative effect on its development. In 2020, the major aggravating factor was the substantial proportion of 'simple' services in the structure of the economy, while in 2022, the ban on the imports of certain types of products into developed countries, particularly those of the metal industry, exacerbated the situation. Local gradients were predominately accounted for by the level of cross-border interactions and the specialisation of municipal economies. In different years, districts at risk included coastal ones catering for the demand from tourists and migrants and those specialising in the metal industry, meat and fish processing and furniture production. In general, the region's social dynamics show a less dramatic decline than the economic dynamics, primarily due to the distribution of social payments to the population. While intended to support the population in the most economically affected areas, these measures did not yield a positive impact on the income convergence among the region's municipalities.

Keywords: socioeconomic development, manufacturing, income, social payments, crisis, COVID-19 pandemic, municipalities, Kaliningrad region

The author

Dr Anna V. Lialina, Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

Г. К. Сугаков

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СТРАН ПРИБАЛТИКИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРЕСОВ ЕС И РОССИИ

Центр глобальных и стратегических исследований, Институт Африки
Российской академии наук, Москва, Россия

Поступила в редакцию 30.10.2023 г.

Принята к публикации 27.12.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-7

107

Для цитирования: Сугаков Г. К. Миграционная политика стран Прибалтики в контексте интересов ЕС и России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №1. С. 106 – 116. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-7.

В условиях европейского миграционного кризиса особую актуальность приобретают исследования миграционной политики, в том числе соседних для России стран Прибалтики (Литвы, Латвии, Эстонии). Целью статьи стало выявление основных черт этой политики как с точки зрения отечественных интересов, так и для ЕС, членами которого являются указанные страны. Для этого впервые предпринят сравнительный анализ стратегических документов Прибалтийских стран на 2020-е гг. в данной сфере: «Стратегии по демографии, миграции и интеграции на 2018 – 2030 гг.» (Литва), «Принципов развития сплоченного и граждански активного общества на 2021 – 2027 гг.» (Латвия), стратегии «Сплоченная Эстония 2021 – 2030». Сделан вывод о том, что миграционная политика этих государств не отвечает ни интересам ЕС (смягчение последствий миграционного кризиса, прежде всего связанного с беженцами из стран Африки и Ближнего Востока), ни интересам России (в отношении русскоязычного населения на их территории).

Ключевые слова: миграционная политика, миграционный кризис, интеграция мигрантов, страны Прибалтики, транзитный регион, лимитроф

Введение

Анализ миграционной политики сопредельных государств является важной задачей в рамках формирования собственных стратегий. В случае стран Прибалтики (Литвы, Латвии, Эстонии) особое внимание этому вопросу могут уделять их западные соседи – другие страны Европейского союза (ЕС), а также Россия. При этом оценки этой политики со стороны России и ЕС, очевидно, будут исходить из разных позиций.

Что касается ЕС, то одной из важнейших социально-экономических и политических проблем для объединения стал миграционный кризис,

начавшийся с 2010 г. Согласно некоторым расчетам, в конце 2016 — начале 2017 г., то есть по окончании острой фазы кризиса, в Европе находилось около 3,6 млн беженцев и искателей убежища [3, с. 59]. Как известно, в наибольшей степени от последствий кризиса пострадали ведущие экономики макрорегиона, привлекающие мигрантов (беженцев) как новое место жительства, в частности Франция и Германия. Являющиеся членами ЕС с 2004 г. Литва, Латвия и Эстония в меньшей степени столкнулись с прямыми последствиями миграционного кризиса, однако в теории могли бы сыграть существенную роль в смягчении его негативных последствий для организации в целом (в случае реализации соответствующей миграционной политики).

С точки зрения интересов России миграционная политика стран Прибалтики должна в первую очередь не носить дискриминационного характера для русскоязычного населения — как граждан РФ, так и граждан этих стран, в связи с чем отслеживание данных процессов и перспектив их развития в ближайшие годы составляет важную задачу.

Таким образом, целью статьи является оценка миграционной политики Литвы, Латвии и Эстонии с точки зрения интересов России (защита русскоязычного населения) и ЕС (потенциальное смягчение последствий миграционного кризиса и перераспределение в эти страны мигрантов из Африки и Ближнего Востока). Данный подход (то есть рассмотрение миграционной политики с точки зрения стран-соседей) обусловлен ролью лимитрофа, которой придерживаются страны Прибалтики, де-факто выступая буферной зоной между вышеупомянутыми акторами — Россией и ЕС.

Согласно гипотезе работы, миграционная политика Литвы, Латвии и Эстонии, несмотря на их зависимое положение, не отвечает интересам ни ЕС, ни России в связи с двойной периферийностью стран Прибалтики — геополитической и географической, что будет рассмотрено ниже.

Материалы и методы исследования

Значительное число исследований посвящено влиянию современного миграционного кризиса на регионы аккумуляции миграционных потоков [1], на ряд основных транзитных регионов [4], а также изучению ситуации в регионах формирования миграционных потоков [6; 8], то есть прежде всего в странах Африки и Ближнего Востока.

Методологическая рамка данной работы задана двумя теориями. Во-первых, она опирается на географический вариант традиционной трехстадийной модели миграционного процесса, разработанный М. М. Агафошиным, С. А. Гороховым и Р. В. Дмитриевым [2]. Во-вторых, используется подход к типологии малых европейских стран (в том числе стран Прибалтики), предложенный Ю. М. Зверевым и Н. М. Межевичем [5].

Согласно подходу Ю. М. Зверева и Н. М. Межевича, Литва, Латвия и Эстония являются малыми странами, исполняющими роль лимитрофа. По определению авторов, лимитроф — это «малая страна с ограниченным набором конкурентноспособных отраслей, периферийным геополитическим положением, характеризующаяся жесткой зависимостью экономики и

системы безопасности от всех соседствующих стран, но позиционирующая себя как “барьер” по отношению к одному или нескольким соседним государствам и опирающаяся для этого на систему военных, политических и экономических союзов» [5, с. 183]. Как отмечают Ю. М. Зверев и Н. М. Межевич, роль лимитрофа для малых стран не представляется единственно возможной, но именно ее в настоящий момент придерживаются Литва, Латвия и Эстония. Их важнейшая характеристика как стран-лимитрофов – стремление примыкать к линии стран-лидеров и отстаивать общие интересы, но, как показал период миграционного кризиса в ЕС, лишь «до того момента, пока не выясняется, что общие ценности таковыми не являются» [5, с. 187], то есть до тех пор, пока это не создает рисков для самих лимитрофов. Добавим, что, по словам В. А. Смирнова, «еще 15–20 лет назад обсуждалась идея превращения прибалтийских государств в “мост” между Европой и Россией», но она «фактически была свернута политическими элитами государств Прибалтики» [9, с. 34].

109

Что касается географического варианта традиционной трехстадийной модели миграционного процесса, то в его рамках страны Прибалтики могут рассматриваться как вторичный транзитный регион, то есть «территории, где миграционные потоки разветвляются» и из которых мигранты далее направляются в страны аккумуляции [2, с. 34]. Добавим, что первичным транзитным регионом в рамках миграции в ЕС выступают страны Азии и Северной Африки, а «классическим» вторичным – балканские страны [2, с. 35–36]. Очевидно, что Литва, Латвия и Эстония географически находятся в стороне от основных миграционных потоков, в связи с чем их положение в рамках вторичного (восточноевропейского) транзитного региона можно считать периферийным. Учитывая их осознанное (то есть избранное политически) существование в роли лимитрофа, страны Прибалтики в данной работе рассматриваются как двойная периферия, что отражено в гипотезе работы.

Основой для анализа миграционной политики Литвы, Латвии и Эстонии в исследовании стали три сопоставимых и по срокам, и по содержанию стратегических документа: «Стратегия по демографии, миграции и интеграции на 2018–2030 гг.» (Литва) [12], «Принципы развития сплоченного и граждански активного общества на 2021–2027 гг.» (Латвия) [16] и стратегия «Сплоченная Эстония 2021–2030» [17]. Выбор данных документов обусловлен тем, что, во-первых, они нацелены на перспективу и будут во многом определять миграционную политику прибалтийских стран в ближайшие годы и, во-вторых, в них приняты во внимание все вопросы, связанные с миграцией, в том числе проблемы интеграции мигрантов и, что удивительно, постоянно проживающих там русскоязычных людей (в случае Эстонии и Латвии), хотя, очевидно, мигрантами они считаться не должны. Статистической базой для исследования стали Атлас миграции [11] и другие ресурсы ЕС.

Миграционная политика Прибалтийских стран в 2010–2020-е годы

Одним из важнейших проявлений реальной (а не доктринальной) миграционной политики Литвы, Латвии и Эстонии в 2010-е гг. является их позиция по поводу программы перераспределения мигрантов в рам-

ках ЕС (2015), необходимость в которой возникла в связи с «беспрецедентным потоком мигрантов, продолжавшим нарастать в Италии и Греции, и смещением миграционных потоков с центрального на восточное Средиземноморье и Западные Балканы в направлении Венгрии» [15].

В рамках этого документа число искателей убежища, которое должна была принять каждая страна — член ЕС, рассчитывалось по специальной формуле на основе четырех показателей: численность населения (40 % «веса» итогового показателя), объем ВВП (40 %), среднее количество заявлений о предоставлении убежища за 5 предшествующих лет на 1 млн жителей (10 %), уровень безработицы (10 %) [15]. Согласно расчетам Е. В. Романовой [7, с. 342], распределение беженцев (в %) по странам получалось таким: «6,6–10,5 — Германия, Франция, Италия и Великобритания; 3,4–4,9 — Испания, Польша, Нидерланды и Румыния; 2,4–3,2 — Бельгия, Швеция, Австрия, Чехия, Венгрия, Дания, Португалия, Финляндия, Ирландия и Болгария; 1,7–2,2 — Словакия, Люксембург, *Литва*, Мальта, Словения, *Эстония*, *Латвия*, Греция, Хорватия и Кипр» (курсив мой. — Г. С.). Однако несмотря на столь небольшую квоту (около 2 %, что примерно соответствовало 10–15 тыс. чел.), прибалтийские страны фактически проигнорировали этот механизм, в то время как, например, Германия, правительство которой поддержало систему квот, приняла в 4 раза больше беженцев, чем полагалось согласно расчетам [7, с. 342].

Как показывает анализ ключевых документов в сфере миграционной политики на 2020-е гг., руководство стран Прибалтики намерено сохранить данный подход и в будущем.

Стратегия «Сплоченная Эстония 2021–2030» [17] находится в зоне ответственности Министерства культуры, Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел страны.

Главной проблемой, препятствующей единству эстонского общества, в ней названа «сегрегация по языковому признаку и связанное с ней неравенство во многих сферах» [17, л. 4]. Как показывает дальнейший текст документа, данная «сегрегация», по мнению его составителей, обусловлена наличием русскоязычного населения в стране (а более конкретно — русскоязычных школ), в связи с чем в качестве решения предлагается в ближайшие 15 лет перейти на преимущественно эстоноязычное школьное образование, что отражено в Плате развития образования и Плате развития эстонского языка [17, л. 13].

Кроме того, правительство обеспокоено тем, что «русскоязычное население Эстонии одновременно испытывает влияние местных русскоязычных СМИ, российских СМИ и, в меньшей степени, эстоноязычных СМИ, получая от них противоречивую информацию» [17, л. 18]. Таким образом, «сплочение» эстонского общества предполагается осуществить за счет сокращения доступа к русскоязычному образованию и информации.

Другой важнейшей проблемой, выделяемой в стратегии, названа недостаточная связь эстонцев, проживающих в других странах, со своей родиной. Этот вопрос является для Эстонии чрезвычайно актуальным, так как 15 % всех эстонцев (200 тыс. чел.) проживают за рубежом

[17, л. 3–4]. В связи с этим в стратегии ставится задача по поддержке их возвращения в страну, однако никаких экономических стимулов для этого не предлагается [17, л. 26].

В целом можно сделать вывод, что данная стратегия носит узконаправленный характер и должна служить интересам только этнических эстонцев, проживающих как в самой Эстонии, так и за ее пределами. Среди желаемых иммигрантов эстонские власти видят только эстонцев, а никак не беженцев из Африки и Ближнего Востока, попадающих в другие страны ЕС.

Примечательно, что Европейская комиссия на своем сайте приводит этот документ, как и рассмотренные ниже стратегии Литвы и Латвии, в разделе «Стратегии интеграции» [13], посвященном оценке миграционных потоков и вопросам включения беженцев / переселенцев в социальные институты. Однако в рамках данной стратегии основное внимание уделено русскоязычным жителям, которые вообще не являются мигрантами.

Сеймом Литвы утверждена «*Стратегия по демографии, миграции и интеграции на 2018–2030 гг.*» [12]. Ее реализация координируется и контролируется Правительством страны.

В документе прежде всего выражается обеспокоенность естественной и миграционной убылью населения и его старением. В связи с этим поставлена цель обеспечить позитивные изменения численности населения и его возрастной структуры, для чего предлагается решить три задачи: сформировать благоприятную для создания семьи атмосферу; обеспечить управление миграционными потоками, отвечающее потребностям государства; предоставить пожилым людям возможности интегрироваться в общество [12, р. 8].

В отличие от эстонского и латвийского (рассмотренного ниже) документов, в которых, по сути, отсутствует анализ крайне неблагоприятной демографической ситуации, характерной для всех трех прибалтийских стран, в данной стратегии приводится неутешительная статистика: если в 1992 г. численность населения в Литве достигла своего максимума — 3,7 млн чел., то к 2017 г. этот показатель снизился на 23 % (в среднем 1,28 % ежегодно) и составил 2,8 млн чел. Таким образом, за 25 лет Литва потеряла 859 тыс. чел., или примерно столько же, сколько сейчас проживает в Вильнюсе и Каунасе вместе взятых. Если нынешние тенденции не изменятся, то, по данным Евростата (статистической службы ЕС), в 2030 г. в Литве будет проживать лишь около 2,4 млн чел., то есть по сравнению с 2017 г. население сократится еще на 15 % [12, р. 4].

С точки зрения управления миграционными потоками важно обратить внимание на то, что, согласно стратегии, «при содействии иммиграции больше внимания необходимо уделять обратной миграции лиц литовского происхождения и граждан Литвы и их семей, что является приоритетом в миграционной политике Литвы, а также сбалансированной иммиграции граждан Европейского союза и третьих стран, соответствующих экономическим потребностям страны» [12, р. 15] (курсив мой. — Г. С.). Таким образом, власти Литвы не разделяют интересы ЕС в отношении смягчения миграционной нагрузки на других членов орга-

низации и помимо литовцев, проживающих за рубежом, открыты к приему только тех мигрантов, которые смогут пополнять бюджет страны, а не станут для него обузой.

Что касается интересов русскоязычного населения, то, в отличие от стратегии Эстонии, в данном документе ни русские, ни русский язык не упоминаются. Однако в стратегии Литвы также присутствует несколько отличное от базового подхода ЕС, более широкое понимание «интеграции»: так, одной из трех главных задач стратегии является интеграция в общество пожилых людей, в том числе в рынок труда [12, р. 27]. Поскольку из страны в основном эмигрирует молодежь трудоспособного возраста, литовские власти уделяют внимание обеспечению работой не только мигрантов, но и пожилых людей как одной из самых многочисленных групп, оставшихся в стране.

Кабинетом министров Латвии утверждены *«Принципы развития сплоченного и граждански активного общества на 2021–2027 гг.»* [16]. Их разработкой занималась межведомственная рабочая группа, в состав которой вошли представители Министерства культуры, Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел и других важнейших государственных органов.

Документ призван способствовать решению следующих вопросов: повышение доверия (внутри общества и по отношению к государству), укрепление национальной идентичности, использование латышского языка в повседневном общении, развитие граждански активного общества, влияние миграции (эмиграции и иммиграции) на развитие [16, л. 4]. При этом основные принципы формулируются в рамках трех направлений – национальная идентичность, развитие гражданского общества и интеграция, для каждого из которых приняты целевые показатели. В рамках ключевого для миграционной политики третьего направления (интеграция) принят лишь один такой показатель, а именно «% людей, имеющих субъективный опыт дискриминации», который планируется снизить с 7,4 % в 2015 г. до 7,0 % к 2027 г. [16, л. 11 – 12].

Выбор только одного (причем весьма спорного) показателя, равно как и столь скромные планы по его изменению (0,4 % за 12 лет), обусловлен тем, что миграционная политика Латвии в указанный период реально не нацелена на привлечение / прием мигрантов. Хотя в стратегии указано, что «в Латвию все чаще въезжают граждане стран, не входящих в ЕС и Европейскую экономическую зону, в том числе лица, нуждающиеся в международной защите», и «необходимо создать такие механизмы поддержки, которые способствуют доступу каждого вновь прибывшего в общество к мерам ранней интеграции», перечень предлагаемых мер сводится к изучению и использованию латышского языка, знакомству с историей Латвии и восприятию демократических ценностей [16, л. 24 – 25].

Данные акценты связаны с тем, что подавляющее число прибывающих в страну людей являются русскоязычными: так, в 2020 г. среди граждан стран за пределами ЕС, получивших вид на жительство в Латвии, 66 % были гражданами России, 12 % – Украины и 5 % – Белоруссии (в сумме 83 %) [16, прилож., рис. 9]. Именно их интеграция находится в

центре внимания стратегии, так как русский язык, по мнению властей Латвии, представляет угрозу для национальной идентичности. Авторы документа относят русскоязычное население Латвии к категории меньшинств (наряду с цыганами, которым уделено достаточно много внимания в стратегии) и, в частности, сетуют на то, что «латыши до сих пор часто переходят на русский язык в разговоре с русскоязычными» [16, прилож., л. 18]. День Победы в документе также классифицируется как «праздник меньшинств», который для них должны заменить такие «объединяющие» праздники, как День провозглашения Латвийской Республики и День восстановления независимости Латвийской Республики [16, прилож., рис. 6]. Очевидно, что все эти факты способствуют не уменьшению, а увеличению целевого показателя «% людей, имеющих субъективный опыт дискриминации», причем под ударом находятся прежде всего русские и другие русскоязычные люди. Как отмечает И.Н. Тарасов, латвийская «политика эмиграции, натурализации и интеграции очень медленно приближает к ожидаемым результатам и, как следствие, слабо стимулирует растущую группу представителей молодого поколения русскоязычного населения участвовать в социальной, экономической и политической жизни страны» [10, с. 41].

Для комплексной оценки миграционной политики прибалтийских стран отдельный интерес представляет Индекс политики интеграции мигрантов (МИРЕХ), спонсором подготовки которого выступил ЕС. Индекс охватывает восемь сфер (мобильность на рынке труда, воссоединение семей, образование, участие в политической жизни, постоянное проживание, доступ к гражданству, антидискриминация, здоровье), каждая из которых оценивается от 0 до 100 баллов, после чего выводится итоговый (средний) показатель [14].

В рамках последнего расчета индекса Латвия и Литва набрали по 37 баллов, что получило качественную оценку «равенство на бумаге», а Эстония — 50 баллов (то есть ровно половину от возможных) [14]. Данные результаты имеют важное значение с точки зрения оценки реализации интересов ЕС (спонсора проекта).

Заключение

Полученные результаты позволяют считать, что гипотеза работы была подтверждена: миграционная политика стран Прибалтики действительно не отвечает ни интересам ЕС (в том числе стран-лидеров, на которых эти страны ориентируются), ни интересам России (как стране, которой себя противопоставляют в рамках роли лимитрофа).

Иммиграционная политика Литвы, Латвии и Эстонии носит достаточно закрытый характер и нацелена главным образом на возвращение литовцев, латышей и эстонцев, ранее покинувших свои страны. Участие этих государств в мероприятиях ЕС, подобных программе перераспределения мигрантов 2015 г. (прежде всего из стран Африки и Ближнего Востока), не отвечает целям и приоритетам стран Прибалтики, сформулированным в рассмотренных документах стратегического планирования на 2020-е гг. Властей этих государств вполне устраивает роль вто-

ричного транзитного региона на периферии миграционных потоков в Европу из стран Глобального Юга, а соглашаться на назначенную (даже в ограниченном объеме, учитывая отсутствие экономических предпосылок) роль региона аккумуляции они не собираются.

Что касается интересов России, то вышеупомянутые стратегии прибалтийских стран требуют ответа на зафиксированную в них политику дискриминации русскоязычного населения. Рассмотренные документы (особенно Латвии и Эстонии) являются яркой иллюстрацией реализации роли лимитрофа, в рамках которой эти страны старательно уничтожают любые связи с Россией и русским языком. Учитывая тот факт, что в стратегиях самих прибалтийских стран отмечена необходимость работы с диаспорой, в том числе в отношении сохранения языка, истории и традиций, возможная разработка и реализация Россией стратегии по защите русскоязычного населения в странах Прибалтики не должна вызывать удивления.

Добавим, что, весьма вероятно, разобранные стратегии не будут служить интересам и самих прибалтийских стран, так как в них, по сути, не предложены меры по улучшению социально-экономической ситуации, а именно это является главным фактором депопуляции их территорий. Крайне неблагоприятные демографические тренды могли бы быть смягчены, в частности, активным привлечением трудовых мигрантов, однако их власти не готовы массово приглашать людей, не относящихся к титульной нации, так как это воспринимается ими как угроза для национальной идентичности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123 «Трансграничные перемещения населения: ограничения и перспективы международного регулирования в условиях миграционного кризиса» (<https://rscf.ru/project/22-18-00123/>)

Список литературы

1. Агафошин М. М., Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Беженцы из Сирии и Ирака в Швеции: особенности расселения в период миграционного кризиса // Балтийский регион. 2022. Т. 14, №4. С. 98–112. doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-6.

2. Агафошин М. М., Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. Т. 68, №1. С. 29–43. doi: 10.21638/spbu07.2023.102.

3. Горохов С. А., Агафошин М. М., Дмитриев Р. В. Миграционный кризис в регионе Восточной Африки // Восток (Oriens). 2023. №1. С. 50–62. doi: 10.31857/S086919080023788-3.

4. Жерлицына Н. А. Стратегия ЕС в отношении центрально-средиземноморского маршрута миграции и пострадавших транзитных государств Сахеля и Ливии // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8 (18), вып. 3. С. 51–59.

5. Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Подходы к типологии малых европейских стран на примере Эстонии, Латвии, Литвы // Полис. Политические исследования. 2019. №5. С. 181–191. doi: 10.17976/jpps/2019.05.13.

6. Картов Г. А. «Другие африканцы»: кенийская диаспора Великобритании // Азия и Африка сегодня. 2021. №7. С. 47–53. doi: 10.31857/S032150750014440-6.

7. Романова Е. В. Миграционный кризис: испытание европейской солидарности // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М. ; Смоленск, 2016. С. 336–346.

8. Сидорова Г. М. Трансграничная миграция в Африке в условиях военно-политических конфликтов // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8 (18), вып. 3. С. 60–67.

9. Смирнов В. А. Трансформация политических элит стран Прибалтики: общее и особенное // Балтийский регион. 2020. Т. 12, №3. С. 26–39. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-2.

10. Тарасов И. Н. Инструменты этнической политики в Латвии // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. №2. С. 34–44. doi: 10.31429/26190567-20-2-34-44.

11. Atlas of Migration // Knowledge Centre on Migration and Demography (КСМД) Data Portal. 2022. URL: <https://migration-demography-tools.jrc.ec.europa.eu/atlas-migration> (дата обращения: 08.09.2023).

12. Demografijos, migracijos ir integracijos politikos 2018–2030 m. strategija // Lietuvos Respublikos Seimas. 2018. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/rs/lasupplement/TAP/bda0af1049db11e89197e1115e5dbece/168a5f5449dc11e89197e1115e5dbece/> (дата обращения: 08.09.2023).

13. Governance of migrant integration in Estonia // European Website on Integration. 2023. https://ec.europa.eu/migrant-integration/country-governance/governance-migrant-integration-estonia_en (дата обращения: 08.09.2023).

14. Key Findings // MIPEX. 2020. URL: <https://www.mipex.eu/key-findings> (дата обращения: 30.10.2023).

15. Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL establishing a crisis relocation mechanism and amending Regulation (EU) №604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third country national or a stateless person // EUR-Lex. 2015. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52015PC0450> (дата обращения: 08.09.2023).

16. Saliedētas un pilsoniski aktīvas sabiedrības attīstības pamatnostādnes 2021.–2027. gadam // European Website on Integration. 2021. URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/sites/default/files/2021-04/saliedetas-un-pilsoniski-aktivas-sabiedrības-attīstības-pamatnostādnes-2021-2027gadam_.pdf (дата обращения: 08.09.2023).

17. Sidusa Eesti arengukava 2021–2030 (inglise keeles) // Kultuuriministeerium. 2021. URL: <https://www.kul.ee/media/3635/download> (дата обращения: 07.09.2023).

Об авторе

Глеб Константинович Сугаков – мл. науч. сотр., Центр глобальных и стратегических исследований, Институт Африки Российской академии наук, Россия.

E-mail: g.sugakov@inafr.ru

G. K. Sugakov

**MIGRATION POLICY OF THE BALTIC STATES
IN THE CONTEXT OF EU AND RUSSIAN INTERESTS**

Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received 30 October 2023

Accepted 27 December 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-7

116

To cite this article: Sugakov G. K. 2024, Migration policy of the Baltic states in the context of EU and Russian interests, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 106 – 116. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-7.

The European migration crisis has brought scholarly attention to national migration policies, including those of the Baltic states – Lithuania, Latvia, and Estonia – all of which border Russia. This study aims to identify the key features of these policies, considering both Russian interests and those of the EU. To this end, this article undertakes, for the first time, a comparative analysis of the Baltic States' relevant strategic documents for the 2020s: Lithuania's Strategy for Demography, Migration and Integration 2018 – 2030, Latvia's Guidelines for the Development of a Cohesive and Civically Active Society 2021 – 2027 and Estonia's Cohesive Estonia Strategy 2021 – 2030. It is concluded that the migration policy of these states does not align with the interests of either the EU, whose focus is on mitigating the consequences of the migration crisis, primarily as regards refugees from Africa and the Middle East, or Russia, whose principal concern is the Baltics' Russophone population.

Keywords: migration policy, migration crisis, integration of migrants, Baltic states, transit region, limitrophe state

The author

Gleb K. Sugakov, Junior Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: g.sugakov@inafr.ru

Т. М. Кадырмамбетов

**ВОЕННОЕ ПРАВЛЕНИЕ В СУДАНЕ:
ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

ИМЭМО им. Е. М. Примакова Российской академии наук,
Москва, Россия

Поступила в редакцию 15.12.2023 г.

Принята к публикации 26.01.2024 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-8

Для цитирования: *Кадырмамбетов Т. М.* Военное правление в Судане: предпосылки и современность // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 1. С. 117 – 131. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-8.

Армия в Судане традиционно играла одну из ключевых ролей в социально-экономической и политической жизни. События апреля 2023 г. вновь подтвердили, что в стране с момента обретения независимости так и не были сформированы стабильные политические институты власти. Целью данного исследования стало изучение исторических предпосылок и условий, которые привели страну к гражданской войне и гуманитарному кризису, фактически повлекшим за собой деграцию и крах государства. Сделан вывод о том, что вооруженные силы больше не являются единственным успешно функционирующим институтом в государстве, как считалось ранее. Показано, что из гаранта стабильности армия превратилась в источник угроз национальной безопасности. Более того, с момента обретения независимости в 1956 г. в Судане возникло «глубинное государство». Полный контроль над страной долгое время осуществлялся военной элитой, которая действовала исключительно в собственных интересах, что, естественно, отразилось на социально-экономической ситуации в стране. То, что происходит сегодня в Судане, – не этноконфессиональный конфликт, а борьба за власть двух военных формирований: Вооруженных сил Судана и Сил оперативной поддержки.

Ключевые слова: армия, Судан, Вооруженные силы, Силы оперативной поддержки, Джанджавид

Введение

Несмотря на довольно обширные познания человечества о роли военных структур в государстве и наличие большого количество работ, посвященных этой тематике, новым витком ее развития стало падение колониальной системы и формирование новых независимых государств в Азии и Африки. Отечественные и зарубежные ученые пытались объ-

яснить, почему во многих новых суверенных государствах к власти пришли военные и/или выходцы из вооруженных структур. Более того, в бывших колониях часто происходили военные перевороты. В одном лишь Судане с момента достижения независимости в 1956 г. шесть раз насильно сменялась власть при непосредственном участии военных.

Существуют разные причины, почему военные стали доминирующей силой в политической жизни государств Азии и Африки. Так, необходимо выделять, каким образом то или иное государство добилось политической независимости. Многие страны стали независимыми относительно мирными способами, путем дипломатических переговоров, например Судан. Однако некоторым приходилось годами бороться с метрополией, чтобы отвоевать суверенитет, как это произошло в Алжире. В результате кровавой войны с Францией (1954–1962) погибло от 300 тыс. до 1,5 млн алжирцев (данные сильно разнятся у французских и алжирских историков). Во многом благодаря действиям Фронта национального объединения (ФНО) Алжир добился отказа Франции от территории алжирцев. В этом случае вооруженные силы с полным правом отвоевали независимость, поэтому армия играет в стране довольно значительную роль. Даже в конституции Алжира (ст. 87) указано, что президентом страны может стать лишь тот, кто принимал участие в Революции 1 ноября 1954 г. или, если кандидат в президенты родился после июля 1942 г., может подтвердить неучастие своих родителей в действиях, направленных против Революции 1 ноября 1954 г. [4].

Теме роли армии в развивающихся государствах посвящено большое количество работ как отечественных, так и зарубежных ученых. В нашей стране этой проблематикой активно занимался Г. И. Мирский. Одна из его наиболее известных монографий – «Роль армии в политической жизни стран «третьего мира».

Основной тезис Г. И. Мирского заключается в том, что приход к власти военных в новых государствах – не случайность, а, наоборот, вполне объяснимый феномен. Это происходит, когда в государстве наблюдается *хроническая политическая нестабильность* [1, с. 5]. Важной составляющей является нормальное функционирование политических институтов, а их главная задача заключается в достижении социального и экономического развития, преодолении отсталости. Если же такие институты не работают должным образом, то армия выходит за пределы своих функций и, как результат, вмешивается в политический процесс.

Близкой точки зрения придерживается и американский политолог Сэмюэл Хантингтон. В работе «Политический порядок в меняющихся обществах» он дает определение обществу, в котором доминирующую роль играют военные, и называет его *преторианским обществом*. Более того, он указывает, что главная проблема лежит не в природе общества, а в его структуре, поэтому основная проблема заключается в слабости или неэффективности политических институтов [10, р. 196].

Вполне логично, что отсутствие сильных политических институтов ведет к общей нестабильности в государстве. Однако это не объясняет, почему на фоне слабой и неразвитой политической структуры к власти приходят именно военные и почему роль армии настолько велика.

Структура общества слаборазвитых государств, получивших независимость в середине XX в., была традиционной. Большинство граждан не имело образования. Обществу были присущи следующие характеристики: общинная организация, религиозное сознание, коллективная этика, патернализм и трайбализм. Система коммуникаций с внешним миром отсутствовала. Для большинства людей такого общества важным являлось лишь то, что напрямую касалось их маленькой социальной группы.

Люди, жившие в колониях и получившие образование, как правило, получили его в бывших метрополиях. Им не был свойствен трайбализм, и мыслили они уже не в рамках определенной локальной и/или социальной группы, а в рамках чего-то большего, например государства [11, р. 19].

Еще одно наследие колониальной эпохи — социальное неравенство. Новые государства за небольшим исключением (Южная Корея с ее авторитаризмом развития и финансовой помощью от США) не смогли добиться резкого экономического скачка как из-за отсутствия выстроенной и эффективной системы, так и из-за общей экономической отсталости. Разрыв между наиболее богатыми, зажиточными и бедными членами общества был довольно большим. Чаще всего политической и экономической элитой новых государств становились люди, которые, во-первых, имели образование, а во-вторых, в разных формах сотрудничали с колониальными властями. К этой категории можно отнести иностранных бизнесменов, государственных служащих и политиков, которые находились в прямом подчинении у колониальных властей, а также военных.

Армия является одним из немногих эффективных социальных лифтов, позволяющих человеку повысить свой социально-экономический статус. Именно по этой причине многие молодые люди целенаправленно стремились стать военными. Важно отметить, что военное образование, в силу специфики и важности военной сферы, было наиболее современным и комплексным, а полученные в рамках его прикладные знания могли быть использованы не только в военной сфере, но и в административном управлении и гражданском строительстве, позволяя создавать, развивать и реализовывать различные инфраструктурные проекты [11, р. 23].

В такой ситуации, когда новые страны обрели независимость, а политические институты неразвиты и ощущается сильная нехватка высококвалифицированных кадров, среди всех социальных групп военные являлись наиболее развитой и модернизированной группой с четкой, понятной и, самое главное, уже выстроенной структурой управления.

Переходя конкретно к Судану и феномену военного правления в этой стране, стоит углубиться в историю, чтобы объяснить, как в стране была устроена внутривластная жизнь, что способствовало укреплению позиций военных в государстве, а также почему не были созданы стабильные и эффективные политические институты, что фактически привело к перманентному военному правлению в стране с момента достижения политической независимости.

Исторический контекст

Прежде всего, существуют исторические причины нестабильности и авторитаризма суданской политической системы. Долгое время Судан находился под контролем Египта в составе Османской империи. В 1820-е гг. Паша Египта Мухаммед Али, который был вассалом турецкого султана Махмуда II, смог военным путем добиться того, чтобы территория северного Судана со столицей Хартумом стала провинцией вилайета Египет. Контроль над этими территориями осуществлялся военными, в частности губернатором («мудиром»), выполнявшим как военные, так и гражданские функции [14, р. 10].

120

В 1881 г. Мухаммед Ахмад, суданский мусульманский деятель, придерживавшийся суфизма, провозгласил себя Махди (преемником пророка Мухаммада) и объявил *джихад* (в этом контексте его стоит понимать и как борьбу за веру, и как национально-освободительную войну) против турецко-египетских властей. В 1885 г. силами сторонников Мухаммада Ахмада аль-Махди был взят Хартум, в результате чего образовалось независимое государство — Махдистский Судан или суданская Махдия, в котором пытались построить военизированное исламское государство [14, р. 12].

С 1899 по 1956 г. над Суданом был установлен кондоминиум Великобритании и Египта. Колониальные власти в Судане были представлены Суданской гражданской службой (Sudan Civil Service), которая со временем трансформировалась в Суданскую политическую службу (Sudan Political Service). Главой Судана являлся генерал-губернатор. Один из государственных служащих Британской империи Гарольд Макмайкл описал способ правления в Судане как «военную автократию, решающую гражданские задачи» [12, р. 108].

Таким образом, становится понятно, что с первой половины XIX в. контроль над Суданом в той или иной форме осуществлялся военными.

Параллельно с этим внутривнутриполитическая ситуация в Судане характеризовалась борьбой за влияние и власть двух суфийских сект — Ансара и Хатмийи. Хатмийю создал религиозный деятель из Мекки Мухаммад Усман аль-Миргани аль-Хатим. Его учение получило широкое распространение на северо-востоке Африки, в том числе в Египте, Судане и Эфиопии. Во время восстания против османско-египетского контроля над Суданом 1881 г. представители клана аль-Миргани не присоединились к сторонникам аль-Махди, что можно объяснить нежеланием потерять свое влияние. Структура суданского общества, согласно специалистам, была такова, что человек являлся частью трех сообществ: 1) своего племени, 2) своего ордена или школы суфизма и 3) Судана как части Египта [13, р. 7]. Успех восстания аль-Махди установил главенство в Судане этого клана, а также, что более важно, этой суфийской группы.

Британская администрация в Судане не решила задачу интеграции суданских граждан в институты управления страной. Колониальные власти опирались на глав различных племен и сект, ведущее положение среди которых занимали Ансар (семейство аль-Махди) и Хатмийя (семейство аль-Миргани). К 1947 г. Великобритания спонсировала клан

аль-Миргани, а также выделяла денежные средства на строительство хлопковой фермы, принадлежащей клану аль-Махди [22]. В политическую систему Судана практически не были включены представители среднего класса, которые в основной массе являлись выпускниками Гордонского мемориального колледжа — образовательного учреждения, созданного британской администрацией. Молодые люди получали европейское техническое и военное образование, однако из-за неэффективной кадровой политики Великобритании не могли работать в органах гражданской службы.

Необходимо также отметить, что Великобритания старалась минимизировать влияние Египта на территории Судана. Это было связано с тем, что выпускники Гордонского колледжа создавали подпольные организации, главной целью которых было прекращение британского контроля над Суданом. Они перенимали националистические идеи от Египта, где также наблюдалось недовольство политикой Великобритании [7, р. 16]. Так, в июле 1924 г. произошла попытка восстания одной из подпольных организаций — «Лиги белого знамени», однако большого успеха ее представители достичь не смогли. Это событие лишь усилило недоверие британских властей к среднему классу граждан Судана [5, р. 212]. К тому же уже в ноябре 1924 г. в Каире был убит генерал-губернатор англо-египетского Судана генерал-майор Ли Стэк, что стало поводом к тому, чтобы заставить египетских военных покинуть территорию Судана.

Становление вооруженных сил Судана

В результате двух вышеупомянутых событий в 1925 г. британской администрацией были официально созданы Силы обороны Судана, которые состояли исключительно из британских и суданских военных. Так вооруженные силы Судана стали подконтрольными администрации Великобритании, которая использовала их в своих интересах. Численный состав суданской армии после 1925 г. значительно сократился. Если в 1924 г. в армии Судана насчитывалось 12 943 чел., то после образования Сил обороны Судана в личном составе осталось 8 488 чел. за счет того, что египетские военные части покинули Судан [15, р. 139]. К июню 1927 г. численность вооруженных сил Судана составляла 5 838 чел. [15, р. 142]. Такие серьезные изменения можно объяснить недоверием британских властей к суданским военным из-за двух вышеупомянутых событий 1924 г., вследствие чего в 1925 г. закрылось военное училище в Хартуме.

Несмотря на то что количество военнослужащих в Судане было незначительным, во время Второй мировой войны армия страны активно противостояла итальянской армии в Эфиопии в 1940–1941 гг. Более того, Силы обороны Судана помогали союзникам в североафриканской кампании вплоть до ее окончания в 1943 г.

Все это время армия в Судане не играла политической роли, которая стала характерной для нее впоследствии. Начиная с момента образования англо-египетского кондоминиума в Судане можно наблюдать противостояние двух вышеупомянутых религиозных сект (Ансар — се-

мейства аль-Махди и Хатмийи — семейства аль-Миргани). Их борьба со временем трансформировалась и стала приобретать другие формы. В стране образовались политические партии. Наиболее влиятельными стали Национальная партия Умма и Аль-Шикка, которые неформально были связаны с семьями аль-Махди и аль-Миргани соответственно. Внутриполитическая жизнь Судана отличалась быстрыми переменами и нестабильностью, однако важно отметить, что до момента достижения Суданом независимости в 1956 г. армия не была активно вовлечена в политику.

Итак, в Судане так и не была создана нормально функционирующая политическая система со стабильными институтами управления. Именно поэтому сформировались предпосылки для усиления роли армии в стране. Во-первых, Судан долгое время находился в подчиненном положении: сначала под контролем Египта в составе Османской империи, потом в составе англо-египетского кондоминиума. Для того чтобы успешно контролировать эту территорию, власти прибегали к силовому методу (генерал-майор Судана во времена кондоминиума совмещал гражданско-политические и военные функции). Во-вторых, на фоне отсутствия успешно функционирующих политических институтов армия являлась наиболее устойчивой структурой, способной выполнять как гражданские, так и военные задачи.

Политизация армии в Судане

Борьба двух политических партий продолжалась до 1958 г., когда генералом Ибрагимом Аббудом был совершен первый военный переворот в Судане. В 1964 г. комиссия по расследованию причин переворота 1958 г. выпустила результаты своего расследования, во время которого генерал Аббуд заявил, что переворот был осуществлен по просьбе премьер-министра страны — руководителя Национальной партии Умма Абдаллы Халила, также являвшегося военнотружущим Сил обороны Судана [15, р. 217].

У действовавшего на тот момент руководителя страны были причины для того, чтобы просить военных осуществить переворот. Формирование новых политических институтов сопровождалось борьбой за власть двух основных партий, что стало причиной разногласий и невозможности проводить комплексную и единую внешнюю и внутреннюю политику. Кроме того, страна уже жила в условиях серьезного межплеменного, межконфессионального и межэтнического конфликта. В парламенте Судана не были широко представлены партии южных территорий страны, жители которых в основном являлись негроидами-нилотами, а по вероисповеданию — христианами или язычниками, тогда как жители остальных территорий Судана были мусульманами.

Основная проблема заключалась в разных целях и задачах политического и военного блоков Судана. Абдалла Халил считал, что армия способна не допустить возможного распада страны и сможет стабилизировать ситуацию в Судане для дальнейшей передачи власти в руки гражданских лиц. Однако, видя хроническую неэффективность поли-

тики, проводимой гражданским правительством страны, Ибрагим Аббуд установил в стране военный режим, просуществовавший до 1964 г. В Судане в период правления генерала Аббуда действовал Верховный совет Вооруженных сил, который в действительности управлял страной и принимал все политические решения.

С этого момента можно говорить о том, что помимо защиты суверенитета и территориальной целостности страны военный класс в Судане приобрел качественно другую роль: действующие высокопоставленные лица в вооруженных силах Судана стали непосредственно участвовать в политической жизни страны. Начиная с 1958 г. контроль над Суданом осуществлялся военными, за исключением непродолжительных по времени попыток установить демократическую парламентскую систему с гражданским правлением в 1964–1969, 1985–1989 и 2019–2021 гг.

На волне популярности идей президента Египта Гамаль Абдель Насера в Судане возникло свое Движение свободных офицеров. Более молодые офицеры в результате отсутствия экономических успехов в стране и разочарования военными «британской школы» [1, с. 28] осуществили в Судане военный переворот. Однако гражданские лица, которым была передана власть, не смогли решить задачи эффективного политического и экономического управления, и в 1969 г. генерал Джафар Нимейри захватил власть. В стране был установлен авторитарный режим, который существовал вплоть до 1985 г. и сопровождался еще большей концентрацией власти в руках государственного аппарата, состоявшего из военной бюрократии.

До 1971 г. власть в Судане осуществлял Революционный совет, во главе которого стоял Джафар Нимейри. В него входили девять молодых офицеров и всего один представитель гражданских властей [6, р. 307]. Далее, несмотря на роспуск Революционного совета, фактическое правление в стране осуществлялось военными. В Судане была отменена многопартийность и сформировалось так называемое окружение Нимейри, которое по большей части состояло из военных. Более того, в стране была установлена однопартийная система, где единственной партией оставался Суданский социалистический союз, в котором посты генеральных секретарей занимали генералы армии [6, р. 307]. Во время правления Нимейри в Судане была принята новая военная доктрина, согласно которой армия присягала защищать не государство и народ, а режим [9, р. 10]. С этого момента офицеры армии принимают наиболее активное участие в экономике страны. В 1982 г. в Судане был создан Военно-экономический совет (Military Economic Board), который контролировал большое количество коммерческих предприятий в государстве [8, р. 4].

Доминирующая роль армии сохранялась и на протяжении тридцатилетнего периода правления Омара аль-Башира (1989–2019). Как и Джафар Нимейри, Омар аль-Башир пришел к власти в результате военного переворота. За годы его правления значение вооруженных сил и военных в политической, экономической и социальной жизни государства возросло. Аль-Башир оправдывал совершенный переворот, считая, что единственная существующая альтернатива плохому управлению

гражданских властей — военный контроль [6, р. 309]. Большое число военных, в том числе старшего офицерского состава, были уволены или подверглись репрессиям из-за своей нелояльности новому режиму.

Проблема Южного Судана и формирование Сил оперативной поддержки

С момента образования независимого Судана вопрос интеграции южных территорий страны в ее политическую, экономическую и социальную жизнь становился все актуальнее. Однако ни один из руководителей страны, будь то военное или гражданское лицо, не смог решить эту проблему.

124

Вместо создания эффективных инструментов решения проблемы Южного Судана власти проводили политику исламизации в качестве попытки достичь единства в стране. Такой курс привел лишь к нарастанию межэтнических и межконфессиональных противоречий, что, в свою очередь, переросло в гражданскую войну. Армия как институт была призвана «охранять и защищать Родину, а также сохранять целостность ее земель», согласно ст. 199 Конституции Судана от 1973 г. [3], в результате чего влияние армии в стране лишь укрепилось.

Все президентство Омара аль-Башира сопровождалось сначала второй гражданской войной (1983—2005), а затем нестабильностью в Дарфуре. Вследствие этого роль военных и армии в стране лишь укреплялась. В 1989 г. в ряды Вооруженных сил Судана официально были включены Силы народной обороны (Popular Defense Forces), которые состояли из различных племенных вооруженных формирований.

У гражданской войны, как и у любой войны или военно-политического конфликта, есть последствия. Среди главных угроз — распад государства. Однако необходимо отметить, что гражданская война — это перманентное состояние хаоса, в котором государство как единственный актор, имеющий право использовать военную силу, теряет важнейшую функцию.

Гражданская война в Судане привела к формированию огромного количества военизированных группировок. Именно поэтому необходимо обратить внимание на одну из таких группировок — «Джанджавид», которая позже трансформировалась в Силы оперативной поддержки.

Несмотря на то что «Джанджавид» возникла в начале 1980-х гг., наибольшую «известность» она получила во время Дарфурского конфликта (2003—2020). Местное негроидное население Дарфура выступало против насильственной политики исламизации и арабизации страны. Одним из главных требований восставших являлся отказ центрального правительства от изначально неверной идеи «арабской идентичности» Судана [23].

Набор в группировку «Джанджавид» во время Дарфурского конфликта осуществлялся одним из богатейших шейхов арабских племен Мусой Хилялем. Она состояла из арабов западной части Судана и с самого начала получала военную и политическую поддержку от правительства Судана, которое стремилось подавить конфликт в регионе.

Эта группировка проводила наиболее жестокие операции по уничтожению негроидных племен на западе Судана. В 2004 г. государственный секретарь США Колин Пауэлл был первым, кто обвинил правительство Судана и группировку «Джанджавид» в геноциде [20].

С момента начала конфликта в Дарфуре не было полной ясности, какие связи существуют между правительством Судана, в частности Омаром аль-Баширом, и «Джанджавид». Лишь в 2005 г. один из лидеров группировки Муса Хиляль в интервью Human Rights Watch подтвердил, что правительство Судана поддерживает группировку и напрямую через высокопоставленных военных офицеров отдает приказы боевикам [17].

Интеграция «Джанджавид» в систему государственной власти

В ходе Дарфурского конфликта «Джанджавид» зарекомендовала себя как высокоэффективная группировка. Уже в 2014 г. ее лидер Муса Хиляль заявил о формировании собственной администрации в регионе Северный Дарфур, что, естественно, вызвало опасения за территориальную целостность страны у центрального правительства, учитывая, что в 2011 г. Южный Судан добился политической независимости от Хартума.

Власти страны стремились осуществить реорганизацию «Джанджавид» ввиду ее возросшего политического и экономического влияния в стране. В регионе Дарфур располагаются большие запасы золота, которое добывается кустарными способами. Согласно докладу, представленному Группой экспертов по Судану, учрежденной резолюцией №1591 (2005) Совета безопасности ООН, группировка «Джанджавид» под руководством Мусы Хиляля контролировала золотой прииск Джебель-Амир и ежегодно получала около 54 млн долл. США [18].

В 2013 г. группировка «Джанджавид» была трансформирована в Силы оперативной поддержки (Rapid Support Forces), которые подчинялись не Вооруженным силам Судана, а разведывательной службе (General Intelligence Service). Возглавил новообразованные Силы генерал Мухаммад Хамдан Дагло («Хамидти»). Так правительство страны стало формально контролировать Силы оперативной поддержки, что помогало им проводить кампанию по разоружению региона Дарфур, заключавшуюся в борьбе с многочисленными военизированными группировками и включении их в состав Сил под командованием Мухаммада Дагло.

Муса Хиляль, уйдя в оппозицию центральному правительству, сформировал новую группировку — «Революционный совет суданского пробуждения» (Sudanese Awakening Revolutionary Council). Однако в 2017 г. он был арестован Силами оперативной поддержки, что привело не только к установлению полного политического контроля над территорией Дарфура генералом Мухаммадом Дагло, но и к тому, что все ресурсы региона с этого момента находятся в руках руководителя Сил оперативной поддержки.

Военные перевороты в Судане последних лет

Участие военнослужащих в переворотах — совершенно обычная история для Судана. В 2019 г. в результате масштабных протестов, начавшихся в декабре 2018 г., и вооруженные силы, и спецслужбы Судана не стали поддерживать Омара аль-Башира, в том числе и Силы оперативной поддержки, а, наоборот, выступили против действующего президента [2]. Во-первых, за тридцатилетний период в Судане еще больше увеличилась роль «патрон-клиент» отношений, основанных на верности действующему президенту страны. Омар аль-Башир обеспечивал стабильность своего персоналистского режима за счет передачи контроля над денежными потоками и ресурсами представителям силовых ведомств. Однако такой подход к сохранению своего правления привел к формированию в Судане «государства в государстве» (deep state). Вооруженные силы предпочли сохранить контроль над ресурсами государства, осуществив в апреле 2019 г. военный переворот на фоне массового недовольства населения социально-экономической ситуацией в Судане [19]. Во-вторых, можно предположить, что отстранение от власти Омара аль-Башира открывало возможности для высокопоставленных военных лиц занять руководящие посты.

126

Одним из главных отличий этого переворота от всех предыдущих является договоренность между военными и гражданскими лицами о совместном управлении страной во время переходного периода.

После 2019 г. важную роль в Судане стал играть Абдель Фаттах аль-Бурхан — военный, возглавлявший Сухопутные силы ВС Судана. Он возглавил государство, а главой правительства стал Абдалла Хамдук. Хроническая слабость гражданских властей и неэффективность политических институтов вновь привела к тому, что в Судане установилась власть военных.

Отличие переворота 2021 г. от других успешных попыток смены власти заключается в том, что в стране появились сразу два сильных лидера из крыла военных: Абдель Фаттах аль-Бурхан, который фактически стал главой государства с 2021 г., и Мухаммед Хамдан Дагло, бывший главой Сил оперативной поддержки и заместителем главы Суверенного совета Судана с августа 2019 по ноябрь 2021 г., между которыми нарастало соперничество.

Гражданская война, начавшаяся в апреле 2023 г., демонстрирует, что на фоне общей нестабильности в Судане даже среди военных отсутствует единство. Противостояние между Вооруженными силами Судана и Силами оперативной поддержки следует рассматривать в двух измерениях: политическом и экономическом.

С политической точки зрения это противоборство можно объяснить соперничеством армии со спецслужбами, в управлении которых находятся Силы оперативной поддержки. Как было отмечено выше, свойственная Судану нестабильность и конфликтность ведет к ослаблению государственного аппарата. На политической арене укрепляют свое положение те акторы, которые могут или имеют потенциал заменить существующие институты управления государством. Начиная с военного

переворота 2019 г. армия теряла былое влияние в стране, на фоне чего разведывательная служба Судана (General Intelligence Service, раньше носившая название National Intelligence and Security Service (NISS)) стала играть все более видную роль [9, р. 3]. Подтверждением этого противостояния послужило стремление ВС Судана включить в свой состав Силы оперативной поддержки. Однако это требование было отклонено Мухаммедом Хамданом Дагло, поскольку такой шаг привел бы к потере его формированием влияния в стране [27].

Вместе с тем борьба между ВС Судана и Силами оперативной поддержки ведется и по экономическим причинам. Бывший премьер-министр Судана Абдалла Хамдук в августе 2019 г. заявил, что под контролем государства находится лишь 18 % ресурсов, а остальные 82 % принадлежат армии и спецслужбам [31]. Ведущая роль специальных служб и Вооруженных сил страны ее в экономике обусловлена контролем как определенных сфер (прежде всего золотодобывающей, агропромышленной и банковской), так и путей нелегальной торговли [29].

Согласно расследованию, выпущенному Center for Advanced Defense Studies (C4ADS), Вооруженные силы Судана и Силы оперативной поддержки имеют огромное количество компаний, с помощью которых могут осуществлять свою деятельность. Например, Вооруженные силы Судана не напрямую, используя различные благотворительные фонды и подконтрольные организации, владеют 86,9 % национального банка «Омдурман» — одного из крупнейших банков страны [16]. В свою очередь, Силы оперативной поддержки осуществляют контроль над банком «Аль-Халидж», у которого установлены корреспондентские отношения с банками в США, Великобритании и Европейском союзе [16]. Таким образом, Вооруженные силы Судана и Силы оперативной поддержки через свои финансовые структуры могут, во-первых, усиливать свое экономическое влияние в стране, а во-вторых, официально иметь и развивать экономические отношения с иностранными государствами, поскольку подобные банки не находятся под международными санкциями.

Говоря о причинах того, почему военные играют важную роль в государственной системе Судана, следует выделить два фактора, обозначенные в самом начале. Во-первых, в стране после достижения независимости были слабые и неэффективные политические институты. Все попытки построить демократическую либеральную систему по британскому образцу заканчивались провалом в силу национальной специфики: значительную роль в Судане играли две крупные религиозные секты или клана — аль-Махди и аль-Миргани. Во-вторых, на фоне нестабильности и плохой работы государственного аппарата армия являлась наиболее организованным институтом с четкой структурой и системой. Военные, совершая переворот, на непродолжительное время стабилизировали ситуацию в Судане, однако сам факт обретения власти таким способом представлял собой прецедент, который другие военные использовали в качестве аргумента, когда совершали новый переворот.

После того как военные становились важной политической силой, они все активнее вовлекались в экономику страны и ее экономические процессы. Такая ситуация типична для многих развивающихся государств, которые получили независимость после окончания Второй мировой войны. После обретения независимости практически все иностранные предприятия национализировались. Де-юре они переходили под контроль государства, но де-факто — военных. Подобно тому как это происходит в Судане, создаются различные организации, которые тем или иным способом аффилированы с вооруженными силами страны или частными лицами, которые являются выходцами из армии.

Этот конфликт можно охарактеризовать по большей части как борьбу за экономическое влияние и ресурсы страны [30]. Несмотря на то что Вооруженные силы Судана контролируют большой сектор экономики, под контролем Сил оперативной поддержки, и в частности Мухаммеда Хамдана Дагло и членов его семьи, находятся места по добыче золота в регионе Дарфур. Важно отметить, что после того, как в 2011 г. Южный Судан стал отдельной страной, Судан потерял сразу 75 % всех нефтяных месторождений, что выразилось в падении доходной части бюджета на 55 % [25].

В этих условиях в Судане стала все более активно развиваться добыча золота. Если в 2008 г. экспорт золота составлял всего 1 % от всего экспорта Судана, то в 2012 г. этот показатель вырос до 40 % [25]. В 2021 г. экспорт золота составил 52,3 % всего экспорта страны [24].

Угроза того, что одна из самых сильных военизированных группировок страны будет укреплять свое влияние за счет контроля природных ресурсов, привела к попытке Абделя Фаттаха аль-Бурхана установить контроль Вооруженных сил Судана над Силами оперативной поддержки. Это в результате вызвало очередную попытку государственного переворота, который трансформировался в затяжной вооруженный конфликт.

Отстаивая свою легитимность, 6 сентября 2023 г. Абдель Фаттах аль-Бурхан издал закон об упразднении Сил оперативной поддержки [26]. Несмотря на это, суданский кризис осложняется участием других государств, которые напрямую или косвенно оказывают поддержку той или иной конфликтующей стороне. Такое положение дел грозит не только ухудшением военно-политической, социально-экономической и гуманитарной ситуации в Судане, но и дестабилизацией других государств региона Африки южнее Сахары. Согласно информации Международной организации по миграции, с момента начала вооруженного конфликта в Судане число перемещенных лиц увеличилось на 3,8 млн чел. и достигло 7 млн чел. [21].

Итак, мы видим, что если сначала армия в Судане рассматривалась как институт, способный установить стабильность в стране, то на сегодняшний день внутривластную ситуацию можно охарактеризовать как соперничество между разными силовыми организациями, что только дестабилизирует страну. Более того, военные структуры помимо сво-

их прямых обязанностей по обеспечению безопасности и стабильности страны превратились в «глубинное государство» со своими собственными экономическими и политическими интересами.

Можно подытожить, что противостояние Вооруженных сил и Сил оперативной поддержки не является чем-то новым или неожиданным для Судана. Военные перевороты сопровождали страну на протяжении всей ее истории как самостоятельного государства. Именно поэтому использование фразы «лаборатория по изучению государственных переворотов» [28] в отношении Судана вполне оправданно.

Список литературы

129

1. Мирский Г. И. Роль армии в политической жизни стран «третьего мира». М., 1989.
2. Сурков Н. Ю. Вторая Волна арабских революций зашла в тупик // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. №3. С. 29–42.
3. Бишаани ад-дустур ад-даим лиджумхурияти ас-суданияти ад-димукраты-яти лисанати 1973 [База восточных законов] // Шабакяту кауанин аш-шарк. 08.05.1973. URL: <http://site.eastlaws.com/GeneralSearch/Home/ArticlesTDetails?MasterID=150845> (дата обращения: 02.10.2023).
4. Дустур аль-джумхурийяти аль-джаза'ирийяти ад-димукратыйяти аш-шаабийяти [Конституция Алжирской Народной Демократической Республики]. URL: <https://www.joradp.dz/har/consti.htm> (дата обращения: 06.10.2023).
5. Abushouk A. The Anglo-Egyptian Sudan: From Collaboration Mechanism to Party Politics, 1898–1956 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2010. №38 (2). P. 207–236.
6. Berry L. Sudan: a country study. Lybrary of Congress, 2015.
7. Collins R. O., Deng F. M. The British in the Sudan, 1898–1956: The Sweetness and the Sorrow. Stanford, 1984.
8. De Waal A. Sudan: a political marketplace framework analysis // Occasional Papers. 2019. №19. P. 1–26.
9. El-Battahani A. The Sudan Armed Forces and Prospects of Change // CMI Insight. 2016. №3. P. 1–9.
10. Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven ; L., 1996.
11. Johnson J. Role of the Military in Underdeveloped Countries. Princeton, NJ, 1962.
12. MacMichael H. The Anglo-Egyptian Sudan. L., 1934.
13. Mohammed D. J. The contribution of Sayed Ali al-Mirghani, of the Khatmiyya, to the political evolution of the Sudan, 1884–1968. University of Exeter, 1988.
14. Muddathir A. Changing patterns of civilian-military relations in the Sudan. Uppsala, 1978.
15. Niblock T. Class and Power in Sudan: The Dynamics of Sudanese Politics, 1898–1985. N. Y., 1987.
16. Breaking the Bank. How Military Control of the Economy Obstructs Democracy in Sudan. URL: <https://c4ads.org/reports/breaking-the-bank/> (дата обращения: 10.10.2023).

17. *Darfur: Militia Leader Implicates Khartoum*. URL: <https://www.hrw.org/news/2005/03/02/darfur-militia-leader-implicates-khartoum> (дата обращения: 17.10.2023).

18. *Final report of the Panel of Experts submitted in accordance with paragraph 2 of resolution 2200 (2015)*. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/296/39/PDF/N1629639.pdf?OpenElement> (дата обращения: 25.10.2023).

19. *Hassan M., Kodouda A. Sudan's Uprising: The Fall of a Dictator*. URL: <https://www.journalofdemocracy.org/articles/sudans-uprising-the-fall-of-a-dictator/> (дата обращения: 27.10.2023).

20. *Inside Colin Powell's Decision to Declare Genocide in Darfur*. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2011/08/inside-colin-powells-decision-to-declare-genocide-in-darfur/243560/> (дата обращения: 30.10.2023).

21. *IOM Response Overview Sudan Crisis and Neighbouring Countries*. URL: <https://crisisresponse.iom.int/sites/g/files/tmzbd11481/files/uploaded-files/Response%20Overview%20Sudan%20Crisis%20-%20Revised%20August%202023.pdf> (дата обращения: 30.10.2023).

22. *Rivalry Between the Two Sayyids, Al-Mirghani and Al-Mahdi // Central Intelligence Agency*. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp82-00457r001800550005-1> (дата обращения: 31.10.2023).

23. *Safeguarding Sudan's Revolution*. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/sudan/281-safeguarding-sudans-revolution> (дата обращения: 31.10.2023).

24. *Sudan // The Observatory of Economic Complexity (OEC)*. URL: <https://oec.world/en/profile/country/sdn> (дата обращения: 06.10.2023).

25. *Sudan Country Report. 2013*. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2013/cr13317.pdf> (дата обращения: 06.11.2023).

26. *Sudan dissolves paramilitary RSF, abolishes its controversial law*. URL: <https://sudantribune.com/article276941/> (дата обращения: 06.11.2023).

27. *Sudan unrest: What are the Rapid Support Forces?* URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/4/16/sudan-unrest-what-is-the-rapid-support-forces> (дата обращения: 08.11.2023).

28. *Sudan, a coup laboratory*. URL: <https://issafrica.org/iss-today/sudan-a-coup-laboratory> (дата обращения: 13.11.2023).

29. *Sudan's Conflict in the Shadow of Coups and Military Rule*. URL: https://carnegieendowment.org/sada/90382?utm_source=rssemail&utm_medium=email&mkt_tok=ODEzLVhZVS00MjIAAAG0BRD0gpv1MS_vXRG LXgXi-8modm68-3kwzLGjvauEEalfSnzFYJY68zVj9vRpTFp4gaaKFzwcIV8BCRYPgcy5DzK-manQqv vqDyC4zA5Y4 (дата обращения: 13.11.2023).

30. *To Stop the War in Sudan, Bankrupt the Warlords*. URL: <https://www.clingendael.org/publication/stop-war-sudan-bankrupt-warlords> (дата обращения: 15.11.2023).

31. *"Unacceptable": Sudanese PM criticises army's business interests*. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/12/15/unacceptable-sudanese-pm-criticises-armys-business-interests> (дата обращения: 15.11.2023).

Об авторе

Тимур Мажитович Кадырмамбетов – асп., мл. науч. сотр., ИМЭМО им. Е. М. Примакова Российской академии наук, Россия.

E-mail: kadyrtm@imemo.ru

T. M. Kadyrmambetov

**MILITARY RULE IN SUDAN:
HISTORICAL PRECONDITIONS AND THE CURRENT SITUATION**

IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received 15 December 2023

Accepted 26 January 2024

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-8

To cite this article: Kadyrmambetov T. M. 2024, Military rule in Sudan: historical preconditions and the current situation, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 117 – 131. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-8.

131

The army has traditionally played a prominent role in Sudan's socioeconomic and political life. The events of April 2023 once again confirmed the country's failure to establish stable political institutions since gaining independence. This study aims to examine the historical prerequisites and conditions that led Sudan into civil war and a humanitarian crisis, ultimately resulting in the degradation and collapse of the state. The article concludes that the armed forces are no longer the only successfully functioning institution in the country, as previously believed. As demonstrated in the research, the army has transformed from a guarantor of stability into a source of threats to national security. Furthermore, a 'deep state' has emerged in Sudan since independence in 1956. The military elite maintained complete control over the country for an extended period, acting solely in their interests, which inevitably impacted the socioeconomic situation in Sudan. The current events in the country are not an ethno-confessional conflict but a power struggle between two military formations: the Sudan Armed Forces and the Rapid Support Forces.

Keywords: army, Sudan, Sudan Armed Forces, Rapid Support Forces, Janjaweed

The author

Timur M. Kadyrmambetov, PhD Student, Junior Research Fellow, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: kadyrtm@imemo.ru

**ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ
В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА
Серия: Гуманитарные и общественные науки**

Правила публикации статей в журнале

132

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

в) аннотацию на русском и английском языках (*150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (*4 – 8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210×297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/society/rules/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информация;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематике;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи;

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки

2024

№ 1

Редактор *Д. А. Малеваная*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 03.06.2024 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,7
Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Цена свободная. Заказ 54
Подписной индекс 94114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14